

Министерство образования и науки, молодёжи и спорта Украины
Государственное учреждение
«Южноукраинский национальный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

Хоанг Тхи Кук

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.03 – социальная философия и философия истории

Диссертация на соискание научной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор социологических наук,
доцент
Лисеенко Елена Васильевна

Одесса – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. Теоретические основания философского исследования национального менталитета.....	10
1.1. Национальный менталитет в дискурсе социально-философской мысли	10
1.2. Экспликация понятия «национальный менталитет» в современной социальной философии.....	32
РАЗДЕЛ 2. Методологические подходы к изучению национального менталитета как предмета социальной философии.....	57
2.1. Структурно-функциональный анализ сущности национального менталитета.....	57
2.2. Особенности социокультурного подхода к изучению национального менталитета как способа национальной идентификации народа.....	84
РАЗДЕЛ 3. Национальный менталитет как детерминанта трансформационных изменений.....	96
3.1. Основные факторы и предпосылки формирования и изменения украинского менталитета.....	96
3.2. Особенности функционирования национального менталитета в условиях трансформации современного украинского общества.....	118
ВЫВОДЫ.....	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	152

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что суть происходящих трансформационных изменений в современных обществах обусловлен не только экономикой, политикой, развитием культурных процессов, но и особенностями национального менталитета, с которыми связаны социальные представления, ценностные ориентации, установки, стереотипы и архетипы народа. Кроме того, исследование различных проявлений духовности всегда было фундаментальной темой в социально-философском познании, поэтому исследование национального менталитета, как духовного образования, его сущности и специфических проявлений в современных реалиях, является значимым, так как в современном знании без такого рода информации вряд ли будут плодотворными содержательные характеристики явлений в целом.

В самом базовом содержании бытия украинской нации существуют различные компоненты, смыслы, ценности, архетипы, системное единство которых пока ещё не нашло целостного научного осмысления. Это выводит данную проблематику в разряд социально-значимых и актуальных в научно-теоретическом смысле задач.

Научная и методологическая значимость введения понятия «национальный менталитет» в категориальную систему социальной философии связана с тем, что до настоящего времени нет единой философской методологии исследования данного феномена. Наиболее часто применяются либо исторические (методология школы «Анналов»), либо социологические методы исследования этого феномена, которые в весьма ограниченных пределах могут быть применимы в области социальной философии. С их помощью нельзя раскрыть сущностные смыслы понятия «национальный менталитет», разрешить проблему роли национального характера и национального менталитета в общественно-историческом процессе. И, наконец, социально-философское исследование проблемы

национального менталитета позволяет также предложить новые концептуальные и методологические основы в разработке национальных программ как внутренней, так и внешней политики государства. Для осмысления глубинных изменений, которые происходят в социально-культурной системе современного украинского общества, для успешного реформирования всех сфер его жизнедеятельности, необходимо знание менталитета народа, его духовных, культурных, психологических особенностей, в соответствии с которыми и следует принимать решающие социально-экономические и социально-политические программы развития страны.

Важность, актуальность и недостаточная разработанность проблемы национального менталитета обусловили необходимость сосредоточиться на методологических основаниях философского осмысления сущностных характеристик национального менталитета и особенностей его функционирования в условиях трансформации общества, что и определяет основную *научную задачу* диссертационного исследования.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Диссертационное исследование непосредственно связано с научной тематикой кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» и выполнено в рамках научно-исследовательской темы «Инновационность в методологии и технологии научного и социального познания» (№ 0109U000194, утверждена на заседании учёного сонета университета, протокол № 5 от 25.12.2008 г.). Предложенное диссертационное исследование касается некоторых методологических аспектов указанной проблематики.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы определить сущностные и структурно-функциональные характеристики национального менталитета в процессе трансформации современного украинского общества.

Для достижения данной цели в диссертации были поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать развитие представлений о национальном менталитете в философском дискурсе;
- уточнить социально-философское содержание понятия «национальный менталитет»;
- выделить основные компоненты и функции национального менталитета как социально-культурного феномена;
- рассмотреть национальный менталитет как способ идентификации народа;
- исследовать основные факторы формирования и изменения национального менталитета;
- выявить особенности функционирования национального менталитета в условиях трансформации современного украинского общества.

Объект исследования – национальный менталитет как фактор социального бытия.

Предмет исследования – особенности национального менталитета в условиях трансформации современного украинского общества.

Методы исследования. Исследование осуществлено с помощью различных общенаучных методов. Особенность феномена «национальный менталитет» и поставленная цель исследования обусловили междисциплинарный характер исследования, так как необходимо объединение не только знаний из разных наук (философии, истории, социологии, психологии, культурологии), но и вариантов философского и исторического рассмотрения этого феномена (философия истории, философия культуры, историческая антропология, социальная психология). Социокультурный метод дал возможность выявить ценностные характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, формирование и развитие ценностного компонента в структуре национального менталитета, ценностную природу

национального менталитета как способа национальной идентификации, а в более широком контексте – принимать во внимание всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни. Другие методы, в частности, системный – дал возможность рассмотреть феномен национального менталитета во взаимосвязи с другими духовными феноменами общественной жизни, выявить взаимосвязь между развитием национального менталитета и формами социальной жизни, структурно-функциональный метод позволил рассмотреть структуру и функции национального менталитета как социокультурного феномена; исторический и историко-философский методы дали возможность проанализировать процесс становления концепции национального менталитета в социальной философии, проследить развитие представлений о факторах формирования и развития национального менталитета.

Научная новизна полученных результатов состоит в том, что сущностные и структурные характеристики, особенности функционирования национального менталитета в условиях трансформации современного украинского общества определены на предметном и категориальном уровнях социальной философии, а именно:

впервые:

– понятие «национальный менталитет» рассмотрено как социо- и культурогенная детерминанта трансформационных изменений, которые происходят в современном украинском обществе;

– определение «национального менталитета» связано с имманентной этнокультурной целостностью, которая включает совокупность исторически сформированных установок и черт характера народа, ценностей, стереотипов и архетипов, которые имеют специфику поведенческого проявления;

уточнено:

– основные элементы национального менталитета: «архетипичный» – система архетипов и компонентов коллективного бессознательного; когнитивный – образ мира и способы мышления коллективного субъекта;

ценностно-смысловой – система ценностей, ценностных ориентаций, идеалов, значений, норм; эмоциональный – оценки, настроения, эмоции, чувства; поведенческий – мотивы и стереотипы поведения;

– знание об основных функциях национального менталитета – транслирующей, ценностно-ориентационной, регулятивной, интеграционной, адаптационной, конструктивной;

получили дальнейшее развитие:

– разграничение понятий «национальный менталитет» и «национальный характер» с точки зрения соотношения структуро-творческого и динамического уровней социального сознания и национальной психологии;

– представления о факторах и предпосылках формирования и функционирования национального менталитета, который является феноменом социокультурного развития народа и на разных этапах развития общества проявляется в особенностях его национальной идентификации.

Практическое значение работы заключается, прежде всего, в определении сущностных характеристик и выделении структурных компонентов феномена национального менталитета, что позволило в самом бытии обозначить границы реальных духовных образований, определяющих жизнедеятельность социума. Содержащиеся в работе характеристики, положения, выводы позволяют представить характерные черты и особенности функционирования национального менталитета в современном украинском обществе и наметить пути дальнейших исследований в этом направлении.

Результаты и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании учебных курсов по философии, философии истории, социальной философии, а также при подготовке учебно-методических программ для подготовки философов и специалистов смежных специальностей.

Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы для разработки стратегии развития общества, в работе органов государственной власти, гражданских организаций.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены на международных научных конференциях, среди которых: Международная научная конференция «Традиции и инновации в науке и образовании XXI столетия» (Одесса, 2010 г.), Международная научная конференция студентов и аспирантов «VIII Харьковские студенческие философские чтения» (Харьков, 2011 г.), Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Современная семья: взгляд молодёжи» (Одесса, 2011 г.).

Положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях научного семинара кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

Публикации. Основные идеи и результаты диссертационной работы отображены в 4 научных статьях, которые опубликованы в изданиях, внесённых в перечень научных специализированных изданий по философским наукам, 2 тезисах докладов на международных конференциях. Все работы подготовлены самостоятельно.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трёх разделов, шести подразделов, общих выводов, списка использованной литературы. Общий объём работы – 167 страниц, из них 151 страниц занимает основная часть, 14 список использованной литературы, который содержит 148 наименования.

Раздел 1. Теоретические основания философского исследования национального менталитета

1. 1. Национальный менталитет в дискурсе социально-философской мысли.

Важным условием успешной общественной деятельности служит отчётливое понимание того, что психический склад человека имеет множество более или менее ярко выраженных особенностей, составляющих в совокупности то, что принято называть национальным менталитетом. Поэтому значительное внимание исследованию национальных особенностей сознания и поведения людей учёные уделяли ещё с древности. В античности и средние века изучение этноментальных различий носит преимущественно описательный характер. Так, Геродот рассказывает о специфических особенностях греков и народов, с которыми они соприкасались, повествует о богах, обычаях, обрядах и нравах различных народов, не забывая при этом об особенностях черт их менталитета. Он сравнивает народы и объясняет этноментальные различия особенностями природной среды и образом жизнедеятельности. Геродот, Тацит, Полибий, Цезарь Светоний Транквилл оставили потомкам яркие зарисовки социально-политической организации персов, скифов, германцев, галлов, римлян, других современных им этносов и племён, а также их поведения в различных ситуациях, связанных с борьбой за власть.

Научный подход к национальному менталитету начинает прослеживаться лишь в Новое время, что является реакцией на процесс образования европейских наций в эпоху капитализма. Различия в менталитете народов становятся объектом специального анализа со стороны философов и ученых. Французский просветитель Ш. Монтескье вводит в оборот понятие «дух народа», решая вопрос о его обусловленности с позиции географического детерминизма. Первостепенная роль отводится климату,

влияющему на дух народа не только непосредственно, но и опосредованно. Благодаря климату и почвам складываются обычаи и традиции, влияющие, в свою очередь, на ментальные свойства народов. В философии Нового времени рассматриваются и другие факторы формирования национального менталитета. К. Гельвеций решающее значение придает формам правления, а Д. Юм важную роль в формировании народного характера отводит стремлению людей к объединению в социальные группы в соответствии с потребностями экономики, обороны и управления. И. Г. Гердер, отождествляющий понятия «душа народа», «народный характер», «дух народа», подчеркивает их зависимость не только от климата и ландшафта, но и от влияния образа жизни, воспитания, политического строя и этнической истории. Народный дух, представляющий прирожденный характер народа, является движущей силой исторического развития нации. Он образует основу общества, одухотворяет культуру и находит свое выражение в языке, обычаях, ценностях и традициях. Для понимания особенностей национального менталитета конкретного народа И. Г. Гердер призывает изучать его фольклор, ибо мир фантазии, выраженный в нем, отражает народный дух наилучшим образом.

Понятия «дух расы» и «дух народа» употребляются Г. Гегелем. Дух расы есть результат распада человечества на отдельные сообщества в зависимости от природно-климатических условий. Расы распадаются на народные духи, различающиеся образом жизни, формами тела, но особенно интеллектуальными и нравственными способностями. Важными причинами этноментальных различий являются географические факторы и религиозное влияние. Так, христианство формирует у исповедующих его народов сосредоточенность на своем внутреннем мире, уверенность в себе субъективность. Следуя диалектическому принципу противоречия, Г. Гегель выделяет у народов (французов, англичан, немцев) как сильные, так и слабые черты менталитета.

В середине XVIII века в европейской истории народы начинают трактоваться как своего рода коллективные личности, наделённые индивидуальными «характерами» (Вико, Монтескье, Гердер и др.). Несколько позже романтики, а вслед за ними Гегель, развивают учение о «духе народа», понимаемом как заданная свыше форма отношения к миру и соответствующая этому программа его исторической самореализации. Идеи коллективной ментальности довольно подробно описываются в книге Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (1835). Исследуя общественное сознание США, автор показал предрассудки, привычки и пристрастия, характерные для американского общества. Они-то и составляли, по его мнению, национальный американский характер.

Впервые на Западе термин «ментальность» встречается у философа Ральфа Эмерсона (1856). Однако начало систематического рассмотрения продуктивного и многопланового развития термина «менталитет» было положено в 20-е годы XX века во франкоязычной гуманитаристике М. Пруст, отмечая его новизну, с симпатией вводит неологизм в свой словарь. В 1922 году Люсьен Леви-Брюль публикует исследование «Первобытное мышление» (“*La mentalite primitive*”), в котором различает два типа менталитета – дологический и логический, фиксируя несоизмеримость мышления австралийских и африканских племен с характерным для него «законом партиципации» и основанного на законе противоречия, представленного в европейской традиции рационального мышления. Он подчеркивает «прелогичность» и эмоциональную окраску сознания людей, не достигших стадии цивилизации. Впрочем, в его теориях речь шла, прежде всего, о коллективных представлениях, которые доминировали в первобытных обществах и резко контрастировали с образом мыслей, характерным для обществ цивилизованных.

Вехой в истории развития концепций менталитета стали работы французского историка Ж. Лефевра, который ввел в качестве объяснительного средства представление о «коллективной ментальности».

Обратившись к социально-экономической истории, в частности, исследуя панику, охватившую в 1789 году французскую деревню, Ж. Лефевр пришел к необходимости рассмотрения психологии масс, поведение которых, особенно в кризисную эпоху, нельзя было объяснить без учета структуры коллективной ментальности. Исследуя в дальнейшем поведение «революционных толп», Ж. Лефевр показал, что за идеолого-политической «событийной» историей скрывается ее глубинный источник – подчиненная особым закономерностям динамика коллективной ментальности. Коллективная и индивидуальная ментальность представляют для Ж. Лефевра как своего рода, биологически обусловленные константы.

Один из основателей социальной психологии Г. Лебон определяет душу народа как совокупность моральных и интеллектуальных особенностей, как синтез его прошлого и наследство всех его предков, и, что самое важное, как общие чувства, общие интересы и общие верования. Причинами, определяющими специфику души народа, объявляются наследственность, семейное влияние, влияние социальной среды, причем последняя причина играет наименьшую роль, а приоритет отдается влиянию предков, т. е. биологической наследственности [64]. Автор выражает несогласие с этой посылкой Г. Лебона, считая что нацию объединяет не столько кровь предков, сколько общая судьба, историческая память, единые духовные ценности. В то же время заслуживают внимания рассуждения Г. Лебона о неодинаковости душевных дарований различных народов, поскольку одни лучше проявляют себя в искусстве, другие – в государственном строительстве, третьи – в промышленной деятельности. Представляют интерес суждения Г. Лебона о решающем влиянии менталитета народа на его историческую судьбу, так как в конечном счете жизнь народа, его учреждения, его верования и его искусство суть только видимые продукты его невидимой души. Основатель экспериментальной психологии В. Вундт считает, что душа народа – реально существующее образование и поэтому является столь же приемлемым и необходимым объектом исследования, как и индивидуальная душа.

Содержание души народа составляют общие представления, чувствования и стремления. Внешними формами проявления внутреннего содержания души народа являются язык, мифы и обычаи. Язык содержит в себе общую форму присутствующих в душе народа коллективных представлений, мифы таят в себе чувственное содержание этих представлений, а обычаи являются собой возникающие на основе коллективных представлений и чувствований общие направления воли, т. е. общепринятые образцы поведения. В. Вундт не абсолютизирует, подобно Г. Лебону, роль менталитета народа в историческом процессе, но призывает обязательно учитывать идеальную составляющую истории, поскольку психические силы, наряду с влиянием природы, играют значительную роль в историческом процессе [113].

Философ и этнопсихолог Г. Г. Шпет, уравнивающий термины «дух», «характер», «душа» народа, считает, что душа народа представляет собой сходство переживаний и действий, составляющих данный на род индивидов; это коллективный репрезентант многих индивидов в виде сходных реакций индивидов на сходные условия жизни. Душа народа как специфический тип коллективности, носителями которого являются индивидуальные души, является результатом влияния природных и социальных факторов, а также творимой людьми духовной культуры.

Проблема перехода от метафизики национальных различий к их собственно психологической интерпретации была поставлена во второй половине XIX века М. Лацарусом и Х. Штейнталем, сформулировавшими концепцию нового направления в науке – *психологии народов*. Каждый народ (нацию) предлагалось рассматривать как особую психологическую связь, состоящую из отдельных звеньев – индивидуальных сознаний. В дальнейшем эта концепция была развита основоположником экспериментальной психологии В. Вундтом, который совершенно отказался от неопределённого и весьма абстрактного понятия «народного духа» и поставил задачу выявления глубинных слоёв человеческой психики путем изучения её внешних проявлений в языке, мифах и обычаях. Психология национальных различий в

таким её пониманием в первую очередь ориентировалась на своеобразие культур. В частности, Х. Штейнталь и М. Лацарус рассматривали генезис народного духа. Под последним они понимали одинаковое сознание большого количества людей. Х. Штейнталь и М. Лацарус отмечали, что в формировании народного духа определенную роль играют внешние факторы – это одинаковое происхождение, близость места проживания. Кроме того, формируют народный дух исторические условия бытия народа. Вследствие этого создается материальная и духовная культура [113].

Работы Х. Штейнталья и М. Лацаруса были нацелены на рассмотрение элементов народного духа, к которым они относили язык, мифологию, религию, народное творчество, искусство и другое. Среди элементов народного духа первое место, с их точки зрения, принадлежит языку, поскольку в нем в наибольшей мере проявляется народный дух.

Изучение характерных черт психологии и менталитета французского народа было предпринято в труде А. Фулье. Полагая важнейшей чертой «французского ума» склонность к логически ясной схематизации, чёткой определённости, максимально полному сведению эмпирических многообразий к общим идеям, столь ярко проявившимся в философском мышлении Декарта, А. Фулье выводит из неё безграничную веру французов в сильное государство. Оно означает для них не только собственно политический институт, но и некий универсальный логический принцип, приводящий всю социальную действительность к некоему рационально выстроенному порядку. Поэтому, считал А. Фулье, фрондирующие при всяком удобном случае, недисциплинированные, дорожащие больше правом говорить, чем возможностью действовать, французы обыкновенно легко подчиняются сильной власти, полагая, что она сделает их счастливыми. Касаясь теоретических проблем психологии народов, А. Фулье связывает формирование национального менталитета с общением. Именно в процессе общения, осуществляемом на базе национального языка, вырабатывается, с его точки зрения, единый способ чувствовать, думать и желать, отличный от

присущего психике отдельных членов общества или их арифметической сумме. Стало быть, национальный ум как таковой нельзя реконструировать путем простого наложения множества отдельно взятых индивидуальных умов. Дело здесь не просто в каких-то повторяющихся или широко распространенных чертах, а в том, что национальный ум действует на индивидуальные как причина на следствие. Можно даже говорить об определенном давлении, которое он способен оказывать на психологию отдельных индивидов. Кроме того, национальный ум шире, чем совокупное сознание ныне живущих представителей данного народа; он включает в себя и мышление прошлых поколений, действующее в веках через запечатленные в культуре идеи, чувства, нормы, эталоны и т. д. Поэтому о нации нельзя составить правильного и полного представления, изучая её лишь в наличном на данный момент составе. «На индивиде и его отношениях к согражданам, – писал А. Фулье, – тяготеет вся история его страны» [111]. Это отличает национальную общность от толпы, объединённой только эмоциональным резонансом непосредственно соприкасающихся друг с другом людей. В среде нации взаимодействие осуществляется сложнее и не носит столь мимолётного характера.

Вопрос о том, как возникает и развивается национальный склад ума и национальный характер, психология народов обычно трактовала плюралистски. Значительное место в этом процессе отводилось биологической наследственности, в частности расовым особенностям. Но наряду с этим рассматривались природно-климатические факторы, географическое положение страны, культура, транслируемый из поколения в поколение коллективный исторический опыт, память о крупнейших событиях прошлого. В целом психология народов пользовалась преимущественно описательными характеристиками. Она выявляла национальные особенности мировосприятия, мироощущения и мышления, показывала их связь с языком, а также с условиями формирования данного народа и его историческим

развитием, но не объясняла собственно психологических механизмов реализации этой связи.

Особый вклад в развитие представлений о человеческой психике внёс Зигмунд Фрейд. Он убедительно доказал, что из двух сфер ментальности – сознательной и бессознательной – более сильной является бессознательная. Одни люди строго придерживаются своих жизненных принципов, собственной системы координат, но, тем не менее, далеко не всегда могут объективно оценить как себя, так и своё поведение. Другие вообще ни о чём подобном не задумываются и поступают интуитивно, по наитию, руководствуясь бог весть чем. И потому делают много шагов в «никуда». Но ведь можно шагать не вслепую, осознанно, включить, так сказать, фонарик. По З. Фрейду, сделать нечто осознанным значит воплотить некий образ, чувство или представление в словесную оболочку.

Понятие группового менталитета (коллективного бессознательного) получило признание благодаря работам швейцарского психиатра Карла Густава Юнга. По Юнгу, содержание личного бессознательного формируется в течение жизни человека, но для возникновения коллективного бессознательного одной жизни мало. Коллективное бессознательное – это своеобразные инстинкты, состоящие из так называемых архетипов, неких, поднимающихся из глубины психики бессознательных образований, которые присутствуют в генах и передаются из поколения в поколение. «Эти архетипы, чья глубочайшая природа недоступна опыту, являются осадками психической деятельности всей линии предков, накопленным опытом органической жизни вообще, миллион раз повторенным и загустевшим в типах. В этих архетипах, таким образом, представлен весь опыт, имевший место на этой планете с первобытных времен, – писал Юнг. – Архетипы подобны руслам рек, которые иссыхают, когда вода покидает их. Но они могут внезапно наполниться вновь бурлящим полноводным потоком» [125]. Пересмотрев основные положения психоанализа З. Фрейда, с которым он сотрудничал в течение нескольких лет, Юнг выдвинул положение о том, что

наряду с индивидуальным бессознательным, которым ограничивался классический фрейдизм, в психике человека существует ещё более глубокий слой – *коллективное бессознательное*. Именно коллективное бессознательное, по Юнгу, и запечатлевает в себе совокупный опыт предшествующих поколений, в том числе память о природной среде, исторических событиях, моделях социальной деятельности и т. д. Содержание этого слоя психики составляют особые обобщенные первообразы (архетипы), представляющие собой коллективно наследуемые формы восприятия и понимания. Архетипы недоступны непосредственному наблюдению, но могут реконструироваться путем анализа их внешних проекций. При этом наиболее отчетливо глубины подсознания проявляются в сновидениях и творческих интуициях, не регламентированных рациональным самоконтролем (мифы, художественные сюжеты, символы и т. п.). Часть архетипов, по Юнгу, носит общечеловеческий характер (например, любовь к матери). Однако некоторые из них связаны со специфическими особенностями национальной жизни и представляют собой своего рода порождающие структуры национального менталитета. Центральное место среди архетипов Юнг отводил образу самого себя («эго-символ»), играющему основную роль в самоидентификации и соотношении субъекта с окружающим миром [126].

Юнг не устал подчеркивать стихийность, спонтанность архетипов, которые проявляют себя независимо от воли или сознания, выскакивают как чёрт из табакерки, где хотят и когда хотят. Юнг настаивал на том, что человек находится под их влиянием до такой степени, какой он себе и представить не может. Особенно современный – прагматик и логик, далекий от осознания того, насколько им правят иррациональные силы. Он в их власти не менее, чем первобытный человек, который, в отличие от нас, понимал, что находится в царстве потусторонних воздействий.

В 30-х и 40-х годах Юнг неоднократно обращался к анализу генезиса нацистского режима в Германии. Он считал крайне наивным выразившееся в

те годы многими интеллектуалами изумление по поводу того, что народ Шиллера, Канта и Гёте мог породить такое политическое чудовище. На самом деле, доказывал швейцарский психолог, подсознательные импульсы, способствовавшие утверждению нацизма, глубоко укоренены в национальном менталитете немцев и естественным образом воспроизводятся на базе его внутренних противоречий. Наиболее полным выражением национального архетипа немцев Юнг считал образ древнего германского бога Вотана – неистового воителя, вносящего в мир стихию разрушения и раздора, но вместе с тем склонного к мечтательности кудесника, любившего уединение и дальние странствия (неслучайно в германской мифологии он числился ещё и покровителем поэтов). Таким образом, импульсы творчества в коллективном бессознательном немецкого народа, по Юнгу, неразрывно переплетены с импульсами разрушения. Этот тезис подтверждали и данные клинических наблюдений швейцарского психолога за некоторыми пациентами-антифашистами, в сновидениях которых якобы также присутствовал бессознательный комплекс насилия. «Вотановский архетип», полагал Юнг, был в свое время укрощен христианством, он никуда не исчез, а лишь оттеснился в самые глубины психики. Тем не менее, истинным богом немцев оставался именно Вотан, а не Христос. Упадок же христианства в начале века, особенно в период после Первой мировой войны, вновь вызвал к жизни теперь уже ничем не сдерживаемые древние порывы. Симптомы грядущего возвращения Вотана, по наблюдениям Юнга, можно было проследить по самым, казалось бы, невинным увлечениям и чертам социального поведения немцев в 20-х и начале 30-х годов – например, по пробудившейся вдруг у них массовой страсти к бродяжничеству и путешествиям (напомним, что эта же черта отличала и мифического бога воинов). Так что приход к власти нацистов, с точки зрения Юнга, закономерно следовал из скрытых в темных глубинах психики процессов. По сути своей он был не чем иным, как возвращением немецкого национального духа к самому себе [126].

Исторические события XX века стимулировали огромный интерес к изучению особенностей национального менталитета, проявляющиеся не только в научных исследованиях, но и в дискуссиях, направляющих движение самой общественной жизни. Осмысление революционных событий и процессов становления советского строя позволили таким мыслителям, как Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич, П. А. Сорокин и др., сделать ряд глубоких выводов о психологии русского народа, которые стали по существу общепринятыми [2; 3; 108]. Так, Б. П. Вышеславцев прекрасно реконструировал русский архетип «дойти до корня», «отыскать настоящую правду» на примере былинного сюжета о ссоре Ильи Муромца (олицетворяющего в русском фольклоре народную силу и народную правду) с князем Владимиром. Завязка конфликта состоит в том, что мужицкого богатыря Илью не позвали на княжеский пир. Обиженный, он уходит от князя, сбивает золотые маковки с княжеских теремов и церквей и на добытое таким образом золото устраивает пир для голытьбы. Все эти действия предпринимаются им во имя справедливости. Мотивация в принципе законная: справедливость и в самом деле была нарушена. Однако примечательно, *как именно* реагирует на это Илья. Перед нами не западноевропейская революция с её борьбой за права и новый строй жизни. Логика мышления здесь иная: неприятие конкретного явления немедленно универсализируется, оборачиваясь стихийным нигилизмом, мгновенно уничтожающим всё то, чему народная душа только что поклонялась и чему сам народный богатырь служил всю жизнь. Происходит не столько восстановление порушенной справедливости, сколько мгновенное отторжение мира, в котором существует несправедливость. По сути, заключает Б. П. Вышеславцев, перед нами предстаёт картина русской революции, которую как в пророческом сне увидела древняя былина. Если перевести былинные образы на язык современных политических понятий, можно сказать, что Илья Муромец вместе с отбросами общества («голью кабацкой») осуществляет «грандиозный разгром церкви и государства» [60].

Особый этап в изучении национального менталитета связан с исследованием культурных сверхсистем П. Сорокиным. Он полагал, что любое общество можно описать и понять только через призму присущей ему системы «значений, норм, ценностей», которые понимаются здесь предельно широко как методика и техника закрепления и объективации в поведенческие структуры внутренней способности человека организовывать окружающий его мир разумное и духовное целое. П. Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика» определяет культуру как «тотальную сумму всего, что создается или модифицируется сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или определяющих условия поведения друг друга» [108]. Огромное разнообразие культурных тем, попадающих под эту категорию, составляет интегрированную систему. Она достигает высшей формы интеграции, когда «каждая часть занимает предназначенную для нее позицию и уже не воспринимается как часть, а все вместе они образуют ткань, лишенную швов» [145]. В основе такого единства лежит общий «центральный принцип» («разум»), который «проникает во все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и таким образом создает космос из хаоса разъединенных фрагментов» [145]. Центральным принципом культуры, по мнению П. Сорокина, является «культурный менталитет». Он отмечает, что каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность, собственную систему знаний, философию и мировоззрение, свою религию и стандарты «святости», собственные представления о том, что правильно и неправильно, форму искусства и литературы, собственные мораль, законы, нормы поведения, доминирующие формы социальных отношений, собственную экономическую и политическую организацию, и наконец, свой собственный тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением [108, с. 67].

Это понятие живо обсуждалось европейскими мыслителями XX века. К примеру, историки группы «Анналов» рассматривали феномен национального менталитета как заряд духовного опыта, который вершит

историю. Основатель (наряду с М. Блоком) школы «Анналов» Л. Февр считал, что понятие национального менталитета лишено биологического истолкования. В манифесте школы «Новых Анналов» (1946) Л. Февр подчеркивает, что мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений, без ясного осознания этого, хотя он и называет «сознанием» весь этот блок, генерирующий импульсы, формирующие историю и самого человека. Национальный менталитет у Л. Февра мыслится не как биологически укорененная константа, а как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, поведение людей, их ценности и «жесты». Заслуга Л. Февра состояла в том, что он отметил такую особенность национального менталитета, как инерционность. В исторических реконструкциях, как отмечает Л. Февр, национальный менталитет обнаруживается прежде всего как причина «отставания» или «сопротивления» переменам в социополитической и идеологической сферах, так как менталитет изменяется медленнее, чем материальное окружение и социальные институты. Ментальные структуры, таким образом, служат одновременно и продуцирующим основанием, и препятствием для исторического движения, благодаря чему оно приобретает свой неповторимый уникальный характер [24].

Заслуга Л. Февра и М. Блока заключалась в том, что они заложили основы теории ментальности (менталитета) в общественных науках. Работы этих историков позволили осознать, что оценка поступков исторических персонажей с точки зрения современных стереотипов есть искажение истории. Люди прошлых веков отличались от нас, прежде всего, своим менталитетом, т. е. образом мышления, поведения, реакцией на окружающую среду. Как ни развита была индивидуальность у отдельного человека, «психологическая матрица» его века накладывала на его сознание особый отпечаток. По мнению у Л. Февра и М. Блока ментальность нельзя полностью приравнять к таким явлениям, как «сознание» или «сфера

бессознательного», хотя между этими тремя явлениями существует глубокая связь.

В России наиболее глубоко разрабатывал проблематику национального менталитета А. Гуревич [23, с. 24]. А. Гуревич называет национальный менталитет «общим ментальным фондом» народа. В этом фонде есть ядерный слой-инвариант, а также инновационные структуры, меняющиеся соответственно времени проживания народа. Роль «истории ментальностей» в становлении понятия «национальный менталитет», по мнению А. Гуревича, определяется рядом факторов. Во-первых, изучение картин мира, исходящее из презумпции исторической изменчивости, «инаковости» мировидения человека и его поведения представляет собой несомненную победу историзма и создает возможность избегать переноса в изучаемую эпоху современных представлений. Во-вторых, по мнению А. Гуревича, этот подход служит предпосылкой для новой формулировки самого понятия социальной истории. В этом плане «человеческая личность может рассматриваться как «средний член» между обществом и культурой. Одни и те же люди принимают участие в социальных отношениях и творят культуру или воспринимают ее» [23]. Поэтому понять участие человека в социальных отношениях можно с точки зрения «истории ментальностей», как считает А. Гуревич, только путем изучения изменчивых картин мира, «инаковости» мировидения человека.

Классическими образцами воссоздания национального менталитета различных эпох являются также работы нового поколения школы «Анналов» Ж. Ле Гоффа, Р. Мандру, Ж. Дюби и других историков, в том числе историков культуры, науки, искусства – Й. Хейзинги, Ж. П. Вернана, П. Франкастеля, Э. Панофски. Для представителей «новой исторической науки» изучение ментальностей (менталитета) стало главным предметом исследования. При этом основное внимание уделялось социально-психологическим установкам, автоматизмам и привычкам сознания, способам видения мира, представлениям людей, принадлежащим к той или иной социокультурной общности. Исследователи считали, что в то время как всякого рода теории,

доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальности диффузны, разлиты в культуре и обыденном сознании. По большей части они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли.

Большую роль в становлении концепции национального менталитета в философском дискурсе сыграли идеи, разработанные в семиотике. Это связано с тем, что ментальности, будучи имплицированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях, выражают не столько индивидуальные установки, сколько надиндивидуальную сторону общественного сознания. Авторы, рассматривающие проблемы национального менталитета в контексте семиотики, считают, что «семиотика как наука о знаковых системах осознает себя преимущественно дисциплиной, выросшей из лингвистики, где все сферы человеческой жизнедеятельности понимаются ею как «тексты», знаковые системы которых подлежат расшифровке». При этом некоторые исследователи отмечают большую роль тартуской, или тартуско-московской школы структуральной поэтики и семиотики, в рамках которой были разработаны оригинальные методы изучения письменных текстов. Эти методы позволяют использовать письменные тексты как источник информации при изучении национального менталитета.

Тартуско-московская школа как научное направление (Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Б. А. Успенский и др.) сформировавшаяся в 60-х гг., по мнению Б. М. Гаспарова, сама была семиотическим феноменом. Семиотические исследования, проводимые ее представителями, являлись своеобразным культурным «текстом», выразившим дух своего времени. При этом Б. М. Гаспаров подчеркивает, что основным методологическим стержнем семиотических исследований этой школы, явилось представление о дуалистическом бытии всевозможных проявлений культуры, в основе которого лежит противопоставление «языка» и «речи», сформулированное

применительно к языку Ф. де Соссюром. Согласно такому подходу, любая наблюдаемая нами форма деятельности в обществе, будь то общение на вербальном языке, создание и восприятие произведений искусства, религиозные обряды и магические ритуалы, формы социальной жизни и повседневного поведения, моды, игры, знаки личных взаимоотношений и социального престижа – представляют собой вторичный феномен: «речь» или «текст». Всякий текст построен на основе некой абстрактности, скрытой от непосредственного наблюдения системы правил – «языка» и «кода». Любой акт поведения в известной среде представляет собой высказывание на определенном языке; чтобы успешно общаться в рамках культурного сообщества, его члены должны владеть «кодами», принятыми в этом сообществе. Только знание соответствующих кодов позволяет члену сообщества порождать правильные культурные «тексты», имеющие смысл для носителей данного «культурного» языка и понимать предлагаемые ему «тексты», оценивая их как правильные или неправильные, «осмысленные или бессмысленные, трафаретные или новаторские». Эта центральная идея, разработанная тартуско-московской семиотической школой, имеет большое значение при изучении национального менталитета в том смысле, что ориентирует исследователя на понимание культурных кодов, на основе которых строится текст или речь. Поскольку эти коды создаются носителями определенного культурного языка, то в них отражается и менталитет отдельного человека и нации в целом. Отмечая влияние этой школы в становлении понятия «национальный менталитет», американский исследователь Д. Фильд подчеркивает, что большая роль при его изучении должна отводиться не только письменным текстам, но и «вещественным» (жестам, поворотам речи и т. д.), чтобы найти в знаках то, о чем письменные источники безмолвствуют. Данные вещественные источники, следовательно, понимаются также как тексты.

Важным для нашей проблемы является направление в анализе национального менталитета, которое начал Э. Фромм. В работе «Бегство от

свободы» (1941) он ввел и обосновал понятие «социальный характер», которое, по сути, является конструкцией коллективной ментальности.

С помощью понятия «социальный характер» Э. Фромм обозначает «ядро структуры характера, свойственного большинству представителей данной культуры, в противовес индивидуальному характеру, благодаря которому люди, принадлежащие к одной и той же культуре, отличаются друг от друга» [115].

Он отмечает, что каждый человек имеет свой индивидуальный характер, и мы не сможем найти и двух человек с идентичной структурой характера, но если пренебречь незначительными расхождениями, можно выделить несколько типов характеров, в общем репрезентативных для различных людей. По его мнению, проблема структуры характера выходит далеко за рамки отдельного индивида, если только удастся показать, что нация, социальные общности или классы в данном обществе обладают специфической для себя структурой характера. Этот типичный для общества характер Э. Фромм назвал «социальным характером».

В начале 50-х годов изучению социального характера серьезное внимание уделяет американский социолог Дэвид Рисмен. В своей работе «Одинокая толпа. Исследование американского характера» он пытается проанализировать влияние процесса модернизации на сознание и поведение современного человека и решить вопрос о судьбе человеческой индивидуальности и массового общества. С одной стороны, подобно Марксу, Д. Рисмен пытается выявить взаимосвязь между экономическим развитием и происходящими в нем социальными изменениями. С другой стороны, подобно Э. Фромму, он придавал большое значение изучению социального характера и его изменениям для понимания общества в целом и отдельных его элементов. По мнению Рисмена, «социальный характер – это та часть характера, которая формируется в процессе жизнедеятельности и представляет своего рода «установку», с которой человек подходит к миру и людям [113]. Он показал, что социальный характер – это та часть характера,

разделяемая значимыми социальными группами, которая формируется под влиянием социальных детерминант, что позволило ему говорить о социальном характере классов, наций, обществ.

Ментальную специфику человеческого бытия и многомерность человеческих взаимоотношений как в области витальных, так и в области духовных «качеств» отмечает в своих работах известный польский ученый А. Гжегорчик. Он отмечает, что «бытие людей принадлежит миру живых существ. Длительность существования живых существ есть то, что мы называем жизнью. Их главной характеристикой является сам цикл жизни, а также цикл обмена (веществом, энергией, информацией) с окружающей средой. Эти циклы являются специфическими для различных типов живого. Так, саморегуляция животного является более сложной, чем у растений, а саморегуляция человеческого существа является еще более сложной. Она может быть охарактеризована посредством понятия «ментальные орудия» (или стандарты понимания и деятельности). Человек создает ментальные орудия и использует их. Ментальная специфика человеческого бытия может быть охарактеризована тремя чертами:

1. Познанием глубинных структур реальности (включая и атомистическую структуру материи).

2. Богатством производимых человеком различных ментальных инструментов (планов, образцов, классификаций, теорий, символических образцов и т. п.).

3. Волевой регуляцией поведения (возможность самопринуждения и свободного выбора в применении определенных ментальных орудий)» [134].

В работе А. Гжегорчика доминантной становится идея «витального и духовного» как реальных атрибутов человеческого бытия. По сути, речь идет о национальной ментальности, своеобразие которой можно выяснить при использовании четырех общезначимых типов мироотношений человека, в которых в качестве общезначимых ценностей проявляются феноменальные свойства его бытия.

К области витального А. Гжегорчик относит все то, что так или иначе связано с жизненным циклом человека, его биологическими свойствами. К области духовного им относится все то специфически человеческое, что связано с задачами саморегуляции жизненных циклов людей. Примечательно, что А. Гжегорчик, выделяя дифференцированную систему общезначимых витальных и духовных ценностей, трактует эти ценности в качестве ментальных интенций человека.

Феноменология изменений национального менталитета скрыта от прямого постижения и поэтому окутана субъективизмом в интерпретации ее причин и следствий. Проблема заключается в том, что «скачок» (А. Тоффлер), изменения, которые происходят в сознании человека в ситуации социокультурных преобразований общества, не были предметом изучения в социальных науках. Отдельные структуры национального менталитета, по мнению Ф. Броделя довольно устойчивы для целых поколений. Эти отдельные структуры менталитета способны приостанавливать ход истории, мешают ей и при этом сами становятся историей. «Ментальные рамки тоже могут стать тюрьмами времени большой протяженности» [9]. Ф. Бродель выделяет три типа исторического времени – время протяженности, время простой средней протяженности и краткий срок. Различные социальные явления имеют разные временные сроки: развитию политики соответствует «краткий срок», экономики – «время средней протяженности», ментальность имеет наиболее длительную протяженность, и является наиболее устойчивой и малоподвижной структурой сознания. Поэтому национальный менталитет изменяется более медленно, чем что-нибудь другое, и их изучение свидетельствует о том, «как медленно шествует история» [9]. Глубинные структуры национального менталитета очень стабильны в истории, поэтому объединяются собой целые исторические эпохи. Другие ученые считают изменчивость национального менталитета его сущностной характеристикой. Мы разделяем именно эту точку зрения, ибо в менталитете всегда присутствуют извечные чувства и явления (голод, любовь, гнев, печаль, боль,

смерть и прочее), но наряду с ними в менталитете любой эпохи можно найти и то новое, что вызвано к жизни изменившейся исторической действительностью. Следовательно, национальный менталитет подвержен изменениям в истории. Л. Н. Гумилев подчеркивает: «Так что же характерно для «русского» психологического типа: строгое собирательство или веселое, беззаботное расточительство? Видимо и то и другое, в зависимости от эпохи, то есть фазы этногенеза. Эти изменения идут неуклонно, ни будучи функционально связаны, ни с модификациями географической среды, ни со сменами общественно-экономических функций, хотя постоянно взаимодействуют и с теми и другими» [27].

Существует мнение, что различные процессы национального менталитета обладают различной степенью изменчивости и устойчивости. Ж. Дюби определил четыре группы процессов изменчивости национального менталитета с учетом их длительности:

- 1) поверхностные, быстротечные, возникающие как реакция группы на действия индивида и наоборот;
- 2) плавные трансформации, средней продолжительности, согласующиеся с изменениями в экономических, политических, социальных системах;
- 3) «темницы долгого времени – ментальные структуры, не изменяющиеся со сменой поколений»;
- 4) глубинный слой, связанный с биологией человека, не изменяется или изменяется с эволюцией биологических систем [140].

В данных представлениях изменчивость национального менталитета рассматривается как целостный феномен, относящийся к коллективному субъекту. Остается невыясненным, что происходит с коллективным субъектом и отдельным человеком в процессе изменения его национального менталитета. Ученые представляют многочисленные модели изменений, происходящих в психологии людей различных эпох и этносов, но каждая из них акцентирует отдельные феномены данного процесса и на этой основе

невозможно создать общей картины. Исследователи при этом преимущественно фиксируются на фактах изменений культурных артефактов, но не демонстрируют пути и способы трансформации. Остается открытым и вопрос выбора параметров, критериев в оценке трансформации и их обоснованность и надежность.

В отечественной научной мысли специальное изучение национального менталитета как объекта социально-философского анализа не получило столь широкого распространения, как за рубежом. Из этого, однако, не следует, что отечественные ученые индифферентны и к самой этой проблематике, и к связанным с ней тенденциям мировой науки.

Такие ученые, как Н. Я. Данилевский в своем труде «Россия и Европа», Л. П. Карсавин во «Введении в историю», Н. О. Лосский в «Характере русского народа», Н. И. Костомаров в работе «Две русские народности» исследовали особенности характера украинцев, формирование национальной идеи, пути развития украинских ментальных ценностей [49, с. 71]. Речь шла об уникальной духовной структуре – душе культуры, что фиксирует внутреннее единство конкретно-исторического культурного комплекса, который обуславливает неповторимость мировидения, а следовательно жизнедеятельности людей.

Украинские учёные в своих работах рассматривали проблему менталитета с разных точек зрения: Т. Шевченко, Л. Украинка, И. Франко осмысливали национальный менталитет способами художественного творчества; Г. Сковорода, П. Юркевич рассматривали менталитет как проявление «божественной» сущности человека, кордоцентризма и софийности.

Наиболее близко к изучению национальной ментальности и ее аксиологическим особенностям подошла группа представителей украинской диаспоры. Такие исследователи, как А. Кульчицкий, Ю. Липа, Д. Чижевский, И. Гончаренко, Н. Григориева, М. Шлемкевич, Б. Цимбалистый, В. Янив анализировали сущность духовных оснований социума, существенные

ментальные черты нашей общности, вопросы соотношения сознательного и бессознательного, факторы формирования украинской ментальности [146]. Ю. Липа в работе «Призначення України. Друге незмінне видання» (1953) отмечает некоторые характерные черты украинской семьи (а, следовательно, – наиболее существенные проявления украинского менталитета). Он считает, что матриархат, хотя и не в главенствующей роли, остался составляющей украинской расы, что духовность матриархата, хотя и измененная, осталась в украинской семье, где женщина имеет очень большое значение [146].

Среди современных исследователей украинского менталитета и украинского национального характера необходимо назвать, прежде всего, М. Поповича, П. Гнатенко, В. Горского, Е. Донченко, В. Храмову. В настоящее время исследованию украинской национальной ментальности и национального менталитета в его философских, социологических, политических и др. аспектах значительное внимание уделяют современные украинские ученые В. Андрущенко, В. Арбенина, В. Бебик, А. Бычко, И. Бычко, Н. Вяткина, Е. Головаха, В. Горский, Р. Додонов, С. Крымский, А. Кавалеров, Е. Лисеенко, О. Майборода, М. Мищенко, Л. Нагорная, В. Омелянчик, Т. Поплавская, Ю. Писаренко, А. Стовец, Т. Рудницкая, В. Степаненко, В. Храмова, Н. Шульга и др. В современной научной литературе по проблеме национального менталитета как научной категории и как объекта исследования ведутся серьезные дискуссии. «Круглый стол», посвященный анализу понятия «ментальность» в общественных науках, проходил на страницах журнала «Генеза. Философия. История. Политология» за 1995 год. По справедливому утверждению одного из участников дискуссии, М. Мищенко, ментальность, в первую очередь, связана с организацией эмоций, поэтому способ организации эмоций, т. е. аффективно-когнитивных структур, и называется, по его мнению, ментальностью. В этой связи М. Мищенко предлагает ввести понятие «эмоциональная реальность», поскольку эмоции являются для человека определенной реальностью, которую он не может изменить. Понятие «эмоциональная реальность», на

наш взгляд, является важной для понимания природы и сущности национального менталитета как социокультурной реальности.

1.2. Экспликация понятия «национальный менталитет» в современной социальной философии.

Понятие «национальный менталитет» весьма богато, поэтому в современной научной литературе оно получило самую разнообразную интерпретацию. Прежде всего, отметим, что хотя понятия «менталитет» и «национальный менталитет» являются взаимосвязанными и сопряжёнными понятиями, но они не тождественны друг другу. В современном «Философском энциклопедическом словаре» менталитет трактуется как «образ мышления, общую духовную настроенность человека или группы» [113, с. 220], ограничиваясь лишь изучением мышления. Энциклопедический словарь «Терра Лексикон» под данным понятием подразумевает «определённый образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе». Принято считать, что в научный терминологический аппарат категорию «*mentalité*» одним из первых ввел французский психолог и этнограф Л. Леви-Брюль после публикации своих работ «*Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*» (1910) («Ментальные функции в низших обществах») и «*La mentalité primitive*» («Первобытная ментальность»). Начиная с Л. Леви-Брюля, категория «*mentalité*» стала употребляться не столько для характеристики особенностей типа мышления какого-либо социального объединения или этнической общности, сколько для отражения ее специфики в рамках конкретной исторической эпохи. В частности, проблемы ментальности первобытной эпохи разрабатывал П. Раден, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс. Изучением ментальностей людей других исторических периодов занимались основатели и последователи французской исторической школы «Анналов», среди них наиболее известные М. Блок, понимавший под ментальностью «групповое, коллективное сознание» и Л. Февр,

определявший данную категорию как «преломление коллективного в индивидуальном» [24].

Другой подход в определении менталитета, подчеркивающий его историческую обусловленность, связан с понятиями «сознание» и «мышление». Надо отметить, что уже на протяжении Нового времени в ряде философских разработок (например, работы Ш. Монтескье, Ж. Б. Вико, И. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля и др.) получила развитие идея о «народном духе» какого-либо народа. Ко второй половине XIX в. эта идея настолько утвердилась в науке, что в 1859 г. М. Лацарус и Х. Штейнталь объявили о формировании нового научного направления – этнической психологии и издании по данной проблематике соответствующего журнала. Эта новая наука должна была заниматься, по мнению ученых, изучением народной души, т.е. элементов и законов духовной жизни народов. В дальнейшем это направление поддержали В. Вундт, Г. Г. Шпет, Г. Лебон, Р. Тард и ряд других ученых.

Открытие К. Юнгом архетипов «коллективного бессознательного» предложило науке новые подходы в толковании ментальных феноменов. Архетипы человеческого сознания, или «коллективное бессознательное», дали определенное научное обоснование известной исторической устойчивости и повторяемости мировоззренческих и поведенческих стереотипов различных народов, что отмечалось многими учеными еще задолго до Юнга.

Среди философов ведутся серьезные дискуссии по проблеме исследования содержания понятия «менталитет» и «национальный менталитет».

На страницах журнала «Вопросы философии» была изложена состоявшаяся в 1993 году дискуссия по этой проблеме. В ходе дискуссии были предприняты разнообразные попытки раскрыть сущность национального менталитета: одни подходят к нему с позиций национального логоса (Г. Д. Гачев), считая, что существуют национальные логики (скажем,

украинская, русская, германская), которые и находят свое проявление в менталитете; другие (И. К. Пантин) опасаются утраты реального содержания проблемы, когда оно подменяется чисто идеологическими, политическими утверждениями. По его мнению, менталитет является выражением на уровне культуры народа исторических судеб страны, некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах, и это – своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические.

Многие тезисы, высказанные участниками «круглого стола», представителями различных дисциплин, кажутся нам достаточно ценными для уточнения определения понятий «менталитет» и «национальный менталитет», т. к. эта проблема требует комплексного междисциплинарного исследования.

Такие ученые как Р. А. Додонов, В. Храмова, О. А. Зарубинский определяют национальный менталитет как «стиль мышления и поведения, присущие только представителям данного этноса», «социальные эмоции, желания, настроения, реакции на изменение внешней среды, как природной, так и социальной», «своеобычное видение окружающего мира и специфическое реагирование на него» [28, с. 36].

Другие ученые – Вдовиченко А. М., Нагайник В. А., Смотрицкий Е. Ю. – склоняются к определению национального менталитета как совокупности многих социокультурных и психологических черт.

Соглашаясь с данными определениями национального менталитета, отметим, что национальный менталитет как комплексная синтезирующая характеристика субъекта-носителя не сводится только к совокупности качественно различных элементов, а предполагает их особое сочетание, в зависимости от которого один и тот же набор составляющих духовно-

психологической жизни функционирует и реализуется различными способами.

Однако, можем ли мы во всех данных случаях говорить о национальном менталитете? Является ли так называемый «народный дух» или «национальное сознание» определяющей характеристикой этноса? Исследователи пользуются термином «духовный мир», но создается впечатление, что имелись в виду особенности мышления нации. Отражает ли духовный мир народа, изучаемый этими учеными, смысл понятия «национальный менталитет»? Если предположить, что исследователи основывались на том, что мышление выражается в языке и культуре, то данное понимание может иметь место. Но, стоит подчеркнуть и обратную связь, существующую между этими понятиями. Прежде всего, «мыслить – значит оперировать знаками языка», как отмечается Э. Бенвенистом. Конечно, прежде чем сказать что-либо, мы формулируем имеющуюся мысль, так сказать, облакаем ее в слова, но размышляем мы также при помощи слов. Язык задает способ мышления. Культура народа формируется под влиянием национального мышления. В отдельных культурных памятниках, как вербальных, так и невербальных, отражаются особенности национального менталитета. Например, строгость и лаконичность немецкой культуры, чувственность и изящество Франции. В то же время мышление зачастую определяется культурными особенностями. Человек мыслит, исходя из понятий, сформированных в культуре нации. Особенности мышления также определяются традициями. Именно поэтому нельзя определять национальный менталитет только как национальное мышление. Культурные составляющие и, в особенности язык, не подразумеваются понятием «мышление», а являются самостоятельными характеристиками менталитета.

Неоднозначность определения менталитета выражается во множестве понятий: «общие категории представлений», «видение мира», «глубинные и архаические слои психики», «неосознанное», «повседневная сторона сознания», «поведение», «психологическая оснастка людей», «дух времени»,

«общественное сознание», «коллективная психология», «смысловые глубины» или «потаянные пласты глубинной социальной структуры», «образ мышления», «умонастроение» и др. Чаще всего в современной литературе встречается определение национального менталитета как «единство образа мыслей, культурных особенностей нации и, в частности, национального языка, детерминированное экономическими и политическими условиями жизни в историческом контексте» [37; 90; 91]. Разделяя данную точку зрения на рассмотрение национального менталитета, отметим, что, на наш взгляд, под определением понятия «национальный менталитет» можно понимать систему взаимосвязанных образов, включая и бессознательные, которые лежат в основе коллективных представлений народа (нации) о мире и о своём месте в мире.

Работ, в которых бы четко разграничивались дефиниции понятий «национальная ментальность» и «национальный менталитет», или хотя бы анализировался вопрос их соотношения, нами не обнаружено. Понятия «национальный менталитет» и «национальная ментальность» часто употребляются в качестве идентичных, или один из них включается в состав другого, однако, на наш взгляд, было бы целесообразным их развести. По мнению автора, понятие «национальная ментальность» (в переводе с французского, от латинского корня *mens*) – это исторически и социально-культурно обусловленный способ и тип мышления, глубинный источник и уровень коллективного сознания, включающий и бессознательное.

Национальный менталитет же – (от английского *mentality* – образ мыслей, душевный склад) – это устойчивый, общераспространенный в той или иной группе людей особый мыслительный образ об определенных элементах социальной реальности, который проявляется в поведении народа.

Главной отличительной особенностью понятия «национальная ментальность» от понятия «национальный менталитет» является то, что под национальной ментальностью понимается глубинный источник мышления как неотъемлемая характеристика человеческого существования. Более того,

ментальность – это исторически и социально-культурно обусловленный способ мышления, который формируется в зависимости от традиций, культуры и всей среды обитания человека, передается из поколения в поколение и в силу своей устойчивости, инерционности, сложности, длительно и трудно поддается изменению. Ментальность есть качество, которое предстает как совокупность когнитивных, аффективных характеристик, определяющих поведение индивида или группы в социуме [128].

В данной связи отметим, что Г. Усенко предложил определять ментальность как универсальную способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социуму и времени. Свое конкретно-историческое воплощение ментальность находит во множестве менталитетов различных эпох и народов [109].

Известный украинский исследователь М. Попович в работе «Теория ментальности» использует такое значение термина «ментальность», которое определяет то, что «происходит в уме, в психике индивида, а не в материально выраженных поведенческих действиях (хотя по этим поведенческим действиям можно было бы судить об их внутреннем – психическом, моральном или интеллектуальном содержании)» [97, с. 5].

По мнению автора, когда речь идёт о ментальности какой-то группы, мы должны подразумевать не только то, что её представители имеют определённое сходство особенностей образа мышления, душевного склада, но и то, что в их поведении можно выявить определённые закономерности, связанные с общностью их мыслительных (мировоззренческих) позиций. Так, при осмыслении сущностных черт национальной ментальности мы опираемся на его изучение преимущественно по его функционированию в сфере мышления.

Национальный менталитет же проявляется как совокупность социальных установок, ценностей, представлений индивида или социальной

в тот или иной конкретно-исторический период развития общества, которые находят своё выражение в сфере поведения, и фиксируются такими словами, как «менталитет проявляется», «менталитет характеризует», «менталитет определяет» и т. д. Такое значение понятия «национальный менталитет», на наш взгляд, характеризуется определённой целостностью и более широкими эвристическими возможностями [98].

Общепризнанно, что национальный менталитет являет собой достаточно сложный феномен. Но трудность для современных исследователей представляет еще и то, что понятие «национальный менталитет» недостаточно прочно в содержательно-категориальном смысле закрепилось в научном аппарате отечественного социально-гуманитарного знания. Об этом свидетельствуют весьма значительные расхождения в толковании данного феномена и его понятия в работах различных исследователей. Сомнения многих украинских ученых вызывает также очевидное смешение понятий «национальный менталитет» и «национальная ментальность», недостаточно критично воспринятых отечественной наукой из западной философии. Означая, в сущности, отличие одного общества (народа, нации и т. п.) от другого, отличие глубинное, изначальное и неизбывное, понятие «национальный менталитет» рассматривается иногда как своеобразная научная поддержка и обоснование мессианских устремлений, присущих в той или иной степени каждому народу. В этом же смысле современная концепция украинского национального менталитета должна фактически содержать в себе (представлять собой) основные положения украинской национальной идеи. Достаточно содержательно история возникновения термина «менталитет» как научной категории описана у А. Я. Гуревича. Смысловое наполнение понятия началось с самого дня его утверждения в западной философии и продолжается там, к всеобщему удивлению и смущению, до настоящего времени. Что уж говорить о судьбе «национального менталитета» в отечественном социально-гуманитарном знании. В чем же причина столь продолжительного

становления понятия? Думается, что, по крайней мере, одна из причин заключается и в том, что неоднозначно определяемое понятие характеризует (как следствие) в такой же степени неопределенный социальный феномен, функционирующий, по общему признанию, на границе сознания и бессознательного (и потому не относящийся в полной мере ни к одному, ни к другому).

По мнению автора, определение «национального менталитета» связано с имманентной этнокультурной целостностью, которая включает *совокупность исторически сформированных установок и черт характера народа, ценностей, стереотипов и архетипов, которые имеют специфику поведенческого проявления.*

Специфика предметной области, фиксируемой в категории «национальный менталитет», по мнению автора, непосредственно связана с феноменом целостности представлений о мире (человеке, природе, обществе). Действительно, субъективность человека, особенно на уровне его «осознанных» или «осознаваемых» форм представляет собой некое (более или менее) гармоничное совмещение различных «пластов» психики и разума. И достаточно долго философы в рамках культурной антропологии, социологии в социокультурном контексте искали и пытались определить те структуры, которые как бы «склеивали» в целостность разнообразные компоненты субъективного мира. Например, П. Сорокин выделял в качестве такого духовно-организующего и упорядочивающего фактора – культурные качества общества (значения, нормы, ценности), существующие как бы внутри социосознательных «эго» – конституирующих общество членов [108]. В самом деле, любой индивид вписан в систему культурных ценностей, а его биосознательные стимулы контролируются и подчиняются его социосознательному «эго». Подобный «интегрализм» характеризуется логико-значимой взаимосвязью всех существенных компонентов личности и культуры.

Но, проблема, думается, возникает там, где мы ставим под сомнение вопрос о целостности, как необходимом компоненте социальности. Целостность – это фиксация жесткой конструкции субъективного мира и с помощью этой категории вводится принцип «порядка» или «упорядочивания» в сферу особо «тонкой материи». В работе «Человеческая субъективность» (1984г.) И. В. Ватин, в частности, отмечал, что индивидуальная субъективность – целостна. «Действительный индивид есть целостный индивид. Он весь – накопленный опыт бытия, он живет в мире не только в своих идеях, но и в состояниях, целостны его сущностные силы, потому что они – силы его сущности, целостны и его действия, ибо они определения его индивидуальности. Целостен, наконец, весь процесс его жизни, включающий в себя мир, как свою «духовную неорганическую природу». Но так же указывается, что «субъективность – не сумма актуальных содержаний. Она – единство возможностей актуальных реализаций субъекта» [13, с. 73] и «такая их совокупность, которая продуцирована в форме индивидуальных смыслов» [13, с. 28]. Таким образом, субъективность человека зависит не только от того, что детерминирует человека, какие «целевые основания», но и как осуществляется эта детерминация.

Человек не может освоить весь совокупный социокультурный опыт. Человеческое освоение мира – отрывочно и фрагментарно. Поэтому наиболее значимыми для него становятся деятельно-практические формы и способы его освоения. Парадокс состоит в том, что даже представления о целостности человеческой субъективности могут привести исследователей к постановке проблемы о не целостности продуктов этой деятельности.

Думается, отсутствие или наличие целостности представлений свидетельствует об особом качестве национального менталитета. Национальный менталитет как целостность, по причине своего синкретичного характера, всегда предполагает гармонию или дисгармонию

тех компонентов, на базе которых он возникает (этнических, культурных, образно-эмоциональных).

Еще на один важный аспект понятия «национальный менталитет» следует обратить внимание. Наиболее близко к его рассмотрению подошла группа представителей украинской диаспоры – Ю. Липа, А. Кульчицкий, И. Гончаренко, Н. Григориева, Ю. Липа, И. Лисяк-Рудницкий, Д. Чижевский и др. В частности, А. Кульчицкий, занимавшийся изучением специфических черт, определяющих своеобразие психики украинского народа, глубоко исследовал тенденции и закономерности массового сознания, факторы формирования украинской ментальности и особенностей характера украинцев. Имея в виду именно ментальные образования, он пишет, что совокупность осознаваемых и неосознаваемых представлений, установок, стереотипов, архетипов социального поведения формируется у народа на протяжении всей его истории и влияет на современный образ жизни, деятельности и тип социального мышления.

Д. Чижевский в работе «Философия Г. Сковороды» отмечает сущностную двойственность природы человека, «два человека в каждом человеке» [119]. Мысль как «главный наш человек», согласно Сковороде, образует внутреннего человека, но только при условии, что эта мысль направлена не на удовлетворение потребностей «внешнего тела», а на постижение Бога. Как отмечает Д. Чижевским, каждый человек в себе поделён и является двумя людьми: один человек – внешний, символический, другой – внутренний, сущностный, то есть дух и тело, плоть и душа, и «эти два человека есть в каждом человеке. ... одна рождена от Бога, дух от духа, бессмертна.... А другой человек есть тело от тела, смертна, зависима от жизни... [120]. Думается, подобное понимание природы человека позволяет получить более глубокое представление о сущности человеческого мышления, и проявлений его менталитета.

Следует согласиться с мнением А. Кульчицкого, что национальный менталитет отражает уровень индивидуального и коллективного сознания,

который складывается на протяжении длительного периода времени, по крайней мере, нескольких десятков лет.

В этой связи важно учесть эвристическую значимость идей К. Юнга о коллективном бессознательном, который углубленно исследуя сферу бессознательного убедительно доказал, что на уровне коллективного бессознательного заложены наиболее существенные, постоянные черты, характеризующие этнос, и архетип создает предпосылки к формированию определенных установок и других социально-психологических черт, таких как эмоции, стереотипы, привычки, волевые качества [126]. Поэтому следует признать факт влияния бессознательного на формирование национального менталитета.

К близкому по содержанию выводу пришел и Н. К. Серов. Он справедливо подчеркивает, что физическим субстратом подсознания (которое «отвечает» за творческую интуицию) является некое коллективное силовое поле, создаваемое в произвольном физическом общении людей и воспринимаемое мозгом на подсознательном уровне. При этом говоря о полевых структурах личности, автор проводит параллель между современными терминами национальный менталитет (национальная ментальность) и древними понятиями «душа», «дух».

Таким образом, факт наличия в феномене национального менталитета народа как сознательных, так и бессознательных компонентов признается авторами различных концепций национального менталитета, в том числе и автором данной работы.

Национальный менталитет обладает некой целостностью, наличием определенного качественного ядра. Поэтому национальный менталитет выступает как определенная основа целостного образа жизни человека, определяющая как осознанно, так и неосознанно направление жизнедеятельности индивида.

В тоже время, понятие «национальный менталитет» может быть определён как особый, крайне устойчивый способ организации, структуры

освоения системы основополагающих ценностей, например, системы нравственных идеалов, т. е. системы устойчивых сложившихся массовых духовных структур, господствующих в тот или иной момент времени в обществе. Действительно, можно проследить динамику массовых нравственных идеалов, т. е. систем нравственности, и по логике этих изменений сделать выводы о наступлении очередного нового этапа. Общество схватывает некое нравственное «настроение» и в смене таких «настроений» есть определенная логика. Основная масса населения под влиянием впечатлений своей жизни, массовых разочарований и ожиданий, вдруг делает попытку повернуть к старым идеалам или убеждается в ценности некоторых новых для них идей (которые, конечно, могут быть далеко не новыми). Эти идеи проникают в общество, получая массовую поддержку. Естественно, это не значит, что все другие идеи, убеждения исчезают. Но они оттесняются на второй план, на периферию общественного сознания, как бы в его подсознание. Все факты, события, действия начинают «работать» на подтверждение этих распространившихся идей.

В тех случаях, когда социокультурное противоречие носит столь глубокий характер, что требует для своего преодоления сдвигов в национальном менталитете, развитие и изменение национального менталитета превращается в серьезную проблему.

В связи с этим следует отметить, что национальный менталитет как комплексная синтезирующая характеристика субъекта – носителя не сводится только к совокупности качественно различных элементов, и предполагает их особое сочетание, в зависимости от которого один и тот же набор составляющих духовно – психологической жизни функционирует и реализуется различными способами. Именно корреляция всех специфических черт и свойств, процессуальные изменения онтологических, гносеологических, аксиологических, праксеологических, коммуникативных и других компонентов дают интегральное представление о том или ином ТИПЕ национального менталитета.

В современных исследованиях в понятие «национальный менталитет» включается множество явлений коллективного сознания. По мнению А. Я. Гуревича, можно выделить такие коллективные представления, обозначаемые понятием «национальный менталитет», как:

- отношения членов данного общества и входящих в него групп к труду, собственности, богатству и бедности;
- образ социального целого и оценка разных групп, разрядов, классов и сословий;
- понимание природы права и обычая, значимости права как социального регулятора;
- образ природы и ее познание, способы воздействия на нее – от технических до магических;
- понимание места человека в общей структуре мироздания;
- оценка возрастов жизни, в частности детства и старости, восприятие смерти, болезней, отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальная мораль и практика;
- отношение мира земного и мира трансцендентного, связь между ними и понимание роли потусторонних сил в жизни индивидов и коллективов;
- трактовка пространства и времени;
- восприятие истории и ее направленности (прогресс или регресс, повторение или развитие), при том не одно осмысление истории профессионалами, хронистами, теологами, схоластами, но и более непосредственное переживание ее в обыденном сознании;
- форма религиозности, присущая «верхам» и «низам»; образованным и неграмотным;
- психология «людей книги» и психология людей, живущих в условиях господства устного слова;
- социальные фобии и иные негативные эмоции, коллективные психозы и напряженные социально – психологические состояния;

- переживание «культуры вины» и «культуры стыда», то есть психологическая ориентация на внутренний мир или на социум;
- история праздников, календарных обычаев, ритмизирующих жизнь коллективов;
- осознание национальной, племенной, государственной идентичности, национальные противоречия и заложенные в них стереотипы [24].

В современной научной литературе дискутируется вопрос о взаимоотношении понятий «национальный менталитет» и «национальный характер». Большинство исследователей отмечает тот факт, что данные социокультурные феномены находятся в близком соприкосновении и взаимодействии, что, однако, не позволяет утверждать о их слиянии (единстве) [6]. Об этом свидетельствует, в первую очередь, то, что *все их области проявления* совпадают (в культуре нации, в народных традициях, обычаях, вообще, в образе жизни народа), но различны *способы их проявления*. Так, некоторые учёные (Боринштейн Е. Р., Поплавская Т. Н., Иванова Т. В. и др.) отмечают, что национальный характер ярко отражается в народном творчестве – литературе, музыке, песнях, танцах [6; 37; 90].

И в этом смысле специфика проявления национального характера в культуре заключается в том, что в элементах духовной культуры как бы аккумулируется прошлый и настоящий опыт данного народа. Когда же мы говорим, что национальный менталитет проявляется в особенностях культуры, то имеем в виду эмоционально – оценочный аспект восприятия индивидуумом (социальной группой) элементов материальной и духовной культуры, а также содержание создаваемой ими культуры. Культура является тем феноменом, в котором наиболее близко взаимодействуют между собой национальный характер и национальный менталитет. Причем это взаимодействие настолько тесное, что дает возможность некоторым исследователям отождествлять их. Национальный менталитет такая же реальность, как и национальный характер, однако отличие состоит, в частности, в том, что в национальном менталитете заключены эмоционально-

волевые аспекты реакции, представления о национальных общностях, о самом себе, как представителе национально-этнической общности. С нашей точки зрения, разграничение этих понятий в качестве самостоятельных является правомерным. Путаница в отличии между этими двумя понятиями происходит, во-первых, из-за сложности сферы духовной жизни нации, и, во-вторых, из-за недостаточной разработки категории и понятий, ее характеризующих, таких как «национальное сознание», «национальный характер», «национальное самосознание» и др.

Однако разграничение понятий не означает отсутствия между ними взаимодействия. Так, многими учеными указывается на единую мировоззренчески-поведенческую сущность национального характера и национального менталитета, общность факторов, влияющих на их формирование: психо-генетические, или «глубинно-психические», природно-географические, социально-экономические и исторические. В данной связи следует отметить, что отрицать влияние природно-географического фактора на формирование национального характера было бы неправильно, но все же оно не является определяющим. Кроме этого, структурными элементами как национального характера, так и национального менталитета, являются установки и стереотипы, которые формируются под влиянием базовых компонентов бессознательного, в частности, архетипов. Здесь также можно отметить, что существуют ментальные установки, действующие на уровне отдельного индивида, и есть так называемые социальные установки, связанные с той социальной средой, в которой живет и осуществляет свою деятельность человек. Именно здесь мы можем говорить о национальных установках, обусловленных жизнедеятельностью индивида в условиях его национального бытия.

Было бы неверно ставить непреодолимую преграду между ментальными установками и социальными установками, обусловленными определенной социальной средой. Так же как, впрочем, неправомерно ставить между ними знак равенства. Следует иметь ввиду, что индивид –

существо биопсихосоциальное, индивидуализированное, и будучи таковым, он концентрирует в себе черты как социальной, так и индивидуальной сущности.

Как национальный характер, так и национальный менталитет не являются вечной, неизменной субстанцией, а изменяются в процессе смены исторических и социально-экономических условий развития данного народа.

В контексте дальнейшего анализа взаимоотношения национального характера и национального менталитета следует обратить внимание на то, что оба реальных феномена не являются однородными. Дело в том, что в каждой нации имеются различные психологические типы, различные социальные типы. Имеются так же отличия, вызванные местными условиями. Дело в том, что в каждой нации имеются различные психологические типы, различные социальные типы. Имеются так же отличия, вызванные местными условиями. Как отмечает П. И. Гнатенко в работе «Национальный характер», что «если бы мы обратились, например, к «народной мудрости» украинского народа, то получили бы едва не на все основные вопросы почти противоположные ответы... Очень много элементов народного творчества являются общими для Украины и ее соседей, украинцев и других славян...» [16, с. 56].

Итак, имея много общего, находясь во взаимосвязи, национальный менталитет и национальный характер тем не менее не тождественны. Это диалектическое единство, включающее в себя различия как по объему содержания, так и по форме. Выше отмечалось их различие по содержанию. Что же касается отличия по форме, то оно состоит в том, что национальный менталитет проявляется как на уровне индивида (в виде определенного типа менталитета), так и на уровне нации, тогда как национальный характер, только как правило, на уровне нации.

В современной научной литературе встречается точка зрения об отождествлении феномена национального менталитета и феномена национальной идентификации (как результата «работы» национального

самосознания). Однако образ народа, представление о самом себе не исчерпывает, на наш взгляд, всего содержания феномена. Менталитет не следует, на наш взгляд, рассматривать как «то, что народ сам о себе думает», хотя отдельные моменты национального самосознания, несомненно, присутствуют в менталитете.

В тоже время весьма важно отметить, что феномен сознания, в том числе национального или общественного, тесно связан и в каком-то смысле даже «взаимоперетекает» с феноменом соответствующего (социального, национального) самосознания. Общественное сознание представляется в современной научной литературе как духовная жизнь общества, проявляющаяся в единстве ее научно-теоретического (условно говоря, «верхнего») уровня – общественной идеологии и ее обыденного («нижнего») уровня – общественной психологии. Общественное сознание как одна из форм отражения общественного бытия по своей структуре включает в себя философскую, политическую, экономическую, нравственную, эстетическую, правовую и религиозную формы сознания, по-разному отражающие общественное бытие и общественные отношения – в виде системы идей и взглядов, в форме мнений, чувств, настроений, обычаев и т. д. Для характеристики феномена национального самосознания в масштабе социума важно полнее уяснить некоторые основополагающие моменты не только социальной философии, но и психологии личности. Анализ феномена национального самосознания показывает, что об общественном или национальном самосознании можно говорить по меньшей мере при совпадении следующих условий, при которых народ: а) осознает самое себя как нечто особенное в большом социальном мире, б) понимает свои поступки как свое собственное «производное» (как результат собственной деятельности) и в) готов нести ответственность за них. Можно предположить также, что народ обладает самосознанием в том случае, если он понимает свое коллективное «Мы» как коллективное «Я». При этом если нельзя отождествлять коллективное «Я» с самосознанием народа, то не следует и

отрывать одно от другого. Это взаимосвязанные и взаимопересекающиеся социально-психические феномены. Осознание народом себя как «Я» есть результат длительного исторического развития. Однако это вовсе не означает, что народ, имеющий относительно протяженную историю, обязательно является носителем оригинального, самостоятельно сформированного самосознания. Тем более никакие конкретные сроки, которые бы «обеспечивали» или «гарантировали» наличие самосознания, не могут восприниматься сколько-нибудь серьезно в научном отношении. Единство большой социальной группы как целого и реальная самостоятельность исторической жизни – это первая предпосылка национального единства, но только предпосылка, а, повторим, никак не единственный источник и, тем более, не гарантия. Говоря о важности исследования коллективных форм самосознания, отметим, что ядром любой формы самосознания выступает осознание на индивидуальном и коллективном уровнях некой единой общности, сформированной представлением некоего «Мы». Только ощущение, что есть «Они», рождает желание самоопределиться по отношению к «Ним», обособиться от «Них» в качестве «Мы». То есть источником общественного самосознания может стать противопоставление устойчивой чужой общности неустойчивой общности собственной. Понимание этого момента важно, прежде всего, в том смысле, что нация или народ, образовавшиеся не по внутреннему требованию, а «по примеру», по случайному стечению обстоятельств, под давлением внешних исторических условий и т. п. могут в течение длительного времени не иметь собственного самосознания (а возможно, и сознания как общего социального феномена?). Социальную пассивность при таком понимании вполне возможно рассматривать как яркий показатель отсутствия конкретных ценностных структур национального самосознания. Вместе с тем, пока не определены четкие критерии «активности» и «пассивности» жизненной позиции, давать однозначные характеристики тем или иным большим социальным общностям

преждевременно. Да и вообще это будет выглядеть как явная содержательная «натяжка».

Нельзя также отождествлять национальный менталитет с тем, что думают о том или ином народе представители других народов. Исследователи украинской нации обозначают ряд черт, присущих поведению населения украинского общества. Попытки такого выделения качественных черт народа многочисленны, они не во всем безупречны, наборы черт часто произвольны и весьма разнообразны. Среди основных качеств украинского народа особо выделяются следующие: трудолюбие, умение хозяйствовать, лучшим образом распорядиться результатами труда, индивидуализм, добросердечие (это отмечают чаще те иностранцы, которые прожили значительное время среди украинцев), религиозность, патриархальный характер семейных отношений и некоторые другие. Из отрицательных черт украинского народа чаще всего называют лень, неискренность и недоверчивость, нигилистическое отрицание как отдельных социальных ценностей, так и иногда всей их системы, анархизм, пассивность жизненной позиции и другие. Несложно заметить, что некоторые из приведенных характеристик составляют вместе два различных полюса какой-то одной черты: трудолюбие – лень, религиозность – нигилизм (в данном случае речь может идти и о религиозном нигилизме), добродушие – недоверчивость. Таким образом, национальный менталитет – это, если можно так сказать, единство и борьба противоположностей (интровертированности – экстравертированности, сознательного – бессознательного, идеального – материального, динамического – статистического) и абсолютизировать одну из этих сфер (рациональную или иррациональную) было бы неверным. Тем более, каждый из процессов, который представляет собой динамическую сторону личности, представлен как в сознательном, так и в бессознательном, каждое из которых может преобладать в социальной жизни конкретной личности. Например, процесс познания индивидуумом окружающего (внешнего) и своего собственного

(внутреннего) мира может осуществляться преимущественно посредством мышления (сознания) или интуиции (бессознательного).

К близкому по содержанию выводу пришел и Н. К. Серов. Он справедливо подчеркивает, что физическим субстратом подсознания (которое «отвечает» за творческую интуицию) является некое коллективное силовое поле, создаваемое в произвольном физическом общении людей и воспринимаемое мозгом на подсознательном уровне. При этом говоря о полевых структурах личности, автор проводит параллель между современными терминами менталитет (ментальность) и древними понятиями «душа», «дух». Таким образом, факт наличия в феномене национального менталитета как сознательных, так и бессознательных компонентов признается различными учёными, в том числе и автором данной работы.

Постепенно будучи осознанным людьми и воплощаясь в элементах культуры, национальный менталитет отчуждается своих носителей, которых он объединяет. Фактически национальный менталитет становится артефактом культуры.

В «Философском энциклопедическом словаре» термин «артефакт» определяется как искусственно сделанный предмет, продукт человеческого труда [113]. Артефакты порождаются, прежде всего, в процессе взаимодействия людей, принадлежащих определенным культурным контекстам. Определение артефакта как культурного продукта, говорит о том, что он имеет определенную специфичность в силу того, что субъекты его порождающие принадлежат к определенной культуре и включены в общую деятельность и жизнедеятельность.

Порождаясь системой человека, сознанием коллективного субъекта в совместной деятельности, менталитет усваивается опосредованно как культурный артефакт. Во-первых, и природа, и общество, являясь фундаментальными предпосылками становления человека, не становятся прямо содержательными характеристиками ни самой его личности, ни ее мира; они всегда имеют *ценностную валентность* и конкретно-исторический

облик, обнаруживают себя перед человеком как вполне определенные *канонические формы культуры*; а во-вторых, даже с этими формами невозможна непосредственная встреча, невозможна прямая их интериоризация. Чтобы они раскрылись в своем истинном содержании, чтобы оказалось возможным приобщение к ним, всегда необходим *посредник*, тот или иной тип медиатора, в качестве которого может выступить знак, слово, символ, миф и др. Именно через них происходит кардинальное преобразование так называемых натуральных (наличных, реальных) психических (шире – соматоорганических) форм в идеальные (культурные, высшие), собственно, человеческие способности. Таким образом, на пути между человеком и миром стоит мир культуры. Ни мир, ни культура не могут быть интегрированы человеком непосредственно. Чтобы освоить культуру, человек должен присвоить ее атрибуты, чтобы освоить мир, человеку также необходимо интегрировать нечто, что бы их связало.

Национальный менталитет обладает особым статусом и как реально существующий феномен, и как объект познания. Это особое положение определяется тем, что в национальном менталитете проявляется исходная, родовая «разумная» природа человечества. Менталитет в таком подходе чаще всего понимается именно как способ существования человеческой рациональности. Такое рационализированное понимание национального менталитета более всего соответствует его тотальной рациональной структурности. В таком подходе национальный менталитет можно понимать как форму рациональности человеческой духовной деятельности. Корнилов О. А. предлагает рассматривать менталитет как «совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических и других) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом» [56], выделяя, исходя из этого толкования, русский, украинский, французский и другие менталитеты. В случае такого понимания следовало бы просто обозначить понятие «менталитет» как синоним понятия «мировоззрение». Однако такого однозначного толкования избегали небезосновательно, и

представители французской социологической школы, родоначальники указанного научного термина. Думается, что понимание феномена национального менталитета как мировоззрения (как социального, так и индивидуального) или мировоззренческих представлений не вполне корректно и малоубедительно. В философском понимании мировоззрение гораздо шире, чем менталитет, который можно рассматривать в структуре мировоззрения, в том числе как частный способ видения мира. Реальное изменение рационально-ментальных характеристик народа проявляет исторические социокультурные параметры развития человечества. Можно утверждать, что национальный менталитет проявляется тем или иным образом во всех результатах человеческой деятельности; тем самым, он опредмечивается, принимая новый свой сущностный статус. Соответственно, можно полагать, что совершенно не случайно многие философские модели исторического прогресса, пытавшие объяснить внутренние механизмы развития, становились моделями исторического разума, которые в данном контексте можно интерпретировать и как модели ментальной истории. В таких логико-философских моделях концентрированно проявляется именно рационально-историческая семантика национального менталитета. Очевидно, что сегодня необходимы новые подходы, необходима современная адекватная теория менталитета для наиболее убедительной детерминации украинского национального менталитета.

Выводы к разделу I

В данном разделе показано, что понятие «национальный менталитет» богато как в онтологическом, так и в гносеологическом смысле, поэтому в философской науке оно получило самую разнообразную интерпретацию. Неоднозначность определения менталитета выражается во множестве понятий, существующих в философском дискурсе: «общие категории представлений», «видение мира», «глубинные и архаические слои психики», «неосознанное», «повседневная сторона сознания», «психологическая оснастка людей», «дух времени», «общественное сознание», «коллективная

психология», «потаянные пласты глубинной социальной структуры», «образ мышления», «умонастроение» и др. Чаще всего в современной литературе встречается определение национального менталитета как единство образа мыслей, культурных особенностей нации и, в частности, национального языка, детерминированное экономическими и политическими условиями жизни в историческом контексте. По мнению автора, понятие «национальный менталитет» отражает социально-психологическое и духовное состояние народа, которое складывается в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия различных факторов и обстоятельств (естественно-географических, этнических, социально-экономических, религиозных, культурных).

Осуществлённый анализ творчества зарубежных и отечественных философов по проблеме национального менталитета позволил представить национальный менталитет в качестве своеобразного внутреннего кода народа, который обеспечивает преемственность исторического развития общества. Отмечено, что значительное внимание исследованию национальных особенностей сознания и поведения людей учёные уделяли ещё с древности (Геродот, Тацит, Полибий, Цезарь Светоний Транквилл), однако научный подход к исследованию национального менталитета начинает прослеживаться лишь в Новое время, что является реакцией на процесс образования европейских наций в эпоху капитализма. Специальные исследования в изучении ментальных феноменов осуществлены Ж. Дюби, Г. Лебоном, Л. Леви-Брюлем, К. Леви-Строссом, Г. Тардом, Л. Февром, М. Блоком и др. Среди отечественных учёных безусловный интерес вызывают работы М. Поповича, Е. Донченко, С. Кримського, А. Кавалерова, Е. Лисеенко и др., которые разрабатывают проблемы национального менталитета в переходном обществе, сущности содержательных компонентов, логико-отнологических основ и архитипов национального менталитета и традиционных ценностей украинского народа.

Обосновано, что понятия «национальная ментальность» и «национальный менталитет» не являются идентичными и обладают собственными дефинициями. Проанализировав генезис и историю развития этих понятий, выявлено, что понятие «национальная ментальность» (в переводе с французского, от латинского корня *mens*) – это исторически и социально-культурно обусловленный способ и тип мышления, глубинный источник и уровень коллективного сознания, включающий и бессознательное. Национальный менталитет же – (от английского *mentality* – образ мыслей, душевный склад) – это устойчивый, общераспространенный в той или иной группе людей особый мыслительный образ об определенных элементах социальной реальности, который проявляется в его поведении.

Дана авторская дефиниция категории «национальный менталитет», под которым понимается совокупность исторически сложившихся установок и черт характера народа, ценностей, стереотипов и архетипов, которые имеют специфику поведенческого проявления.

Обосновано, что национальный менталитет обладает некой целостностью, наличием определенного качественного ядра, поэтому выступает как определенная основа целостного образа жизни человека, определяющая как осознанно, так и неосознанно направление жизнедеятельности индивида.

Анализ соотношения понятий «национальный менталитет» и «национальный характер» показал, что находясь во взаимосвязи, национальный менталитет и национальный характер тем не менее не тождественные категории. Отличие заключается в том, что национальный менталитет и национальный характер различаются по объему содержания, форме, и по способу проявления – актуальное проявление (сознательное или бессознательное) в различных сферах жизни. Исторически сложившаяся структура социального сознания, строя мышления, ценностей и архетипов, которые проявляются в деятельности, поведении, общении называется национальным менталитетом; совокупность моральных, социокультурных и

психологических особенностей народа, которые отражаются в языке, культуре, народном творчестве (литературе, музыке, песнях, танцах) называется национальным характером. Что же касается отличия по форме, то оно состоит в том, что национальный менталитет проявляется как на уровне индивида (в виде определенного типа менталитета), так и на уровне нации, тогда как национальный характер, только как правило, на уровне нации.

Обосновано, что национальный менталитет имеет диалектическую природу, которая выражается в единстве и борьбе противоположностей (интровертированности – экстравертированности, сознательного – бессознательного, идеального – материального, динамического – статистического) и абсолютизировать одну из этих сфер (рациональную или иррациональную) было бы неверным. Тем более, каждый из процессов, который представляет собой динамическую сторону личности, представлен как в сознательном, так и в бессознательном, каждое из которых может преобладать в социальной жизни конкретной личности.

Результаты данного раздела апробированы в следующих публикациях автора:

– Хоанг Тхи Кук Национальный менталитет: социально-философский аспект исследования / Хоанг Тхи Кук // Перспективи. — 2010. — 2 (46). — С. 166-170.

– Хоанг Тхи Кук Ментальность личности и национальный менталитет: философско-категориальное соотношение / Хоанг Тхи Кук // Наукове пізнання: методологія та технологія. — Матеріали міжнародної конференції «Традиції та інновації в науці та освіті» 30 вересня – 1 жовтня 2010 р., Одеса. — С. 117-119.

Раздел 2. Методологические подходы к изучению национального менталитета как предмета социальной философии

2.1. Структурно-функциональный анализ сущности национального менталитета.

Проблема выделения структуры и функций национального менталитета для изучения его сущностных характеристик остается нерешенной, поскольку нет инструментария, который бы позволил это сделать с достаточной степенью точности. Богатейшая феноменология проявления национального менталитета приоткрывает его сложную структуру и в поведенческом, и когнитивном, и эмоциональном аспектах. Большинство авторов считают главными составляющими системы менталитета когнитивные. Также авторы сходятся во мнениях, что в системе национального менталитета можно выделить ценностно-смысловое ядро.

На сегодняшний день существует много работ, в которых предлагаются различные точки зрения на структуру национального менталитета. В работах Т. Н. Поплавской менталитет/национальный менталитет представлен как многоуровневое образование, элементами которого являются: понимание, интуиция, ментальное сознание, ментальные структуры [90, с. 91]. Фактически менталитет представлен как уровни мышления, что, на наш взгляд, не совсем правомочно. И. В. Мостовая, А. П. Скорик системообразующим фактором системы менталитета считают архетипы. В структуре национального менталитета они выделяют четыре уровня: 1) партикулярная структура, нерелексируемое массовое бессознательное, 2) духовная самость общественных групп, релексируемая, 3) социальный отклик на политику, власть, государство, 4) этнокультурная ориентация, национальная идея [33]. Каждый из этих уровней задает совокупность архетипов социальной общности. Однако, бессознательные образы архетипов вряд ли могут являться системообразующим фактором национального

менталитета, так как скорее всего они выступают единицами в системе национального менталитета.

О. Г. Усенко менталитет образно представляет в виде строительной конструкции, фундамент которой – сфера «коллективного бессознательного», а крыша – уровень самосознания индивида. Структуру менталитета образуют «картина мира» и «кодекс поведения». Поле их пересечений, очевидно, и есть то, что называется «парадигма сознания». В понятие менталитета включаются и установки, лежащие в основе концепции мироздания, и представление о том, что такое ценность и соответствующий набор «ценностных образцов», и априорные представления об истине, и «аксиомы сознания», и система универсальных оппозиций сознания, их модификаций и воплощений, а также обозначений (символов), и концепция мироздания, и сфера переживаний, атрибутивно связанных с концепцией мироздания и системой ценностей, и правила мышления, шаблоны оценки и алгоритмы, т. е. стереотипы мышления, и семиотика поведения [109]. Таким образом, направленность данного О. Г. Усенко определения менталитета в том, что речь идет о присутствующем в сознании человека стержне, который может при разных внешних условиях выступать в разных обликах, но который является единым для всего этноса и служит как бы его внутрикультурным интегратором.

Р. А. Додонов определяет несколько уровней структуры национального менталитета: 1) низший – психоэнергетический (поле), здесь фиксируется количество психо-эмоциональной-умственной энергии, которая необходима для решения текущих задач; 2) бессознательный, состоящий из несколько уровней: архетипный (образы), этнический, расовый, общечеловеческий; 3) высший – мыслительный, логический (понятия). «Эти уровни объединяются общим механизмом ретрансляции из поколения в поколение информации о наиболее оптимальных приемах решения стандартных задач, встающих перед членами коллектива» [28]. Следовательно, системообразующим элементом данной структуры автора являются приемы мышления нации. Приведенные

позиции учёных демонстрируют, что можно определить различные классификационные признаки построения структуры менталитета: статика-динамика, бессознательное-осознаваемое, внешнее-внутреннее и т. д.

Если определять национальный менталитет как слой коллективного сознания, то можно обратиться к работам А. Н. Леонтьева, рассматривая его структуру [65]. А. Н. Леонтьев выделил три образующих сознания: чувственную ткань образа (чувственные впечатления, чувственные образы), значение и смысл. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что с изменением чувственной ткани, не затрагивает картину мира, но может утрачиваться ощущение реальности, объективности мира, его внеположенности. Переводя на слой национального менталитета, его можно представить как совокупность отраженных в образе мира образов, значений и смыслов представителей определенной культуры. В. П. Зинченко, основываясь на работах А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, Н. А. Бернштейна, выделял двухуровневую структуру сознания. Ценности – высшая форма ориентации жизни человека.

Таким образом, очевидно, что могут быть различные классификационные основания выделения структуры менталитета: уровневая, компонентная, послойная, структурная, функциональная и др.

На наш взгляд, структура феномена национального менталитета может быть представлена в следующем виде: «архетипичный» компонент менталитета – система архетипов; когнитивный компонент – образ мира и способы мышления коллективного субъекта; ценностно-смысловой компонент – система ценностей, ценностных ориентаций, идеалов, значений, норм; эмоциональный компонент – оценки, настроения, эмоции, чувства; поведенческий компонент – мотивы и стереотипы поведения.

Необходимо отметить, что каждый из этих компонентов имеет бессознательный и сознательный уровни, и феномен национального менталитета обладает устойчивыми и неустойчивыми структурными

состояниями. Рассмотрим вышеназванные компоненты национального менталитета более подробно.

В понятии «национальный менталитет» отражено сложное сочетание таких социальных пластов, как этнос, культура, религия, наука, искусство и данный феномен не может быть сведен ни к одному из них, т. е. всегда носит сложный синкретичный и целостный характер. Синтез всех этих компонентов обычно осуществляется на уровне подсознательных предрасположений, интуитивных «открытий», предвидений, угадываний и прочее, не всегда и не полностью осознается человеком. В результате возникает совокупность общих установок, касающихся наиболее важных и общих моментов жизнедеятельности индивида. Но здесь еще нет системности, т. е. многие из этих установок, определяющих поведение человека или социальной группы, носят еще полуинтуитивный характер, хотя их влияние явно или неявно просматривается в направлении действий индивида, в характере его мотиваций и ориентированности. Разумеется, в конкретных объективно-исторических условиях могут доминировать различные его компоненты и в этом смысле можно говорить о менталитете различных социальных групп и слоев, демографических общностей, культурных объединений, территориальных поселений, этнических союзов и пр.

Центральным компонентом национального менталитета, по мнению многих современных учёных (А. П. Бутенко, Ю. В. Колесниченко и др.) является коллективное бессознательное, архетипы. В данной связи отметим, что К. Юнг признавал существование «согласования нашего мышления с первообразами бессознательного, порождающими любую мысль, над разгадкой которой постоянно бьется наше сознание» [125]. Коллективное бессознательное представляет по Г. Юнгу «множество временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые продолжают влиять на наше сознание» и что «помимо воспоминаний из бессознательного могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи» [125, с. 203]. В

бессознательном существуют символы, которые являются ментальными формами, следующими из первобытных, врожденных и унаследованных источников человеческого разума. К. Юнг дал определение понятию «архетип» – «архаические остатки» или «первобытные образы». Архетип не является «унаследованными представлениями», по мнению автора, тогда бы человек их мог сознательно воспринимать, архетип – это «инстинктивный вектор», но не физиологический инстинкт, а инстинкт в символических образах, возникающих в фантазии. Символы, составляющие архетип, имеют не индивидуальную природу, а коллективную, отсюда К. Юнг выделил коллективное бессознательное. «Жизнь коллективного бессознательного преднаходится в догматических архетипических представлениях и безостановочно протекает в ритуалах и символикe» [125]. Архетипы имеют собственную побудительную специфическую энергию. «История архетипического характера есть и у общественных комплексов» [125]. Архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их. Таким образом, бессознательную основу национального менталитета составляют примитивные влечения, образы и впечатления, вытесненные из реальной жизни, и система архетипов. Коллективное бессознательное – это «природный образ мира, слитый и сконцентрированный из опыта миллионов лет. Эти образы являются всего лишь исходным материалом, который для своего осмысления еще требует сознательного перевода на язык соответствующего времени» [125]. Таким образом, в силу своей природы архетипы составляют бессознательную основу национального менталитета.

К. Юнгом были выделены следующие основные архетипы: «Тень» – воплощение темного в человеке, «Персона» – социальная роль, которую человек играет в обществе, «Самость» – центр целостности человека, «Анима» – воплощение женского начала в человеке и «Анимус» – мужское начало, «Мудрец» – воплощение мудрости, смыслов жизни человека. Исходя из данной системы архетипов, видно, что они охватывают многие аспекты

жизнедеятельности коллективного субъекта. Национальные архетипы, по мнению автора, отражают особенности мировоззрения, национального характера, исторической судьбы, художественного творчества и т. д. нации.

Другим важнейшим компонентом национального менталитета является **мышление или склад ума**. Некоторые словари именно так толкуют понятие национального менталитета. Это «доповеденческий» признак менталитета, в определенном смысле детерминирующий установку поведения. Применяемое в философии понятие «познающее мышление» в содержательном отношении приближается к обозначенной нами ментальной установке восприятия, в том числе социального. А «эмоциональное мышление», как известно, идентифицируется с установкой оценки. Поскольку эмоциональный аспект национального менталитета представляется важным в понимании сущности данного феномена, вполне уместно здесь обратить на него внимание. Традиционно понятие «национальный менталитет» употребляют для обозначения определенного типа восприятия социальной реальности. То есть существует объективная реальность – общество, природа, мир в целом – и восприятие этой реальности определенной общностью. В таком случае менталитет – способ организации этих объективных потоков. В данной связи можно говорить о существовании «эмоциональной реальности». Национальный менталитет связан также с организацией эмоций, и сами эмоции, в таком случае, необходимо признавать реальностью, поскольку они являются для индивида данностью, которую он изменить не может. Человек живет в определенном эмоциональном мире, который можно считать определенным типом социальной реальности, поэтому способ организации эмоций, или, как говорят исследователи этой сферы, аффективно – когнитивных структур, и называется менталитетом. Отличие национальных менталитетов различных общностей, следовательно, связано с тем, что у каждой национально – экономической общности этот способ организации аффективно – когнитивных структур является особенным, собственным. Такой взгляд на данный вопрос позволяет утверждать, что

«эмоциональность» представляется характеристикой не только отдельного индивида, а и группы людей, то есть имеет не только индивидуальные, но и социальные проявления.

Для национальной общности характерно некое уникальное, присущее только ей, мироощущение, мышление, поведение, система ценностей, духовное творчество, обусловленное многими факторами, из которых ошибочно было бы выделять какой-либо один в качестве первичного, приоритетного. Вся совокупность данных характерных признаков, отличающих одну этнокультурную общность от других, выделяющих ее в своеобразный макрокосм человеческих индивидуумов, некое уникальное неповторимое сообщество, может быть выражена и наиболее полно охвачена понятием «национальный менталитет».

Ментальную специфику человеческого бытия и многомерность человеческих взаимоотношений как в области витальных, так и в области духовных «качеств» отмечает в своих работах известный польский ученый А. Гжегорчик. Он пишет: «Бытие людей принадлежит миру живых существ. Длительность существования живых существ есть то, что мы называем жизнью. Их главной характеристикой является сам цикл жизни, а также цикл обмена (веществом, энергией, информацией) с окружающей средой. Эти циклы являются специфическими для различных типов живого. Так, саморегуляция животного является более сложной, чем у растений, а саморегуляция человеческого существа является еще более сложной. Она может быть охарактеризована посредством понятия «ментальные орудия» (или стандарты понимания и деятельности). Человек создает ментальные орудия и использует их. Ментальная специфика человеческого бытия может быть охарактеризована тремя чертами:

1. Познанием глубинных структур реальности (включая и атомистическую структуру материи).

2. Богатством производимых человеком различных ментальных инструментов (планов, образцов, классификаций, теорий, символических образцов и т. п.).

3. Волевой регуляцией поведения (возможность самопринуждения и свободного выбора в применении определенных ментальных орудий)».

В работе А. Гжегорчика доминантной становится идея «витального и духовного» как реальных атрибутов человеческого бытия. По сути, речь идет о национальной ментальности, своеобразие которой можно выяснить при использовании четырех общезначимых типов мироотношений человека, в которых в качестве общезначимых ценностей проявляются феноменальные свойства его бытия.

К области витального А. Гжегорчик относит все то, что так или иначе связано с жизненным циклом человека, его биологическими свойствами. К области духовного им относится все то специфически человеческое, что связано с задачами саморегуляции жизненных циклов людей. Примечательно, что А. Гжегорчик, выделяя дифференцированную систему общезначимых витальных и духовных ценностей, трактует эти ценности в качестве ментальных интенций человека.

Отождествляя мышление и сознание в контексте изучения ментальных феноменов, С. Л. Катречко выделяет три типа ментальных структур: поверхностные структуры сознания, которые условно можно соотнести с содержанием сознания; глубинные структуры сознания, образующие некоторое внутреннее «поле», на котором собственно и разворачивается содержание сознания; промежуточные структуры сознания, опосредующие взаимодействие поверхностных и глубинных структур [44]. Глубинные структуры общественного сознания, составляющие его онтологическое ядро, образуют «тело» общественного сознания, при взаимодействии которого с внешним миром формируется многомерное семантическое пространство, репрезентирующее все многообразие внешнего мира. Количество измерений онтологического ядра общественного сознания и семантического

пространства, которое и образует поверхностные, витальные структуры сознания общества, в общем случае не совпадает, поскольку поверхностные структуры общественного сознания (и внесознательный слой менталитета) более лабильны и в значительной степени зависят от социокультурных и языковых факторов. Основу промежуточных структур (уровней) менталитета составляет идеологический слой, который образован совокупностью вторичных и третичных отражений содержаний одних размерностей онтологического ядра общественного сознания на другие, что, в свою очередь, приводит к сглаживанию «провалов» и «выростов» ядра общественного сознания и образованию псевдоструктур сознания (например, феномен двоемыслия при тоталитарных режимах, отмеченный Дж. Оруэллом). Говоря о функциональной значимости феномена национального менталитета, следует отметить, что идеологический слой, изменяя размерность тела общественного сознания, образует своеобразную защитную «шубу» тела индивидуального и общественного сознания, которая и является тем «экраном», на котором происходит процесс заполнения поверхностных структур сознания. Это, на наш взгляд, есть реализация деятельности ментальных механизмов защиты личности и социума. Псевдоструктуры идеологического слоя общественного сознания (внешнее) защищают онтологическое ядро сознания (внутреннее) в критических (стрессовых) повседневных социально-исторических ситуациях и обеспечивают стабильность глубинного ментально-ценностного ядра личности человека и общества. Менталитету в данной модели соответствует, прежде всего, пограничный слой идеологических и глубинно-психических структур сознания, который детерминирован, с одной стороны, внутренними факторами онтологического ядра сознания, а с другой – влиянием языковых и т. п. социально-коммуникационных структур. В любом социальном феномене, к которым относится и проведение различных социальных реформ, также можно выделить три уровня: феноменальный (поверхностный) уровень реформирования, глубинный – сущностный –

уровень изменений и промежуточный – идеологический – уровень реформирования, навязывания и поддержки соответствующих ценностей, ориентиров, социальных правил и норм. Указанная модель сознания позволяет «расщепить» исходную проблему совместимости проведения тех или иных современных реформ с менталитетом русского народа и выделить два блока проблем: 1) взаимосвязь и соотношение между собой структур сознания разных уровней (социального, группового, индивидуально-личностного); 2) взаимодействие разных структур сознания при проведении реформ.

На наш взгляд, при рассмотрении структуры национального менталитета понятия мышление и сознания в контексте рассмотрения структуры национального менталитета могут рассматриваться как тождественные понятия. Является общепризнанным, что глубинно-психологическая основа функционирования феномена национального менталитета необходимо затрагивает прежде всего ту его сторону, которая выпадает из сферы сознания (в данном случае общественного). Осуществление функционирования национального менталитета происходит, по нашему мнению, на границе между сознанием и бессознательным, не «переходя» при этом полностью на ту или иную сторону. Определяя национальный менталитет как некоторый уровень общественного сознания, необходимо не упускать из виду, что данный уровень несет в себе и бессознательное, которое также нельзя вырвать из определения. Кроме того, следует особо отметить, что общественное сознание неразрывно связано с сознанием (и бессознательным) индивидуальным. Является традиционным утверждение, что национальный менталитет есть не что иное, как глубинный уровень коллективного сознания, включающий и бессознательное [81]. Национальный менталитет вследствие этого может определяться как глубинный уровень индивидуального сознания. Подытожив вышесказанное, можно дать определение национального менталитета как образа мышления и общей духовной настроенности общества. Нельзя также не принимать во

внимание методологического замечания Г. Гегеля о том, что чем богаче определяемый предмет, то есть чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на их основе определения. Поэтому исходя из масштабности и содержательности понятия «национальный менталитет», о которых нельзя забывать, следует провести некоторое структурное разделение национального менталитета для более точной понятийной детерминации и удобства использования данного термина в философской науке. Мы предполагаем отдельно рассмотреть феномен сознания для убедительного сопряжения феноменов общественного сознания и национального менталитета между собой. Возможные сложности и сомнения исследователей в связи с совмещением и разведением данных явлений и понятий являются неизбежными и небезосновательными. Представляется, что национальный менталитет не охватывает полностью сфер общественного сознания и бессознательного, занимая промежуточное положение между ними. Это «промежуточное положение» можно обозначить как сферу «внесознательного». Немаловажно в теоретико-методологическом плане понимание того, что национальный менталитет конструируется направленно в определенных социально-культурных условиях как внутренний глубинно-психологический механизм защиты того или иного социума от внешних психических воздействий, нехарактерных по ценностному набору для данного сложившегося и относительно устойчивого феномена. С другой стороны, исследования национального менталитета предполагает осознание отдельным индивидом и обществом в целом характерных (и сущностных) социально-психических установок или предуготовленных перейти в разряд установок социально-психических «преориентаций» и направленностей развития социума. По мнению отечественных учёных в области сознания как социально-психического феномена, не вполне правильны отождествления сознания с такими феноменами, как «отчетливо осознаваемый образ, поле ясного внимания, содержание кратковременной памяти, очевидный результат мыслительного

акта, осознание собственного «Я» и т. п. Во всех этих случаях процесс, который есть сознание, подменяется его результатом (то есть тем или иным известным эмпирическим и доступным самонаблюдению феноменом)). Сознание, таким образом, не есть процесс «внешний». Он не вполне измеряем «извне», тем более в категориях, привычных для позитивистского подхода. Именно поэтому можно заранее обосновать неудачу воспроизведения исследовательских стереотипов, связанных со стремлением локализовать сознание с целью установить его сущность в структурных образованиях материальной природы. Любое научное определение сознания (индивидуального или общественного) следует рассматривать как приблизительное или конкретное (необобщенное) толкование феномена. Известны в социальной философии следующие понимания сознания: «свойственный человеку способ отношения к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей... Отношение к миру со знанием его объективных закономерностей» [106], «специфическая человеческая форма идеального отражения и духовного освоения действительности» [107], и др. Вместе с тем почти не вызывает сомнений у отечественных исследователей содержательная направленность основных функций сознания, к числу которых относятся «отражательная, порождающая (творческая или креативная), регулятивно-оценочная и рефлексивная функции». Именно эти функции являются для нас важными для осмысления особенностей осуществления национального менталитета. Обращаясь к феномену сознания в контексте исследования национального менталитета, важно заметить, что рассматривать сознание следует не как предельную научную абстракцию, но прежде всего как определенное культурно-историческое образование, относящееся как составляющая часть к психологии того или иного народа. При таком понимании функции общественного сознания могут быть опредмечены в конкретно-исторической культурной среде; тогда речь о национальных особенностях их реализации будет вполне закономерной. Надо

также иметь в виду, что через призму ментального подхода сознание предстает в большей степени сведенное к подсознанию или раскрывающееся в сфере бессознательного. Такого рода представления толкуют сознание не только как акт культуры и признак данного конкретного общества, но и как немаловажный фактор социального развития.

Кроме этого, другими значимыми компонентами национального менталитета являются **ценности и ценностные ориентации**. Анализ духовных ценностей индивидов, если рассматривать систему ценностей как универсальную, пролонгированную, консистентную структуру приоритетов, определяющих желаемый жизненный проект и систему ориентаций индивида, позволяет придать национальному менталитету качественную определенность. Например, как отмечает Ю. Липа, для украинского менталитета характерно иррациональное, мистическое понимание свободы, связанное с украинской духовной традицией. Свобода наделяется либо негативным смыслом как свобода «от чего-либо» (от собственности, угнетения и т. д.), либо понимается мистически как свобода «во имя чего-то», т. е. во имя какой-то высокой цели. При этом, коренным отличием от западной рациональной традиции является то, что свобода всех рассматривается в качестве гаранта свободы отдельного гражданина, а не наоборот, как это принято в Европе.

Ценностные ориентации, рассматриваемые как структурные составляющие ментальных феноменов, являются, как известно, важнейшим компонентом индивидуальной организации человека, его нравственно-психологической и интеллектуальной деятельности. В них как бы резюмируются весь жизненный опыт и основная доминанта духовности личности в целом. Это тот компонент структуры личности, который являет собой некую «ось» сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы. Эта же «ось», в конечном счете, предопределяет интенциональность духовного процесса, уровни духовности, ее константы. Все, что ищет для

души человек в определенном виде деятельности, в творчестве, в общении и т. д., – все это образует смыслотворческие аспекты его поисков и притязаний [37]. Ментальность как сосредоточенность и открытость сознательно-психического мира человека можно рассматривать как онтологическую характеристику, свойство бытия человека. Выходя за границу телесного, физического бытия в мир многомерных связей, человек способен включиться в различные проявления социокультурного процесса, а стало быть, способен открывать новые связи с реальностью, с мирами других индивидов, более свободно ориентироваться в освоении ценностей жизни и культуры. Если в науке человек противопоставляет себя как субъект объекту, то в духовном он объективное наделяет субъективным, стремится к специфическому «отождествлению» субъективного и объективного. В определенной мере он субъективирует объективное, стремится выразить объективное в субъективных формах и уровнях, в какой-то мере идентифицировать себя в системе субъективных отношений и интеракциях. Методологической посылкой для осознания этого является концепция интенциональности Гуссерля, проводящего различие между внешне выраженными, осознаваемыми содержаниями сознания и глубинным уровнем бытия человеческой субъективности, на котором происходит рождение личностных смыслов и который образует основу внутреннего мира личности. Важно то, что сознание уже осознало себя как духовное, то есть как отчужденное от природно-эмпирического континуума, и потому обнаруживает себя в напряженной двойственности. Это – живое пространство длящейся дуальности, но при интенциональных константах. Следует отметить, что в феномене ментальности личности важную роль играет не только сознание индивида, но и его связь с человеческой общностью, с системой внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества в целом. Особенностью личности, представляющейся нам как человек, обладающий необходимым минимумом прав, достоинств и соответствующих гарантий, как самобытный индивидуум (обладающий даже минимумом этой

самобытности), способный регулировать, ограничивать свое поведение различными стандартами: юридическими, экономическими, техническими, является то, что сама по себе она противостоит среде, ее окружающей, так как по сути своей личность автономна, самостоятельна в занятиях и свободна в решениях. Но в то же время личность принадлежит среде, так как делает свой выбор, принимает решения и действует в рамках социума, строит поведение по стандартам, которые установлены в этом обществе, а также ограничена со стороны других личностей, находящихся в плоскости и темпоральности одного с ней социального пространства. Надо сказать, что и со стороны каждой конкретной личности в адрес других исходит определенное ограничение.

Эмоциональный компонент национального менталитета представляет собой совокупность эмоциональных оценок окружающего мира: отношения человека к себе, к другим людям и к миру в целом окрашены настроением и эмоциональным отношением.

Как известно из многочисленных источников (В. С. Агеев, В. Н. Панферов, У. Фризен, П. Экман и др.), культурные различия наблюдаются: во-первых, в причинном объяснении эмоций для представителей различных этнических групп [142; 143], во-вторых, в особых правилах, регламентирующих те или иные эмоциональные проявления, в-третьих, в определении тех ситуаций, в которых приемлемо проявлять эмоции. Неслучайно англичане определяются другими народами как эмоционально «холодные», итальянцы – как веселые люди, евреи – как хитрые, а испанцы – как «жесткие».

Репертуар эмоциональных проявлений широко представлен во всех культурах, но объяснения причин эмоций разнятся. Безусловно, на это влияют и картина мира и ценности различных народов, заключенные в национальном менталитете. Если молчание у шведов является признаком природной угрюмости, то молчание у японцев может быть выражением целой фразы. Молчание у русских в ответе на вопрос может быть расценено

как упрямство. В каждой культуре свои правила проявления эмоций. Японцы должны сдерживать негативные эмоции и в основном выражать радость, приветливость к собеседнику. В украинской культуре принято явно выражать эмоции, настроение. Для китайцев характерно намеренное завышение позитивной оценки своей жизни. Подавление эмоций у итальянцев интерпретируется как лицемерие. С правилами проявления эмоций связаны и ситуации, в которых происходит культурное закрепление эмоциональных выражений.

В различных культурах приняты различные ситуативные нормы выражения эмоций [132; 134; 142]. Большинство этносов разделяют проявление эмоций – в семейном кругу, с друзьями, на работе. Французы обязательно чувственно выражают свое отношение к различным собеседникам, что у многих представителей других народов может вызвать понимание этого как особого отношения к себе лично. Французы, обязательно описывая что-либо, придают этому описанию возвышенный характер. Немцы выражают эмоции, строго исходя из контекста ситуации. Японцы, выражая скорбь по умершим родственникам, улыбаются на людях, поскольку в японской культуре не принято обременять своими проблемами других людей. У кавказских народов скорбь выражается очень ярко и открыто.

Эмоции составляют центральное звено механизма, переводящего «мир в себе» в реальный мир, в котором человек живет и действует, в мир, соответствующий человеку, имеющий ценностно-смысловые характеристики, что и позволяет человеку действовать в нем, понимая смысл и ценность собственных действий. Эмоции не устанавливают соответствие мира человеку. Они фиксируют это соответствие, а потому и входят в число причин, обеспечивающих избирательное взаимодействие человека с миром. С этой позиции можно объяснить, почему эмоции обладают прогностическими возможностями (предвосхищение) и репрезентирующими функциями по отношению к сознанию. Таким образом,

эмоциональный компонент менталитета направляет и побуждает мышление и поведение этносубъектов и является дифференцирующим признаком отличия одного национального менталитета от другого.

Что касается поведенческого компонента национального менталитета, то необходимо отметить, что нормы и правила поведения задаются системой доминирующих в большой социальной группе мотивов, детерминированных существующими нормами, смыслами, значениями, установками.

Еще на один важный компонент понятия «национальный менталитет» следует обратить внимание. Говоря о национальном менталитете необходимо нельзя обойти вниманием **стереотипы**, которые формируются под влиянием компонентов бессознательного, в частности, архетипов. Установка генетически предшествует стереотипу, и в значительной степени определяет его содержание и сущностные характеристики. В свою очередь, стереотипы очень устойчивы и консервативны. Они могут быть разрушены лишь в течении длительного периода, в связи с радикальными изменениями общественного сознания.

Некоторые авторы определяют стереотип как «групповой эталон, сложившийся на основе общественного мнения определенной группы в наиболее важных моментах жизнедеятельности социума» [113]. В структуре национального менталитета стереотипы определяют:

во-первых, отношения индивида (социальной группы) на уровне обыденного сознания к другим индивидам (социальным группам) и вообще, ко всему социальному и природному окружению, предполагающее их оценку;

во-вторых, формирование определенного *типа поведения и образа действия* как отдельного индивида, так и социальной группы;

в-третьих, констатацию особенностей своей национальной общности и идентификацию с ней.

Важнейшим компонентом структуры национального менталитета является **социальная установка**. Понятие «социальная установка» применяется в философии для обозначения субъективных ориентаций

индивидов как членов группы (или общества) на те или иные ценности, предписывающих индивидам определенные социально принятые способы поведения [51]. Известно так же, что социальная установка используется при изучении отношений личности как члена группы к тем или иным социальным объектам, механизмов саморегуляции устойчивости и согласованности социального поведения, процесса социализации, а также при прогнозировании возможных форм поведения личности в определенных ситуациях. Установка характеризует предрасположение, предуготовленность человека к активности в определенном направлении и включает в себя, наряду с когнитивным, эмоциональный и поведенческий компоненты. Понятие социальной установки может применяться не только в направлении от личности к социальным феноменам, но и в направлении от общества, нации к феноменам социально-индивидуального плана. Следовательно, можно говорить о социальной установке в структуре национального менталитета. Различная степень овладения общественно-историческим опытом оказывает значительное влияние на формирование социальной установки. Однако она возникает не только под влиянием этого опыта, но и опыта личного, индивидуального, который складывается как результат своеобразного жизненного пути общества, нации. Формируется и определенное эмоциональное отношение к тем или иным объектам, явлениям, процессам. Тем самым образуется определенная предуготовленность, предрасположенность, преднастроенность к восприятию явлений, к определенной деятельности в том или ином направлении. Поэтому рассматривая социальную установку как одну из составляющих национального менталитета мы можем исследовать отношение к тем или иным явлениям и, следовательно, характер деятельности большой социальной общности, нации. Необходимо подчеркнуть, что установка – это лишь одно из средств внутренней регуляции активности, и, лишенная связи с другими элементами, она не может работать в плане социальной направленности личности и общества.

Безусловно, в процессе жизни человека формируются различные установки, одни из которых могут исчезать, а другие – закрепляться, фиксироваться. Последние и образуют систему установок – ценностную ориентацию личности, большой социальной группы, которая создает социальную направленность его деятельности. На уровне социального осмысления действительности такого рода феномен рассматривается как «социальный стереотип».

По нашему мнению, социальные установки формируются не только под влиянием объективных условий жизни, социальных факторов различных социальных систем, но и собственных ценностных ориентаций личности, которые проходят становление в течение всей жизни. Шкала социальных ценностей (национальных, этнических и т. п.) не есть феномен неизменный, она представляет собой относительно устойчивый, способный к видоизменениям в течение длительного исторического периода феномен. В качестве важнейших социальных установок индивидуального и массового сознания, включающих и сферу бессознательного, которые влияют на выработку отношения к окружающим человека явлениям, событиям и процессам можно назвать следующие: правовые, природные (выражающую отношение к природе, в том числе к экологии), хозяйственно-экономические (трудовые), национально-патриотические, установки, охватывающие этический аспект разновозрастных, семейных и гендерных отношений, эстетические, религиозно-мистические, языковые, образовательно-воспитательные установки (тесно связанную с семейной) и некоторые другие.

Далее в контексте анализа структуры национального менталитета рассмотрим понятие «**норма**». С понятием «норма» традиционно ассоциируется научный подход к исследованию социокультурной реальности и широко используется наряду с другими родственными ему понятиями – «идеалы», «ценности», «нравы», «обычай», «стереотипы», «стандарты

поведения». Толкование понятия «нормы», существующее в социальной философии, можно разделить на три типа:

- «статистическое» (принимающее в качестве «нормы» поведение, как оно есть в статистическом большинстве случаев);
- «идеалистическое» (интерпретирующее «норму» как поведение, каким оно должно быть в идеале);
- «нормативное» (интерпретирующее «норму» как «норматив», т. е. поведение, каким оно должно быть в действительности) [102].

В философской литературе при анализе национальных особенностей поведения различных социальных групп встречаются такие виды социальных норм, как нормы культуры. На наш взгляд, нормы культуры можно считать самостоятельным видом социальных норм, так как они отличаются:

- 1) содержанием;
- 2) сферой действия;
- 3) формой санкционирования;
- 4) механизмом распространения в общности;
- 5) социально – психологическими механизмами действия.

Понятие культурных норм понимается здесь как нормативное образование в рамках обычаев, нравов и других форм регуляции социального поведения членов общности или группы как элементов духовной культуры общества, и может быть соотнесено с регуляцией образа жизни, уклада и пр.

Культурные нормы, более чем все прочие виды норм, вырабатываются в соответствии с характером и типом общения членов данной общности или группы. Включение индивида в культуру общности или группы осуществляется путем усвоения и реализации им норм общения. Таким образом, механизмом усвоения норм, как и ценностей, больших и малых групп, в которые включен индивид, является его идентификация с этими группами. Скажем, человек той или иной национальности становится членом своей этнической группы, лишь усваивая и реализуя в своем поведении

нормы данной этнической общности. Кроме того, этим достигается поддержание общественного порядка и его интеграция.

Природа норм такова, что они нуждаются в смысловых основаниях, своеобразной ценностно-логической легитимности. Следовательно, нормы вытекают из ценностей, которых придерживаются люди данной культуры и являются их продолжением в практике.

Важно подчеркнуть ценностно-нормативную сущность национального менталитета в смысле того, что институциональная регуляция национального менталитета осуществляется средствами контроля, среди которых главное место занимают ценности и нормы. Национальный менталитет выступает, таким образом, специфическим полем выбора субъектом своей линии поведения, жизнедеятельности, выраженной в определенных ценностно-нормативных параметрах. В ситуации выбора своей линии поведения и способа решения какой-то конкретной жизненной задачи, проблемы индивид сознательно или неосознанно (что скорее всего соответствует истине) будет руководствоваться присущими ему средствами: представлениями, образами, идеями, верованиями. Ментальное регулирование – разум – важнейшее средство, детерминирующее принятие ценностей и норм индивидуумом. Социокультурное развитие постоянно совершенствует эту способность человеческого сознания и приводит к появлению разного рода психологических, социально-психологических, обыденных, идеологических, наконец, научных представлений, на базе которых формируются ценностно-нормативные идеалы.

Поскольку индивиду (группе) предстоит личный выбор определенной линии жизнедеятельности или поведения в конкретной ситуации, то в актуальной реальности приобретают особую значимость ценностно-нормативные идеалы.

В связи с этим, следует отметить, что идеал представляет собой то образование сознания, в котором концентрированно выражены человеческие надежды и высшие побуждения. Идеалы всегда выступали и выступают как

стержень духовных поисков, идеологических призывов, политических сдвигов, всего многообразия внутренней жизни человека.

В общей характеристике идеала все его исследователи достаточно единодушны: по давно установившейся философской традиции в идеале видят духовное выражение определенной нормы, образец отмечающейся от повседневной действительности и обладающий побудительной силой к действию, тот образец совершенства, желанный и привлекательный ориентир, на который равняются люди в своей деятельности [12].

Идеалы – это действительно те формы выражения глубинных конкретно-исторических интересов общества и индивида, в которых они, эти интересы, даны в максимально обобщенном, концентрированном виде. Они как бы увенчивают весь строй идей, присущих социальному субъекту, интегрируя в себе все самое существенное, генеральные моменты его самосознания.

Как отмечает С. Л. Рубинштейн, в идеале осуществляется «предвосхищенное воплощение» того, чем может стать человек. Но «предвосхищенное воплощение требует высокого уровня духовного развития индивида, интеграции и соответствующих высот его интеллекта, воли, чувств. Только при этой константе сознание работает как сознание. На пересечении различных содержательных (в позитивном смысле) сознаний, установок и стремлений в общей социокультурной ориентации и определяются значимость определенных форм духовного бытия, смысл логики процесса. Речь идет не столько об идеале личности, сколько о необходимых изменениях в личностных духовных структурах, их качественных основаниях, делающих возможным конструктивный труд по преодолению негативного. Идеал выступает как идея, представленная как цель и средство. В идеале осмысленно синтезируются в форме краткого умозаключения ведущие ценности традиционных образцов жизнедеятельности, опыт прошлых поколений, оценка настоящего и представления о будущем. В классификационной сетке уровней и форм

проявления идеалов, к сожалению, не находит отражения такая специфическая особенность, как их большая индивидуализированность, по сравнению с другими формами ценностей. Нравственные нормы и ценности уже сформированы обществом, индивид усваивает их как нечто готовое, данное, должное. «Творчество» в притязаниях и оценках здесь практически сводится к нулю. Морально-нравственная установка как составляющая национального менталитета выступает здесь в чистом виде, то есть с первого момента появления она претендует на свою фиксированность не только в сознании отдельного индивида, но и во внесознательной его сфере. Идеалы же, особенно идеалы-цели, человек всегда формулирует сам, опираясь, конечно, на некоторые символы общезначимого. В формировании духовного мира человека и в становлении его ценностных ориентаций, в частности, идеал выполняет двоякую функцию: прогностически-целевую (создает более или менее постоянную интенсивную систему ориентиров) и оценочную (как критерий оценки ориентации в различных ситуациях). Идеал информирует о том, как происходит приобщение человека к подлинно духовному, как, формируясь, ценностное отношение преобразуется в ориентир, в положительную работу по созданию социокультурного поля как среды духовного бытия человека, принимающего или отторгающего духовное бытие целого, социума. Индивид вступает в самые разнообразные отношения с обществом, его структурами. Но это разнообразие не означает какой-то «распыленности», «разбросанности» индивида, вынужденного реагировать с бесконечными модификациями на динамическую среду. Он имеет определенную и весьма прочную автономию, относительно устойчивую целостность, которая дает возможность личности сохранить свою определенность и пронести ее через всю жизнь. Специфические закономерности просматриваются и в духовной самодеятельности личности, в движениях души, в законах формирования ее социокультурного поля, того «духовно особенного», что не позволяет ей раствориться в духовном хаосе общества. Речь идет о взаимодействии глубинно-психических установок

общества и человека и их взаимоформируемости. Самоосуществление человека через создание своего собственного духовного мира, зависящего только от собственного поиска ценностей, представляет собой сложный и многоэтапный процесс, составной частью которого является транслирование собственных переживаний и перевод их на язык личностных смыслов и значений. Сложность и драматизм этого, в какой-то степени вечного процесса представляются нам качественными характеристиками духовного самоопределения в его индивидуальном исполнении. Человек сам стремится определить себя, свое «Я», сам отбирает и фильтрует ценности жизни и культуры, формирует свое социокультурное поле. Социокультурное поле личности – это совокупность идеальных представлений и идеальных форм, осуществляющих приближение к вечным ценностям, которые индивиду еще не представлены, но которые очерчивают рамки его духовной деятельности и выступают основными опорами ценностных ориентаций. Проблема становления социокультурного поля личности связана с причастностью к своей, индивидуально созданной, структурированной реальности. Индивид постоянно приближает к себе и фильтрует, например, содержание «вершинных», общеприемлемых культурных ценностей (человеческая жизнь как самоценность, справедливость, свобода, достоинство), но, вместе с тем, и оставляет их «вовне», ибо в чем-то сомневается, в чем-то видит лишь иллюзию вечности. Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Не несет ли свобода произвол вседозволенности? Не является ли утопией сама идея справедливости? Эти и другие вопросы ставятся человеком, они вытекают из его самообособления, поступают без «первичной оценки», но диктуются «манихейским началом» в ней, истоки которого кроются во внешнем социальном пространстве, в архетипах социокультурной жизни общества. Человек более духовен тогда, когда он размышляет о том, что такое зло, вечность, добро, красота и т. д., и менее духовен, когда дал себе право считать, что ответы найдены. Поэтому духовность – это своего рода движение к истине. Одним из основных принципов функционирования

человеческого сознания (термин берется здесь в самом широком смысле слова) является интенциональность, то есть способность, характеризующаяся постоянной направленностью на тот или иной объект. Сознание, в принципе, не может быть абсолютно свободным, но возможна, как мы видели, переориентация сознания на основе сменившихся установок. Такая переориентация, по Платону, «поворот глаз души», и есть духовная деятельность на различных уровнях состояния сознания.

Говоря об *идеалах* как структурном компоненте национального менталитета, следует отметить, что они выделяются при рассмотрении его в аксиологическом (ценностном) срезе. Действительно, идеалы обнаруживают себя как те духовные формы, в которых выражено отношение субъекта (единичного или совокупного) к имеющейся действительности. Объект, т. е. наличное бытие, жизнь как таковая, процесс истории или индивидуальной биографии дан в идеале в той мере и в том ракурсе, который задан интересами субъекта, высвечен его субъективным отношением к фактическим реалиям.

Исходя из этих соображений, первым самым общим определением идеала, видимо, могло бы быть указание на то, что идеал есть идея, представленная как цель и ценность. В идеале выражена позиция социального субъекта в отношении к социальной действительности.

Следует также высказать некоторые соображения по поводу различий между ценностями и идеалами, в том виде, как они существуют в национальном менталитете. Помимо того, что идеалы являются такого вида субъективными образами, которым чужды любые противоречия и недостатки, идеал всегда является образом будущего, а не компонентом настоящего. Последнее обстоятельство имеет первостепенное значение, ибо «как представление о желательной и совершенной ценности, идеал является позитивным выражением отрицательных ценностных характеристик действительности и обычно оставляет без внимания то, что в ней позитивно. Идеал позитивно рефлектирует то, что в реальной действительности

негативно, он является мысленным идеальным отрицанием существующего зла и направлен прежде всего на его преодоление... Как инструмент оценки он неизбежно обесценивает действительность» [46]. Однако, само по себе отрицание, даже если оно выражено в форме идеала, еще не является программой действий, и, следовательно, информация об идеалах индивида имеет невысокую прогностическую ценность.

Будучи духовным продуктом объективных процессов, особого рода человеческой практики, менталитет оказывает активнейшее воздействие на многие стороны жизни общества, выступая в качестве важного регулятора форм поведения людей, в том числе посредством механизмов общественного мнения, общественного настроения. Одной из важнейших функций национального менталитета является **транслирующая**, так как выступает средством хранения и передачи человеческого опыта. В ходе истории были выработаны специальные механизмы трансляции национального менталитета как некой целостной системы от одного поколения к другому. Такие механизмы реализовывались как на вербальном, так и на невербальном уровнях в различных сферах жизнедеятельности, среди которых можно назвать семью, школу, праздники, традиции, ритуалы, искусство, литературу.

Вместе с тем, национальный менталитет во всех своих структурных элементах позволяет понять своеобразие восприятия и оценки различными социальными группами того или иного общественного явления или процесса. В нем отражено как рациональное, ценностное, так и чувственное, подсознательное отношение людей к определенным элементам социальной реальности. Именно поэтому национальный менталитет выполняет **ценностно-ориентационную** функцию. Национальный менталитет отражает определенный образ мышления, общую духовную настроенность человека, группы на соответствующие ценностно-нормативные ориентации и соответственно этому предрасположенность мыслить, чувствовать, воспринимать мир определенным образом. Он же раскрывает закономерности и способы социального поведения людей, продиктованные

их мыслительными и эмоциональными установками. В этом смысле национальный менталитет выполняет **регулятивную** функции.

Являясь формой выражения группового сознания, национальный менталитет играет важную роль в обеспечении единства и целостности соответствующей социальной группы в связи с утвердившимися в ней общими подходами, ценностями, нормами поведения. Национальный менталитет формирует у людей чувство принадлежности к определенной группе, народу, нации, религии и т. д., и в этом плане он обеспечивает целостность общностей, общества и выполняет функции **интеграции** общества. Вместе с тем, сплачивая одни общности и группы, национальный менталитет противопоставляет их другим и является источником дезинтеграции.

Будучи способом, средством социального воздействия, национальный менталитет, формируясь в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека в свою очередь, сам их формирует, выступая как порождающее сознание и обеспечивает освоение и преобразование мира, т. е. выполняет **адаптационную** функцию.

Конструктивная функция выполняет задачу определения пространства проявления национального менталитета, модусы его существования и развития. Это проявляется многократно опосредованным образом в формировании определенных стереотипов поведения, создания системы ценностных и социальных предпочтений, существовании типов ориентаций сознания людей и их групп. Национальный менталитет занимает сравнительно небольшую часть объема массового сознания, но чрезвычайно важен в плане содержательном, ибо способ осознания своего природного и социального окружения является как бы специфическим способом организации жизнедеятельности, который связывает индивида со своей общностью и отличает от других.

2.2. Особенности социокультурного подхода к изучению национального менталитета как способа национальной идентификации народа.

Необходимость специального исследования национального менталитета как проявления национальной идентификации народа в нашей диссертационной работе связано с тем, что проблема идентичности в сочетании с менталитетом сопровождает сегодня как жизнь рядового человека, так и попытки современного самоопределения целых государств и народов.

Национальный менталитет и национальная идентичность, по нашему мнению, по своей природе являются преимущественно социокультурными духовными феноменами. Кроме этого, идентичность и менталитет – это всегда продукт сложных взаимоотношений объективного и субъективного, внешнего и внутреннего.

Использование социокультурного подхода в контексте взаимодействия национального менталитета и национальной идентичности позволяет выявить ценностные характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, формирование и развитие ценностного компонента в структуре национального менталитета, ценностную природу национального менталитета как способа национальной идентификации, а в более широком контексте – принимать во внимание всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни. Кроме того, специфика социокультурного подхода в том, что он имеет многомерный характер, что позволяет принимать во внимание всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни.

Как и любой методологический подход, социокультурный подход имеет свои достоинства и ограничения. При этом основными достоинствами социокультурного подхода является то, что он восстанавливает представление об обществе как о сложном социокультурном объекте, выявляя исторически накапливаемые социально-культурные программы

деятельности, поведения и общения людей, обеспечивающих передачу социального опыта от поколения к поколению. Также он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в обществе, его социальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа-личности и типа-общества, и характер этого взаимодействия рассматривается как одно из определяющих направлений социальных изменений. Более того, по мнению автора, в период трансформационных изменений, происходящих сегодня в современном украинском обществе, использование социокультурного подхода в исследовании национального менталитета, национального характера и национальной идентичности является целесообразным.

Проблема национальной идентичности в последнее время является одной из наиболее дискуссионных и популярных. Однако, если в понимании сущности феномена идентичности в современной науке существует общепринятые взгляды, то в отношении понятия «национальная идентичность» до сих пор ведутся научные дискуссии.

В «Новейшем философском словаре» даётся следующее определение идентичности, это «соотнесенность чего-либо (имеющего бытие) с самим собой в связности И непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве («наблюдателем», рассказывающим о ней себе и «другим» с целью подтверждения ее саморавности)» [86]. Современное понимание идентичности связано с работами Э. Эриксона и М. Кастельса. Эриксон выделяет три основных аспекта идентичности: 1) чувство идентичности; 2) процесс формирования идентичности и 3) идентичность как результат [124].

Существуют различные формы идентичности, такие как социальная, национальная, половая, профессиональная, пространственная, временная и др. Что определяет, с какой формой я буду идентифицироваться? По мнению ряда исследователей (Г. Келли, Р. Мертон, Т. Ньюком, М. Шериф и др.) человек отождествляет себя с той группой ценностей, социальных установок

и норм, которых он придерживается [132]. Таким образом, национальная группа может быть референтной, но не во всех поступках человек опирается на установки именно этой группы, поэтому идентичность латентно управляет поведением человека.

Национальная идентичность в социально-философском контексте рассматривается как частный случай социальной идентичности. Можно выделить по крайней мере три значения, которые определяют термин «национальная идентичность». Понятие национальной идентичности может пониматься как определение личностью своей или этнической, или культурной, или гражданской принадлежности. В каждой из этих смыслов слово «национальная» относительно процесса самоопределения личностью может иметь концептуально различные основания. В одном случае в понятии «национальное» может основой рассматриваться слово «нация», а в другом – «национальное». Несмотря на их близкую лингвистическую схожесть, эти понятия не являются тождественными по смыслу. Так, считается, что нация – это категория, которая указывает на совокупность людей (граждан), связанных с определенным государством определённой территорией. Понятие же национального указывает на культурные признаки народа, прежде всего на язык, религию и т. д.

Национальная идентичность определяет то, как индивид переживает свою национальную принадлежность, что и способствует чувству национальной идентичности, уникальности, отличия от других народов. Исторический опыт показывает, что национальная идентичность не может возникнуть сама по себе, а является результатом целенаправленной деятельности государства и элиты общества. То есть идет речь о процессе конструирования национальной идентичности политическими, культурными, образовательными и другими способами. При этом исключительно важными являются вопросы, связанные с тем, вокруг каких идей, ценностей, символов, духовно-нравственных традиций можно консолидировать общество, чтобы

граждане осознали свою неповторимую, уникальную национальную идентичность.

Близким к понятию национальной идентичности является понятие национального самосознания. Если рассмотреть сущность понятия «национальное самосознание», то можно отметить, что данный феномен относится к определенной национальности, которая, по мнению ряда авторов, является исторической формой этноса. По существу, национальное самосознание является осознанием нацией своей собственной социально-этнической сущности, осознание ею того, какое место и положение она занимает или может занимать в системе межнациональных и межгосударственных отношений, какую роль она может играть на мировой арене, и какой вклад в современную цивилизацию может быть ею внесён. Однако уровень развития национального самосознания у разных людей может быть различным (в том числе, в зависимости от возраста, места проживания). Например, уровень развития национального самосознания у этнических поляков в Одессе отличается от уровня развития национального самосознания во Львове, или уровень развития национального самосознания вьетнамцев, проживающих в Украине отличается от уровня развития национального самосознания вьетнамцев, проживающих во Вьетнаме. Следовательно, у человека может быть определена этническая идентичность, но может быть, не развито этническое самосознание.

Представляется, что национальное самосознание – это высший уровень идентификации субъекта с национальной группой и этническим сообществом. По мнению А. И. Донцова, «фактором идентичности является не сама по себе объективная культурная отличительность этих признаков, а их восприятие, оценка в качестве таковых» [31, с. 5]. Таким образом, можно выделить два атрибута национальной идентичности – осознанность и неосознанность, относительность.

Кроме этого, важно подчеркнуть психологическую природу данного феномена. З. Фрейд понимал идентификацию как «самое раннее проявление

эмоциональной связи с другим лицом», «идентификация стремится сформировать собственное «Я» – по подобию другого, взятого за образец» [116].

На наш взгляд, трудности исследования национальной идентичности связаны с ее феноменологическим характером. Д. Марсия выделил 4 состояния формирования идентичности:

– «Предрешенность», когда индивид не выработал четких позиций и убеждений по основным жизненным вопросам.

– «Диффузия», когда индивид преждевременно идентифицировался с другими под давлением или под влиянием чужих мнений.

– «Мораторий» - кризис идентичности – выбор собственного пути.

– «Достижение идентичности» – переход от поиска себя к зрелой самореализации [140].

В данной связи отметим, что в восточной философии подчеркивается, что достижение истинной идентичности возможно только на очень высоком уровне развития духовности, тогда действительно человек становится тождествен сам себе.

Культура, нация, социальная группа будут накладывать отпечаток на все этапы процесса формирования национальной идентичности, особенно, что касается представлений, ценностей, ролей, норм и правил, которые установлены в группе, с которой себя идентифицирует индивид. Г. У. Солдатова выделила модальности идентичности, обусловленные ее образованием: позитивную этническую идентичность, гипоиентичность (индифферентную), гиперидентичность [106]. Российский учёный Л. Гудков предложил понятия позитивной и негативной идентичностей [26]. По мнению Л. Гудкова, основаниями позитивной национальной идентичности могут являться соответствующие значения, ценности и нормы, одобряемые окружающими или институтами государства, которые мотивируют высокие достижения, подкрепляют и подтверждают высокий образ «Я» у человека. Негативная же национальная идентичность связана с социальными

механизмами понижающей адаптации народа, характерные для общества принуждения. При этом развитие национальной идентичности может тесным образом переплетаться с механизмами психологической защиты человека и привести к социальному отчуждению личности. Процесс отчуждения проявляется также в субъективных характеристиках как социально-психологическое состояние индивида, которое влияет на его социальное самочувствие, социальное сознание и характер действий. Американский социолог М. Симан предложил рассматривать отчуждение как специфическое психологическое состояние личности, в развитии и проявлении которого можно выделить четыре разновидности социального отчуждения:

– «бессилие», связанное с ощущением невозможности воздействия на свою социальную среду;

– «утрата смысла» как ощущение того, что достичь значимые цели законным путём невозможно;

– «изолированность», связанная с чувством отстранённости от норм и ценностей общества;

– «самоотстранённость» как неспособность заняться деятельностью, которая могла бы приносить психологическое удовлетворение [148].

Например, неприятные события, сопровождающие формирование национальной идентичности – национальный конфликт – могут привести к образованию негативной идентичности или вообще к непринятию какой-либо национальной идентичности. Гиперидентичность может формироваться на основе механизмов отрицания и проекции, когда представители определенной нации отрицают какие-либо психологические качества у себя и приписывают их другим народам. Таким образом, национальная самоидентификация является неременным атрибутом национального самосознания, но тем не менее носит во многом ситуативный характер и может быть обусловлена конкретными политическими реалиями. Человек невольно идентифицирует себя с тем народом, среди которого он испытывает большой социально-психологический комфорт. Такая ситуативность

национальной идентичности во многом определяется социально-психологическими условиями, с которыми сталкивается этносубъект.

По мнению Ж. Жержена, ещё одним значимым условием формирования национальной идентичности является ситуация [132]. А следовательно, каждая новая ситуация будет конструироваться своими специфическими детерминантами, не опираясь на ментальные представления. В этой связи можно говорить о ситуативной идентичности, когда рождаются новые ситуативные традиции, а старые нивелируются. В таком случае возникает вопрос о выделении структуры национальной идентичности. В отечественной и зарубежной науке есть отдельные работы, посвященные структуре национальной идентичности. Финней (J. S. Phinney) выделяет: когнитивный (знание о своей этнической группе) и аффективный (отношение к своей этнической группе) компоненты этнической группы. Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова добавляют еще и поведенческий (проявления себя как члена этнической группы) компонент к данной структуре [106].

В последние десятилетия в независимом украинском государстве наблюдается новый этап развития национальной идентичности. Украинская нация определяется как общность граждан разного этнического происхождения, которых объединяет не только определение как ценности факта существования украинской государственности и принадлежности к ней её граждан, но и общие культурные черты. Именно на этой концепции базируется формирование украинской национальной идентичности, которая реализуется институтами и властными структурами на протяжении всех лет независимости Украины. Главными способами, которые используются, являются приобретение украинского языка статуса государственного, постепенный переход на украинский язык в официальной сфере, в системе образования, и в деятельности средств массовой информации, введение нового календаря праздничных дат, которые отмечают знаменательные события в истории Украины и др. Всё это должно способствовать осознанию

гражданами страны общности своего прошлого, интернализации тех культурных, политических и других ценностей, которые позволяют населению Украины воспринимать себя как единую национальную общность

Поскольку мы рассматриваем менталитет как социокультурный феномен, то важно понять какие формы идентичности определяют менталитет. Если исходить из определения менталитета как совокупности различных компонентов сознания и бессознательного, то на содержательном уровне это будет идентификация с ценностями, смыслами и значениями определенной группы. Поскольку мы определили, что в феномене национального менталитета отражаются социально-психологическое и духовное (социокультурное) состояния субъекта истории (народа, нации, этноса, народности), которое складывается в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-экономических и культурных условий его проживания и проявляется в различных видах деятельности, то – *в различные исторические эпохи, в различных регионах, в которых преобладают какие-либо факторы – религиозные, общественные, хозяйственные, то именно они и будут задавать форму менталитета и особенности его идентификации.* Однако в ситуации социокультурного кризиса, когда непонятно человеку с какими социальными категориями идентифицироваться механизм идентификации не работает, система менталитета как бы зависает и вступает в силу механизм отчуждения.

В современной литературе выделяют несколько форм отчуждения. Можно назвать такие основные формы:

- опосредование отношений людей отношениями вещей, деперсонализация связей,
- аномия, отчуждение от ценностей, норм, ролей, социальная дезорганизация, конфликты,
- отчуждение человека от человека, изоляция и атомизация,

– внутреннее самоотчуждение личности – утрата «Я», апатия, неосмысленность. Думается, что в период социокультурного кризиса, характерного для современного украинского общества, можно наблюдать все эти формы отчуждения.

Поскольку менталитет транслируется посредством ценностей, образа мира и стиля поведения, то в ходе отчуждения именно эти носители компонентов менталитета и будут задействованы. Так, некоторые учёные выделяют несколько фаз процесса отчуждения: 1) бессилие – индивид считает, что его деятельность не может дать тех результатов, к которым он стремится; 2) бессмысленность – индивиду неясно значение событий, в которых он участвует, он не знает, во что должен верить, почему надо поступать так, а не иначе; 3) деорганизация норм, или аномия, – ситуация, в которой индивид сталкивается с противоречивыми ролевыми ожиданиями и вынужден для достижения поставленных целей прибегать к социально неодобренному поведению; 4) изоляция – отчуждение индивида от господствующих целей и ценностей, расхождение индивида с данным обществом в оценке значимых в обществе целей и верований; 5) самоотчуждение – отчуждение индивида от самого себя, ощущение себя и своих способностей как чего-то чужого, как средства или инструмента, то есть крайняя точка континуума (extreme).

В литературе представлено множество точек зрения на сущность отчужденности человека. Собственная мощь противостоит человеку как чуждая сила, в этом – существенный момент парадоксальности современной эпохи: потеря человеком собственных убеждений, традиции, коммуникабельности, его одиночество (Ортега-Гассет); отсутствие личной ответственности, собственного мышления, его деятельность вне «Я» (Ясперс); трагедия самосознания превращенного в ничто человека (Кафка); скандал духа, кризис культуры, бытия и сознания (экзистенциализм); превращение средств в цель (Фромм).

Использование социокультурного подхода в изучении национального менталитета и национальной идентичности позволяет глубже рассмотреть проблему развития и взаимодействия менталитета и идентичности. Исследование ценностного компонента в структуре национального менталитета и национальной идентичности позволяет обратить внимание на социально- культурные основы процесса развития самоидентификационных практик граждан страны. Интересную информацию дают социокультурные характеристики тех граждан, которые воспринимают Украину как Родину. Как свидетельствуют результаты социологических мониторингов Института социологии НАН Украины, в эту группу вошли 97% этнических украинцев, и 74% россиян; 97% тех, кто считает своим родным языком украинский язык, и 81% – русскоязычных украинцев; 96% представителей Западного региона, 94% – Центрального, 82% -Южного, 87% - Восточного регионов [117]. Таким образом, можно отметить, что в отношении к Украине как Родине хоть и наблюдается отличная роль этнической, культурной, региональной принадлежности, но она не является существенной.

Выводы к разделу 2

Выделена структура национального менталитета, которая может быть представлена в следующем виде: «архетипичный» компонент менталитета – система архетипов; когнитивный компонент – образ мира и способы мышления коллективного субъекта; ценностно-смысловой компонент – система ценностей, ценностных ориентаций, идеалов, значений, норм; эмоциональный компонент – оценки, настроения, эмоции, чувства; поведенческий компонент – мотивы и стереотипы поведения. Отмечено, что каждый из этих компонентов имеет бессознательный и сознательный уровни, и феномен национального менталитета обладает устойчивыми и неустойчивыми структурными состояниями.

Обосновано, что в структуре национального менталитета центральное положение среди различных элементов занимают ценности и ценностные представления, которые являются основными социальными

характеристиками индивида или социальной группы, их социальной системы координат. В тоже время, национальный менталитет – это сложнейший, многослойный и многомерный социокультурный феномен, в котором присутствуют как общераспространенные ценностные стереотипы, принятые неререфлексивно, так и ценностные представления, «верифицированные» личным опытом, собственные оценки, собственные ценностные суждения.

Выделены такие основные функции национального менталитета, как транслирующая, которая выступает средством хранения и передачи человеческого опыта; ценностно-ориентационная, которая отражает определенный образ мышления, общую духовную настроенность человека, группы на соответствующие ценностно-нормативные ориентации и соответственно этому предрасположенность мыслить, чувствовать, воспринимать мир определенным образом; регулятивную, которая раскрывает закономерности и способы социального поведения людей, продиктованные их мыслительными и эмоциональными установками; функцию интеграции, которая выражается в формировании у людей чувства принадлежности к определенной группе, народу, нации, религии и т. д.; адаптационную, которая обеспечивает освоение и преобразование мира; Конструктивная функция, которая выполняет задачу определения пространства проявления национального менталитета, модусы его существования и развития. Таким образом, национальный менталитет занимает сравнительно небольшую часть объема массового сознания, но чрезвычайно важен в плане содержательном, ибо способ осознания своего природного и социального окружения является как бы специфическим способом организации жизнедеятельности, который связывает индивида со своей общностью и отличает от других.

Обосновано, что национальный менталитет является феноменом социокультурного развития народа и на разных этапах развития общества проявляется в особенностях его национальной идентификации. Отмечено, что национальный менталитет и национальная идентичность в своей

сущности являются преимущественно социокультурными духовными феноменами и имеют ценностную природу.

Анализируя национальный менталитет как социокультурный феномен, автором показано, что в феномене национального менталитета отражаются социально-психологическое и духовное (социокультурное) состояния субъекта истории (народа, нации, этноса, народности), которое складывается в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-экономических и культурных условий его проживания и проявляется в различных видах деятельности. Однако отмечается, что в ситуации социокультурного кризиса, когда непонятно человеку с какими социальными категориями идентифицироваться механизм идентификации не работает, система менталитета как бы «зависает» и вступает в силу механизм отчуждения.

Подчёркивается, что идентификация/отчуждение является универсальным механизмом жизнедеятельности культурных артефактов. Именно благодаря этому универсальному механизму человек не теряет своей подлинности и не теряет связь с другими. Именно механизм отчуждения позволяет человеку рефлексировать свой опыт и не сливаться с ним, не быть его придатком, а идентификация позволяет погружаться в мир культуры, транслировать знания, смыслы, ценности иным поколениям.

Результаты данного раздела апробированы в следующих публикациях автора:

– Хоанг Тхи Кук Национальный менталитет и духовные ценности украинского народа / Хоанг Тхи Кук // Наукове пізнання: методологія та технологія. — 2011. — 1 (26). — С. 48-53.

– Хоанг Тхи Кук Особенности смыслового наполнения понятия «национальный менталитет» в социально-философском знании / Хоанг Тхи Кук // Матеріали всеукраїнської конференції «VIII Харківські студентські філософські читання» 15-16 апреля 2011 р., Харків. — С. 182-186.

Раздел 3. Национальный менталитет как детерминанта трансформационных изменений

3.1. Основные факторы и предпосылки формирования и изменения украинского менталитета.

Менталитет украинцев формировался на протяжении всего времени существования их как нации. Учитывая исторические, расовые, географические, культуроморфические и другие особенности их менталитета, можно установить «генетическое объяснение» специфики мировосприятия и поведения народа, населяющего современную Украину.

Одним из первых учёных, кто исследовал проблему формирования и изменения национального менталитета был Г. Ле Бон (1842–1931). В своих исследованиях он показывал, что характерные черты народа практически не меняются со временем. Исследуя различные факторы, способные действовать на психический склад народов, он подчеркнул, что они действуют на побочные и непостоянные стороны характера, но нисколько не задевают его основных черт, или задевают их лишь путем очень медленных наследственных накоплений. Однако из предыдущего никак нельзя заключить то, что психологические особенности рас совсем не подвергаются изменениям. Вследствие этой устойчивости «душа» народа и изменяется так медленно в течение веков, отмечает Г. Ле Бон. Такое представление о менталитете народов было характерным для того периода развития науки. XX век внес свои коррективы в представления о развитии народного духа. Благодаря более пристальному исследованию ментальных установок изучение проблемы формирования и изменчивости национального менталитета стало предметом социально-философского анализа. Особый вклад в развитие концепции формирования национального менталитета внёс К. Г. Юнг. Он отмечал: «лишь изменение установки отдельного человека становится началом изменения психологии нации. Великие проблемы

человечества еще никогда не решались посредством всеобщих законов, но всегда решались лишь посредством обновления установки отдельного человека» [125]. Таким образом, можно утверждать, что смена ментальных установок является значимым механизмом трансформации национального менталитета.

В исследованиях Д. Н. Узнадзе (1930-1941) установка определяется как «внесознательное целостное состояние», и «обладает динамической определенностью», «определяет состав и течение определенных психических явлений», «предваряет появление определенных фактов сознания» [115, с. 131]. Как отмечает Д. Н. Узнадзе: «...для возникновения этой последней (установки) достаточно двух элементарных условий – какой-нибудь актуальной потребности у субъекта и ситуации ее удовлетворения» и чтобы они совпали. Автором было продемонстрировано в опытах, что установка также «обуславливает идентификацию в переживаниях ряда сравнительно незначительно различных ситуаций» [115, с. 43]. При этом Д. Н. Узнадзе подчеркивает, что раз образовавшись, установка не исчезает, а вновь актуализируется, как только возникают подходящие условия. Эта готовность вновь возникнуть определяется прочностью ее фиксации. Хотя встречаются ситуации, когда «к активности побуждаются не те установки, которые фиксировались когда-нибудь в течение жизни данного индивидуума, а те, которые сделались фиксированными в истории его вида» [115, с. 123]. Данный тезис автора показывает, что установки образуются не только на уровне отдельного индивида, но и на уровне вида, группы людей. Регрессия установки проходит ряд этапов «затухания» и она уступает место установке, адекватной данным условиям. В этом проявляется динамическая сторона установки, ее адаптивная функция. В нашем исследовательском контексте представляется важным, что установки являются динамическими образованиями.

Анализ современной литературы позволяет выделить шесть основных групп факторов, с которыми непосредственно связывается специфика

формирования национального менталитета. Эти исходные факторы, как подчеркивают многие современные ученые, в том числе В. Груздь, С. Андрусив и др., носят исторический характер и являются определяющими звеньями в формировании национального менталитета. Представитель украинской диаспоры А. Кульчицкий, занимавшийся изучением специфических черт, определяющих своеобразие психики украинского народа, относит к ним следующие факторы формирования украинского менталитета:

- 1) расовые (или соматопсихические);
- 2) геопсихические (географические), связанные с природной средой и способом выживания в ней;
- 3) исторические (геополитические);
- 4) социально – психические (общественные), связанные с социальной структурой и общественным строем;
- 5) культурноморфические, связанные с взаимовлиянием этнотипа и культуры на формирование друг друга;
- 6) религиозные [146].

Тем не менее, в реальном мире совершенно необходимо учитывать при исследовании формирования национального менталитета влияние общественных, политических, нравственных обстоятельств, т. е. всех тех условий и формирований, которые воспринимаются как историческое «поле», «фон», роль исторических факторов.

Прежде всего, рассмотрим основные группы факторов, которые историко-генетически формировали украинский менталитет в геоэтнополитическом пространстве Украины. Известно со времен Монтескье, что природно-географические, природно-климатические условия играют значительную, часто определяющую роль в становлении характера, темперамента, духа любой нации. Соответственно и на формирование менталитета украинского народа огромное влияние оказали и оказывают географические, или геопсихические, факторы, которые включают не только

географическое положение (климат, почву и пр.), астрономические условия, чередование разнообразных ландшафтов, богатство природными ископаемыми и т. д., но и способ выживания в природной среде. Г. Штейнталь, один из создателей теории «психологии народа», полагал, что все индивиды одного народа носят отпечаток особой природы народа благодаря единству своего происхождения и среды обитания. Надо сказать, что и другие ученые, принадлежащие к различным научным школам и направлениям, изучая причины обусловившие наличие общих черт характера, стереотипов сознания, образцов поведения у представителей одного и того же народа, также отмечали связь общего происхождения (истории, судьбы) и среды обитания.

Автор первого историко-этнографического исследования о специфике украинской нации, Н. И. Костомаров, убедительно обосновывал мысль о влиянии условий географической среды на жизнь украинского и русского народов, детерминирующих их общность и отличия. Наглядным примером этой точки зрения представляется предложенный Костомаровым анализ влияния на характер народа такого естественно-географического фактора, как почва, земля, на которой живет и трудится конкретное сообщество [49]. Это обстоятельство, считает Н. И. Костомаров, выработало в русском национальном характере черты, связанные с умением мобилизоваться в нужный момент и помочь ближайшим родственникам. Отсюда сильно развитое чувство коллективизма, взаимопомощи, взаимовыручки россиян. Этот момент подчеркнут в работе Б. Н. Миронова «Историк и социология». Анализируя особенности функционирования русской общины, в частности обычай благотворительности, он пишет: «...на «достаточных» крестьянах лежала моральная обязанность жертвовать на вдов, сирот, церковь, школу, просящему милостыню, на чем основывался широко распространенный среди крестьян обычай «ходить в кусочки». Когда в семье кончались деньги и хлеб – основной продукт питания, то хозяин не торопился продавать имущество. Он отправлял сначала детей, потом женщин и, наконец, сам шел

просить «ради Христа» хлеб в своей деревне, а если этого не хватало, то и в соседние. Дать просящему хотя бы кусочек хлеба считалось моральным долгом...». В книге приводится свидетельство Короленко В. Г., который писал, что «нищенство на Руси – это грандиозная народная сила» [83, с. 78].

Сопоставляя в данном случае русский и украинский характеры, Костомаров Н. И. подчеркивал, что украинская же плодородная земля «испокон веков давала возможность тем, кто на ней селился, не только выжить, а и жить в достатке...» [49]. Это порождало в характере и менталитета украинцев неторопливость и неспешность, которые очень часто приравнивают к лени. Украинцы работали монотонно, методично, но другого было не нужно, т. к. этому способствовали природные условия: богатейшая флора и плодородная земля.

Также можно сказать, что природно-географические факторы сыграли важнейшую роль в формировании вьетнамского национального менталитета. В южной части Вьетнама климатические условия благоприятные – суровых зим нет – поэтому в характере населения сформировались такие черты, как открытость, честность, монотонность, легкомысленность. В северной части Вьетнама географические, климатические условия сформировали в людях, которые здесь живут, большую общительность, темпераментность; образ их жизни «протекает» медленнее, увереннее, осторожнее и как правило наполнен глубокими смыслами и мыслями, чем у Южан. Люди тут больше акцентируют внимание на традиции, обычаи, законы и всё это способствует сохранению культуры, традиции и обычаев Вьетнама, но, с другой стороны, они строго подчиняются законам и не имеют свободы слова и выражения мнений и эмоций (в связи с большим распространением идей коммунизма).

В средней части Вьетнама (из-за того что эта часть находится в неблагоприятных географических условиях, где с одной стороны её закрывают горы, а с другой стороны её отделяет Тихий океан) население круглый год испытывает потопа, наводнения, штормы, бури, и это сделало

вьетнамцев более грустными, отчаянными, мрачными, чем тех вьетнамцев, что живую в северной и южной части [147].

Такой же подход используется представителем украинской диаспоры Ю. Липой в его работах, посвященных исследованию особенностей украинского менталитета [146]. В качестве важнейших объективных детерминант или выделяются:

- 1) основные виды деятельности, которыми на протяжении веков занимались народы, проживающие на украинской земле;
- 2) их образ жизни;
- 3) особенности национального характера;
- 4) культура их предков;
- 5) специфика местности;
- 6) наличие торговых путей и др.

Образ жизни, среда обитания, унаследованные от предков нормы и правила поведения, как он подчеркивает, сформировали следующие черты характера украинцев: практичность, осторожность, консерватизм. Для украинцев характерно также и то, что они трудно принимают решения, мало поддаются влиянию других, сдержанны и хитры.

Однако в исследованиях по данной проблематике встречаются крайние позиции, демонстрирующие одностороннее увлечение идеями «географического детерминизма» в русском или украинском вариантах.

Так, Г. Виноградов считает, что структуры украинского менталитета «сформировались под значительным влиянием астрономических закономерностей и космических сил» [14, с. 9], в частности, созвездия Тельца (быка) и Овна, которые были основными доминирующими созвездиями над территорией Украины. Это, дескать, обусловило в менталитете украинской нации преобладание таких качеств, как упрямство, напористость, независимость суждений, опору на собственные силы и т. д.

Другая позиция, в которой влияние природных факторов на становление украинского этноса также связано с их абсолютизацией, представлена взглядами современного исследователя В. Кизимы [46, с. 116].

Не будет преувеличением сказать, что естественно-географические условия жизни воздействовали на сознание живущих здесь людей как прямо (Ф. А. Степун: «Душа всякого народа похожа на душу того пейзажа, среди которого он живет...»), так и опосредовано, что в своей сумме так или иначе сказывалось на всех сторонах жизнедеятельности народа.

Эти утверждения имеют основания, поскольку, действительно, роль природных факторов в развитии общественного сознания значительны, а на ранних этапах истории и определяющие. Однако к XX веку общеизвестными стали представления о том, что наибольшее влияние на развитие общества и его духовных основ имеют социально – экономические и геополитические факторы.

Но следует признать, что географический фактор сыграл свою роль. На такой огромной и разнородной территории не может быть полного единства в ментальном плане. Поэтому невооруженным глазом видны различия между восточным и западным украинским менталитетом.

К примеру, на менталитет галичан не могли не оказать своего влияния западно-европейская культура, прежде всего австро-немецкая, польская и греко-католическая церковь. В то же время 10-12 и 7-8 поколения, проживающие на Левобережной и Правобережной Украине, формировались в составе Российского государства, поэтому их с русскими объединяет и роднит немало: общность исторической судьбы, общие беды, трагедии, войны, победы, религия, культура. Все эти различия, прежде всего в общественной, социокультурной и религиозной среде, в разной степени своеобразно преломились в общественном сознании и формах общественного поведения людей.

Так, по мнению ряда специалистов, для галичан, например, в большей степени характерны такие черты, как трудолюбие, исполнительность,

индивидуализм, бережливость, умение хозяйствовать, лучшим образом распорядится результатами труда. При этом яркой чертой национального менталитета здесь становится проявление национальных чувств, патриотизма [1, с. 33].

В то же время, для населения Центральной, Восточной, Южной Украины, которое в силу исторических причин чаще отдавало предпочтение социальному освобождению над национальным, больше присущи такие черты, как коллективизм, анархизм, вера в доброго и умного хозяина, который наведет порядок, и гораздо в меньшей степени – проявлению национальных и патриотических чувств, привычка к кропотливому и неустанному труду.

Действительно, многими исследователями подчеркивается важная роль в процессе формирования украинского менталитета пограничной бытности Украины между разными народами. По мнению В. Кизимы Украина «постоянно находилась между разными государственно-политическими полюсами, на линии их противостояния, в центре их борьбы, включаясь в состав то одной, то другой государственной структуры» [46, с. 125].

Геополитическую, т.е. историческую ситуацию в Украине долгое время осложнял тот факт, что, по выражению Л. Н. Гумилева, она постоянно стремилась освободиться и «от жестких порядков Москвы и от бесправия Польши» [27]. Такое положение, т. е. совокупность представленных условий, привело к формированию у украинцев различных типов психических реакций, среди которых более отчетливо проявляются:

1. «авантюрно-казацкий», характерный на протяжении большого периода времени для психологической ориентированности значительной части людей;
2. «утаенного существования», что раскрывается в характерном типе «чужого чужаниці», который является объективным и субъективным выражением пассивного восприятия личности (в отличие от активного восприятия личности поляком и общинного – русским).

С точки зрения В. Тертычки, украинский народный тип раскрывается в двух ипостасях: в образы «чужого чужаниці» и «козака-нетяги», которые есть как субъективное, так и объективное выражение пассивного восприятия личности. При этом отмечаются такие характерные черты украинца: во-первых, терпимость, ограниченную лишь отклонением покушений на личность; во-вторых, чувственность, объясняемую тем патетическим окружением, которое создается в душе украинца, благодаря соревнованию чувств внутри него, но не проявляемых внешне; в-третьих, мечтательность, как результат глубокой внутренней работы мысли, когда идеи не имеют выразительности и четкости; в-четвертых, большая любовь к природе – пантеистическое мировоззрение; в-пятых, тяготение к патриархальности в укладе жизни; в-шестых, нелюбовь к реформам, которые нарушают установленный ход мысли и жизни. Между тем, В. Тертычка подчеркивает, что «современная интеграция, прогресс науки и техники наложили некоторый отпечаток на менталитет украинца, модернизировали некоторые характерные черты» [113, с. 20].

Что касается глубинно-психологических факторов формирования национального менталитета, то к ним относится общий характер психических процессов – экстравертная и интравертная направленность психики народа. Термины «интраверсия» и «экстраверсия» были введены в научный обиход К. Юнгом. Особенно в последние годы стали весьма популярны в нашей науке его психологические исследования. В определенной мере введение в научный оборот определения социотипов «экстраверсия» и «интраверсия» с одной стороны обладает несомненной значимостью, но с другой стороны грешит определенной психологизацией процессов, в которых, по нашему мнению, недооценивается собственно социально-историческая специфика. Тем не менее, при анализе менталитета, как явления социального и культурного мира, считаем возможным использовать представления К. Юнга о специфике и направленности социальных реакций. Термины «экстраверсия» и «интраверсия», описывая

психологические характеристики коммуникативного потенциала личности, могут быть применены и к описанию психических проявлений групп наций, типов социально – культурного взаимодействия в целом.

По характеру психических процессов Юнг выделял два типа культур и народов:

1. однобокий, когда тот или иной тип психики явно преобладает;
2. полный, в котором экстраверсия и интроверсия гармонично сочетаются [125].

По поводу социально-психической спецификации украинского этноса большинство исследователей подчеркивает, что в психике украинского народа преобладает тип «полных» психических структур.

И, наконец, необходимо подчеркнуть значимость факторов, связанных с социальной структурой и общественным строем, т. е. собственно социальных компонент и «полей», в которых менталитет, обусловленный указанными выше предпосылками, приобретает оригинальные устойчивые характеристики и обретает специфические социально-целесообразные или этноцелесообразные контуры.

Необходимо отметить, что по свидетельствам историков, начиная с Прокопия Кесарийского и Иордана, описавших антов и волянян IV-VII вв., «украинский народ при возможности выбора всегда был ориентирован на плюралистические, толерантные отношения», которые впоследствии некоторые теоретики и общественные деятели назовут демократической интуицией украинского этноса и свяжут с данным фактором идею национальных преимуществ этого народа [14]. Действительно, украинской культуре был чужд и не случайно не прижился распространенный долгое время в Европе и России принцип «цезарепапизма». Элементы демократии были присущи системе государственного управления в Киевской Руси, являлись определяющими в общественно-политической жизни Запорожской Сечи. Казацко-крестьянская основа украинского народа, по мнению некоторых современных исследователей, сформировала такую характерную

черту украинского менталитета, как неприятие деспотии, тягу к свободе, граничащую с анархией. Трансформация этих черт в нынешнее время дала такое присущее украинскому менталитету качество, как неприятие идеи самоуправления, равного для всех закона и, в связи с этим, личной ответственности.

Длительное господство автократических режимов наложило негативный отпечаток на формирование украинского менталитета. В работе В. Липинского «Письма к братьям-хлеборобов» анализируется общая социально-психологическая атмосфера в 20-ые годы XX столетия, в которой происходило развитие украинского национального менталитета. В. Липинский отмечает: «Побили мы себя сами. Идеи, веры, легенды об одной-единственной, всех Украинских объединяющую свободную и независимую Украину лидеры нации не создали, за такую идею не боролись и потому, разумеется, такая Украина осуществиться, убрать реальные живые формы не смогла» [72].

В дальнейшем тоталитарная действительность бывшего Советского Союза оказала влияние на особенности украинского менталитета и национального характера. Феномен «советского человека» рассматривали как советские, так и зарубежные исследователи. Наиболее близко к анализу сущности советского характера личности и всего общества, значения коммунистической идеологии для воспитания нового типа личности и формирования специфичной ментальности подошли такие исследователи, как К. Менерт, С. Томпкинс, Г. Уэллс, Ф. Баргхорн и др. В советской литературе тоже имеется немалый опыт раскрытия особенностей советского типа личности. Такие авторы, как А. В. Сохань, Н. Б. Биккенина, Л. М. Архангельский и др., исследовали конкретно – историческое содержание, конкретные особенности и результаты воздействия общественных отношений на поведение и общение людей при социализме, изучали различные аспекты формирования нового человека. В этой связи особенно заслуживает внимания работа Г. Л. Смирнова «Советский человек»

(1980), в которой автор дает характеристику социалистического типа личности, указывает на характерные черты сознания и поведения, присущие данному социальному типу личности, который специфическим образом воплощает в себе черты определенной социальной общности, в данном случае – советского народа. В качестве наиболее общей социально-типической черты советского человека называется коммунистическая идейность. Отсюда, автор выводит такие свойства личности, как развитое сознание хозяина своей страны и ее богатств, советский патриотизм, сознание достоинства человека труда, оптимизм и целеустремленность, уверенность в завтрашнем дне, политическая и трудовая активность и т. п. Говоря о хозяйском отношении к делу, о чувстве хозяина у советских рабочих, который думает и действует по принципу: «Если я не буду заботиться о высокой производительности труда – кто же будет заботиться?» и у советских людей вообще – мы не всегда достаточно глубоко вдумываемся в смысл этого понятия. А между тем понятие «хозяин» в условиях социализма совершенно иное, чем в условиях, скажем, рыночной экономики. По существу добровольная забота об общем благе и умение ставить общественные интересы выше личных, достигалась тотальным насилием и даже физическим уничтожением несогласных. Этот факт глубоко и точно комментирует Н. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», когда отмечает, что такая добровольность есть следствие ужасающей жестокости к инакомыслию и фактически не оставляет личности возможности выбора [3].

Другой характерной чертой советского человека, по мнению Смирнова Г. Л., является коллективизм. Все массовые процессы в советском обществе представляли собой продукт чрезвычайно высокой коллективизации и массовизации, приводя к «социальной энтропии» и атомизации социума. Далеко зашедший процесс атомизации общества привел практически к полному разрыву всех горизонтальных социальных связей, замкнув их на вертикаль «человек – государство». Этот деструктивный

процесс имел заметные психологические последствия. Самоуничужение, уверенность в том, что каждый по отдельности ничего не значит, самоотречение, ощущение себя «колесиком и винтиком» стали массовым явлением.

Еще на одну черту личности социалистического общества следует обратить особое внимание. В книге «Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус» Зиновьев указывает на то, что советский человек, «гомо советикус», обладает стандартным идеологизированным сознанием, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы [35].

Отсюда, понятно, что особенностью существования данного режима является насилие и продуцирование репрессивного духа. Репрессивный дух – это система психологических, теоретических, массово-обыденных, социально-психологических представлений, направленных на оправдание преимущества использования силовых средств в решении индивидуальных, социальных, политических, нравственных конфликтов. Репрессивный дух отчетливо проявляется в максимализме моральных квалификаций, радикализме политических решений, экстремизме и преступности. Не отработанная из-за слабости структур и институтов гражданского общества система сдерживающих факторов не ставит пределов социокультурным, массово – обыденным и иным изменениям.

Тоталитаризм предельно идеологизировал массовое сознание, стимулируя высокомерное пренебрежение к повседневной жизни как предельно малой величине, презрение к нравственному самовоспитанию, осуждаемому им как проявление эгоизма и принижение общественных интересов. Подавляя индивидуальное начало во всех сферах жизнедеятельности человека, тоталитаризм преуспел в формировании нужного ему «генотипа» личности – homo totalitaricus. Пренебрежение повседневностью, кропотливой культурной работой, готовностью жертвовать настоящим во имя будущего, презрение к суверенитету личности – таков

далеко не полный перечень воспитанных социальной инженерией тоталитаризма ментальных установок.

И в настоящее время тоталитарное духовное наследие влияет на содержание и характерные особенности массового сознания, воспроизводя духовные конструкции и идеологические схемы 30-40-х и 60-70-х годов в украинском менталитете (особенно представителей старшего и среднего поколения, как в прочем и во вьетнамском менталитете. Общественно-исторический фактор также существенно повлиял на формирование вьетнамского менталитета. Ещё с 1858 до 1975 годов, когда Вьетнам был завоеван Францией, Америкой, Японией, от каждой из стран-завоевателей вьетнамский народ впитал часть их культуры, обычаев, традиций, религии (конфуцианство, даосизм, коммунизм, буддизм). Из-за столь долгого нахождения под гнетом других стран, вьетнамцы стали очень сдержанными, закрытыми. Они боялись выражать свои мысли и желания. Мужчины должны были быть властными, сильными морально и физически, старались стать героями, потому что на их плечах лежало возрождение страны. А у женщин не было права на свободы личности и слов, они должны были быть хозяйственными, очаровательными, добродетельными, не имели права говорить, выражать свои мнения, мысли, желания. Так как вьетнамцы жили под властью других народов, они не перестали свободно выражать свои эмоции, чувства, мнения. Но с другой стороны, такие обстоятельства сформировали в национальном менталитете вьетнамцев умение быть смелыми, дружными, трудолюбивыми, терпеливыми, стремительными, старательными, научили их уметь жертвовать, терпеть страдание. Говорят, что если бросить вьетнамцев в любое место и в любое обстоятельство – они выживут.

Когда во Вьетнаме установилась социалистическая политическая система, во вьетнамском менталитете стали проявляться такие принципы, как «моя хата с краю», «всё общее и для всех», поэтому в национальном менталитете населения Вьетнама сформировались такие негативные черты

как, безответственность, непунктуальность, рабский менталитет, зависимость от других, бюрократия, которые проявляются и в настоящее время.

Ещё одной предпосылкой формирования национального менталитета является общественный (социопсихический) фактор, связанный с социальной структурой общества. Что же касается отражения в украинском менталитете социальной структуры украинского общества, то по мнению ряда исследователей, «социопсихический аспект украинской нации и сейчас выявляет ее преимущественно крестьянскую структуру» [123]. Действительно, на протяжении долгого исторического периода Украина была аграрной страной со всеми свойственными ей чертами крестьянского быта, мировоззрения и т. д. Следует подчеркнуть, что, несмотря на влияние индустриализации и городского образа жизни, многие из этих фактов до сих пор видны, подчас очень заметно. К ним относятся:

Во-первых, тип производственной деятельности, ориентированный на сельские режимы. Отсюда проистекающие ценности неспешности, обстоятельности, любви к продуктам земли. Земельный участок, дача, огород до сих пор в Украине – фактор престижности. И дело не только в материальных результатах, а в том, что в крестьянском типе культуры производственная деятельность, связанная с землей, добавляет человеку самоуважения, гордости, собственного удовлетворения и пр.

Во-вторых, образ жизни, который характеризуется набором стабильных циклов космо-географического плана – циклы весен и зим, дней и ночей, засух и дождливых сезонов. В народном фольклоре «Петух» – это символ раннего вставания. До сих пор, даже в индустриальной зоне, украинки на рынок идут в 5-6 часов утра и рано ложатся спать. Отличен обычай спать днем в летнее время в самый жаркий час дня.

В-третьих, социально-коммуникативные особенности. Достаточно сказать, что феномен кумовства на Украине был и остается настолько популярным и общепринятым, что перерос рамки семейного события и приобрел статус общественного явления. Видимо, дело в том, что долгое

время территория Украины подвергалась многочисленным вторжениям иноземцев, что нередко разрушало медленно складывающиеся традиции, а большой семьей их было сохранить легче. Отметим здесь и коллективные формы ритуальных, традиционных праздников.

Но в XX веке национальное в каком-то смысле на определенное время отошло на второй план, а ведущим фактором формирования национального менталитета стал образ жизни, который диктует техническая цивилизация. За исторически короткий срок, украинский народ из аграрного превратился в индустриально-аграрный. А город предъявляет к человеку совершенно другие требования, нежели сельский образ жизни, значительно меняет его психологию. С развитием процессов индустриализации и урбанизации, выходцы из села постепенно вовлекались в процесс формирования новых городских классов и слоев, тесно связанных с индустриальным трудом и быстрым ростом городов. Но миграция сельского населения в города без соответствующего развертывания социальной инфраструктуры, кризис семьи и демографических групп населения в условиях отсутствия гражданского общества, голод и репрессии 30-х годов XX столетия, потребительское отношение к селу в последующем, привели к маргинализации населения. С одной стороны, это была маргинализация в ее типичной, классической форме, связанная с потерей объективной, а затем и субъективной принадлежности к той или иной социальной общности (национальной, классовой, культурной). С другой стороны, маргинальность была порождена разрушением ценностной структуры личности, размыванием норм и ценностей исходной субкультуры без соответствующего приобщения к новой субкультуре, крахом ядра профессиональной этики – трудовой мотивации – что в конечном итоге привело к деклассированию рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, управленческого аппарата.

В настоящее время социальные перемещения типа «из крестьян – в рабочие», дополняются другими типами социальных перемещений. Например, «несоответствие между расселением населения и размещением

образовательных институтов приводит к резкому повышению миграции молодежи в ущерб менее развитым типам поселений и регионам» [85, с. 155]. В целом, как отмечается учеными, в бывшем Советском Союзе размеры миграций были необыкновенно велики, значительно превышая естественный уровень «горизонтальных» перемещений. В этом коренится одна из причин социальной неопределенности, рыхлости, магмообразности населения, постоянный источник его маргинализации. Свидетельством тому является тот факт, что сейчас большинство населения, хотя и проживает в городах, но по происхождению своему – сельское. Горожане третьего поколения (только их можно считать горожанами в полной мере) составляют в среднем не более 15 процентов населения украинских городов. Кроме этого, необходимо кроме экономических источников маргинализации отметить ещё и политические источники. Сталинский режим делал все от него зависящее для искусственно-принудительного усиления процессов маргинализации. Государством прилагались огромные усилия для того, чтобы разорвать органично возникающие связи между людьми, разрушить совокупность спонтанно зарождающихся самоуправляемых организаций – классовых, профессиональных, творческих, культурных, территориально-поселенческих.

Быть маргиналом, как отмечает британский социолог А. Хаурани, «значит жить в двух или более мирах одновременно, не принадлежа ни к одному из них... Это означает не иметь больше собственной системы ценностей, а только имитировать чужую, и даже не имитировать правильно, ибо такая имитация предполагает определенную оригинальность. Это означает не принадлежать ни к какому обществу, не иметь ничего общего с обществом» [22]. Драматическая раздвоенность порождает у маргинала тревожное чувство одиночества, отчуждения от общества. Характерными чертами у маргинальных классов и слоев являются отсутствие профессионализма, социальный деморфизм (думает одно, говорит другое, а поступает – по третьему), тотальное равнодушие и полная социальная дезориентация. Это связано с тем, что главный признак маргинализации –

разрыв социальных связей, причем, последовательно рвутся экономические и духовные связи. В случае включения маргинала в новую социальную общность эти связи в той же последовательности и восстанавливаются, причем установление социальных и духовных связей, как правило, сильно отстает от установления связей экономических. Например, сельский эмигрант, став рабочим и адаптировавшись к новым условиям, еще длительное время не может ассимилироваться в новой среде. Не являясь уже маргиналом в чистом виде, данный индивид, в то же время является носителем социальной и духовной маргинальности.

Массовое перемещение сельских мигрантов в города не сопровождалось обеспеченностью элементами социальной инфраструктуры, что надолго блокировало их вхождение в городскую субкультуру. Происходила рурализация города, перемещение целых блоков сельской жизни в города. Потеряв связь с деревенской субкультурой и не имея физической возможности включиться в городскую, мигранты создавали типично маргинальную культуру, в рамках которой обломки сельских традиций переплетались с наспех усвоенными «ценностями» квазигородской субкультуры. Ускорению маргинализации украинцев способствовало то, что они на протяжении долгого времени должны были принимать ценности русского общества, в том числе, подчиняться российскому руководству, обязательно учить русский язык и т.д. Опираясь на работы западных учёных (Р. Парка, Е. Стоунквиста, Ж. Кланфера) можно отметить, что стремление этнического меньшинства примкнуть к культурным стандартам этнического большинства формирует «культурные гибриды», выявляется парадоксальный характер маргинальности украинского социума. Так в Украине не этническое меньшинство (русские) приспособивались к большинству (украинцы), а наоборот. Поэтому сейчас в Украине сложилась достаточно противоречивая ситуация в функционировании и развитии лингво- и этно-культурных моделей, которая обусловлена наличием в украинском обществе (как и во многих полиэтнических), явлений «этноцентричности» и

«этномаргинальности». Эти понятия не совпадают с «социоцентричностью» и «социомаргинальностью», так как представители социально значимых групп, находящихся в центре социума (правящая, научная, образовательная элиты), в своих языковых или культурных реакциях ведут себя как этномаргиналы. Их этническая принадлежность (самоидентичность) проявляется исключительно номинально, поскольку не сочетается с языковой, или даже общекультурной ориентацией. Искусственное культивирование идей «языковой престижности» привело к тому, что достаточно значительная часть украинской этнической общности со сменой языковой ориентации постепенно утратила свою этническую идентичность, переориентировалась на иные этнокультурные модели. Причем переориентация этномаргиналами на иной язык и культуру часто является достаточно поверхностной – элементы коренной культуры утрачиваются, язык усваивается в виде упрощенного, «суржикового» варианта (как следствие, значительная группа людей даже среди элиты общества хорошо не владеет ни одним языком).

Еще одним значимым фактором формирования украинского менталитета является этнический. Издавна структура населения Украины являлась полиэтнической. На территории нашей страны проживали представители различных наций и национальностей, отличительные черты которых отразились на основных чертах украинского менталитета украинцев. Было бы неверно не видеть, что украинский менталитет оказался весьма восприимчивым к тем компонентам менталитета других народов, взаимодействующих в прошлом с украинцами, – порой даже порабощавших их, которые воспитывались в подобных же естественно – географических условиях, что и украинцы, а потому имели с украинцами сходные социально – психологические черты, были близкими или даже «родственными» украинцам по ряду своих качеств. Это взаимодействие и взаимовлияние в одних случаях приводило к заимствованию украинцами тех или иных социально – психологических качеств других народов, в других случаях

обусловило весьма своеобразное – присущее только украинцам – решение таких проблем, как становление и развитие государственности, взаимоотношения общества и индивида, понимание природы демократизма и т. д. По данным переписи населения 2001 года, в современном украинском обществе проживает более 130 различных национальностей. Это позволяет сделать вывод о том, что полиэтничность является одной из важнейших особенностей украинского менталитета.

Значимым фактором формирования национального менталитета является религиозный фактор. Например, влияние **религиозного фактора (конфуцианства, буддизма, даосизма, где буддизм является преобладающим)** сыграло важную роль на формирование вьетнамского менталитета. **Совокупность трёх религий и идеологий является ядром национального менталитета и мировоззрения современных вьетнамцев.** Так, в национальном менталитете вьетнамцев глубоко укоренилось представление о 5 типах отношений между людьми: правитель, отец, муж, жена, брат, друг. **И благодаря основанной на духовно-нравственной (религиозной) основе – важнейшим принципом вьетнамских семейных отношений является сыновняя почтительность – вьетнамцы имеют очень крепкие семейные отношения и связи.**

Как отмечают различные исследователи, в условиях трансформации современного украинского общества происходит глубокая и массовая деструкция индивидуального и массового сознания, изменение традиционных ценностей и норм, правил взаимодействия, статусно-ролевых отношений и способов жизнедеятельности. Отдельными проявлениями трансформации национального менталитета населения Украины могут выступать следующие явления, происходящие и с населением других посткоммунистических обществ – деперсонализация, деиндивидуализация, деперсонификация отношения к миру, снижение толерантности к себе и к миру, социальная ориентация направлена во вне. Так, А. В. Иващенко отмечает, что «если единство и целостность Я разрушается, то наблюдается

болезненное функционирование личности: нарушаются способности прогнозировать, управлять своим поведением, предвидеть оценки окружающих, точно оценивать себя, корректировать неадекватное представление о себе. Расстройство Я приводит к деперсонализации» [114]. Деперсонализация выражается в том, что индивидуальности отторгают социальные нормы и ценности. Это может привести к тому, что индивид в определенных жизненных условиях (например, в ситуации «встречи с иным») может не переживать своей отдельности от других, соответственно личной ответственности. Но самое главное заключается в том, что данные явления приводят к поведению, ориентированному не на постижение своих и чужих смыслов и ценностей, своей и чужой культуры, истории, а на присвоение или отвержение внешних атрибутов (одежда, некоторые способы обращения, элементы образа жизни и т. д.). Данный вывод подтверждается наблюдаемым усилением роли внешних компонентов в структуре стереотипов поведения. Деиндивидуализированное, деперсонализированное отношение к себе и к другим – это феномен, результирующий влияние единого социо-культурного пространства общения, нацеленный на нивелирование индивидуальности, этнической специфичности. «Сила» деиндивидуализации в том, что переживающий ее человек отрицает, обесценивает мысли, чувства, желания, интересы, ожидания другого. Другой человек воспринимается как объект, требующий воздействия, поэтому не вырабатываются навыки аргументации своего поведения в общении, принятия решений в процессе взаимодействия и т. д. Деперсонализация заключается в том, что человек обвиняет в своих неурядицах, связанных с быстро меняющейся средой, только внешние объекты. Также отметим, что человек обезличивает свое общение, он не выражает на прямую свои желания – «Я желаю», а опирается на авторитеты, на абстрактных субъектов – «Кто-то это делает, они говорят». Но самым главным является дезинтеграция личностей, то есть не принятие вкладов других людей и как следствие личная закрытость. Интериоризация отношений «игнорирования» другого

неизбежно приводит к недоверию самому себе, к боязни собственных личностных проявлений, что в свою очередь является основой для формирования деструктивных форм поведения.

Это подтверждают исследования В. Н. Павленко, Н. Н. Корж, в которых показана тенденция снижения уровня социальной идентичности, сопровождающейся гиперперсонализацией и десоциализацией. Люди все больше ориентированы на собственную систему ценностей, убеждений и отторгают внешние социальные представления [119]. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что индивидуалистическая «линия» в общественном контексте является защитным механизмом от общественной деперсонализации, когда личностные отношения движутся к безличным. Некоторые учёные указывают также на такую ментальную особенность постсоветского человека, как заниженная самооценка, ощущение бессилия. С точки зрения теории фрустрации, агрессивное, деструктивное поведение возникает в связи с постоянной неудовлетворенностью базовых социальных потребностей, сопровождаемой постоянным переживанием чувства неудачи. Фрустрированный человек – озлоблен, агрессивен и жесток, поэтому становится «средством» организации конфликтных отношений и, в целом, нетолерантного общения. Указанные выше особенности современных украинцев указывают, прежде всего, на трансформационные процессы, происходящие в национальном менталитете.

Как отмечает С. Г. Климовой, «субъективное восприятие и переживание человеком изменений в климато-географических условиях его жизни (в связи с миграциями, нарушением экологических условий, урбанизации), в социо-культурной сфере (в связи с миграциями, развитием средств массовых коммуникаций и информации, культурным обменом, свободой вероисповедования, плюрализмом ценностей и т. д.) и в сфере биолого-морфотипической (метисации с представителями других рас, изменение типа питания, появление экзотических инфекций и др.) сопровождается определенными психическими проявлениями» [47]. Это

также характеризует трансформацию национального менталитета на современном этапе развития украинского общества.

3.2. Особенности функционирования национального менталитета в условиях трансформации современного украинского общества.

Общепризнанно, что все более или менее существенные сдвиги в экономической, политической, культурной и правовой системе общества органически связаны с определенными изменениями на уровне личности, то есть в индивидуальной жизни людей. Поэтому проблема проявления ментальных черт украинцев в контексте социальных изменений происходящих в современном украинском обществе представляется одной из наиболее актуальных. Основной задачей функционирования национального менталитета является, по большому счету, выделение (обособление) того или иного социума с попыткой глубинного исторического обоснования этого обособления. В этом же, на наш взгляд, заключается главная причина такого «научного возвышения» категории «национальный менталитет» как в отечественных общественных науках, так и в обыденном массовом сознании украинцев. Важно подчеркнуть категориально-терминологический аспект проблемы. То, что не вполне характерное для украинского языка слово прижилось и вошло накрепко уже и в повседневную лексику, не вызывает сегодня сомнений. Это, впрочем, не может запретить нам удивляться происшедшему «врастанию» инородного, в общем-то, понятия в украинскую лингвосоциальную ткань и рассматривать его как обоснование закономерного научного и обыденного интереса к рассматриваемому феномену.

Прежде чем рассмотреть особенности влияния национального менталитета на трансформационные процессы в Украине, необходимо уточнить вопрос, связанный с социальным носителем рассматриваемого национального менталитета.

Согласимся с мнением многих исследователей, что чистого в антропологическом смысле украинца нет и быть не может, так как издавна на территории Украины проживали представители различных наций и

национальностей. Необходимо также учитывать влияние общественных факторов на формирование украинского национального менталитета, например, проживание населения Украины в СССР как в «семье братских народов», и как, следствие, смешанные браки. В последнее время в условиях глобализации браки с представителями разных стран ближнего и дальнего зарубежья всё больше стирают грань между понятиями «украинец» и «житель Украины». В тоже время, следует отметить, что ментальные особенности «коренных украинцев», как психологические, так и социальные (общественные) достаточно значительные. Специфика процессов мышления и поведения определённого народа в значительной мере выступает продуктом множества как природных, так и социальных факторов. Говоря о природных факторах, мы полностью согласны с Николаем Гоголем, который ощущал необходимость раскрывать историю и характер народа в связи с Землёй, географией. Поэтому при анализе украинского политического менталитета её социальным носителем автором будет пониматься население, которое проживало и проживает сейчас на территории украинского общества.

Необходимо отметить, что каждый регион Украины имеет свои ментальные особенности, которые проявляются в типах политического поведения, доминирующих политико-культурных ориентациях, традициях и т. д. Так, для национального менталитета населения Западных регионов Украины характерно доминирование этнокультурных и национально-патриотических ориентаций, тогда как национальный менталитет населения Восточных и Южных регионов Украины проявляется в стремлении к объединению вокруг харизматичного лидера, развитием традиций украинского народа, возрождением соборности и православия.

Поскольку национальный менталитет характеризуют ценности и нормы поведения, характерные в той или иной степени для представителей определённого народа (нации), следовательно важнейшими составляющими национального менталитета являются ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству, нормы и образцы социального взаимодействия,

социальные стереотипы, организационные формы повседневной жизнедеятельности и др. В национальном менталитете представлена та часть культуры, которая дает человеку возможность ориентироваться в экономической, политической и социокультурной сферах жизни, в современных общественных реалиях.

Особое внимание следует обратить на скорость изменения национального менталитета. Именно ее способность к изменению во многом определяет устойчивость национальных сообществ (или, напротив, их неустойчивость). Что же касается способности разных элементов национального менталитета к изменению в тех или иных масштабах времени, то, по мнению исследователей, такая способность связана с природой самих этих элементов. Так, Ж. Дюби, воспользовавшись известной схемой Ф. Броделя, выделял четыре вида ментальных элементов и различал четыре вида ментальных процессов и зависимости от их скорости: быстротечные и поверхностные процессы; более медленные процессы, приводящие, например, к изменению эстетического вкуса; долговременные, когда определенные ментальные структуры упорно сопротивляются изменениям; наиболее глубокий слой, связанный с биологическими свойствами человека, слой, который может изменяться лишь с изменениями соответствующих свойств человека. Исходя из позиции Ж. Дюби можно видеть, что наиболее быстрые изменения он связывает с индивидом, затем следуют изменения в группах, в обществе в целом [40].

В современном научном познании при изучении характеристик национального менталитета с 1980-х гг. начала широко использоваться методика голландского психолога Г. Хофстеда. Она основана на измерении степени приверженности большинства представителей какой-либо нации таким ценностям, как индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности и конфуцианский динамизм. Использование хофстедовой методики для количественной характеристики «украинского менталитета» делает еще только первые шаги. Между тем без нее нельзя

понять существенные черты сходства и отличия украинского менталитета от зарубежных, правильно определить, какие именно зарубежные институты можно имплантировать, а какие неизбежно станут отторгаться.

Как свидетельствуют результаты эмпирического исследования по изучению специфики украинского национального менталитета, проведенное в 1999 году И. Агеевой по методике Хофстеде, ценностные предпочтения украинцев достаточно далеки от ментальности европейцев, зато близки к ценностным предпочтениям людей стран Азии и Латинской Америки. Так, для развитых стран европейской цивилизации характерен сильный индивидуализм (индексы 60-90), низкая дистанция власти (индексы 20-40) и высокая готовность к риску (индексы 30-60). В то же время страны «догоняющей» модернизации (новые индустриальные страны Азии и Латинской Америки, некоторые слаборазвитые страны Европы) – это государства с доминированием слабого индивидуализма (индексы 10-50), высокой дистанцией власти (индексы 50-80) и избеганием неопределенности (индексы 61-90). Согласно полученным данным, для Украины характерна средневыраженная степень индивидуализма (индекс 53), высокая дистанция по отношению к власти (индекс 70) и избегание неопределенности (индекс 63). С близкими нам показателями оказались такие страны, как Россия, Испания, Аргентина, Бразилия, Япония [68].

К числу специфических особенностей украинского национального менталитета относятся сохранённая в нём совокупность ценностей, идей и представлений, формировавшихся в условиях так называемого традиционного общества. Носителем устоев традиционного общества вплоть до относительно недавнего времени были жители сельской местности (поскольку Украина была преимущественно сельскохозяйственной республикой в Советском Союзе), поэтому в данном случае вполне уместно говорить о мощном «деревенском» пласте в национальном менталитете украинцев. Впитавший в себя эту своеобразную крестьянскую традицию человек всегда чувствовал, что он связан со своим государством тысячами

тонких нервных нитей. И эта связь переживалась как очень личная. Посредническая роль каких-либо формальных институтов не признавалась, поскольку община (громада) ощущала себя не элементом гражданского общества, а базовой ячейкой государственности. Государство, с этой точки зрения, выступало как некое воплощённое «общее дело». Однако, как показывают результаты различных социологических исследований, за годы социальных изменений в украинском обществе в национальном менталитете населения Украины произошёл ценностный сдвиг в структуре сознания, связанный с появлением новых тенденций, в частности, широко распространённый ранее патернализм уступает место рациональным намерениям рассчитывать на себя, свои собственные силы. Так, согласно данным исследования, проведённого Центром имени А. Разумкова, ответы респондентов на вопрос: «Что является приоритетным в ситуации ограниченных бюджетных средств в Украине?» свидетельствуют о том, что если в конце 2003 года большинство респондентов (64%) предпочли поддержку государством малообеспеченных и нетрудоспособных граждан путём увеличения социальной помощи, выплат субсидий и др., и треть (33%) – поддержку государством трудоспособных граждан путём повышения зарплаты, создания рабочих мест, содействия малому и среднему бизнесу, то в декабре 2005 года соотношение ответов изменилось противоположно 2003 году: 33% – положительно относятся к государственной поддержке малообеспеченных и нетрудоспособных граждан, 64% – высказались за создание новых рабочих мест. Таким образом, почти две трети граждан страны предпочитают получать от государства не социальные выплаты, а хорошую работу. Это важное свидетельство вполне европейской установки граждан Украины на свои собственные силы.

Как отмечается украинским социологом и философом Е. Головахой, за последние несколько лет в Украине значительно увеличилась доля так называемых «интерналов» – людей, высоко оценивающих значимость

ценностей индивидуализма, достижения личностного успеха, предприимчивости и рассчитывающих в жизни прежде всего на самих себя, а не на государство и внешние обстоятельства. И хоть численность «экстерналов» в украинском обществе вдвое больше, чем «интерналов», в 2003 году впервые за все годы мониторинга они не составляют большинства населения Украины [19].

В исследованиях украинских учёных, посвящённых изучению жизненных ценностей населения Украины, отмечается, что в современной Украине сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая – к традиционалистско-коллективистской модели ценностей. Причем, если ранее грань между носителями этих ценностных систем была размыта, то теперь о них можно говорить как о двух достаточно четко оформившихся группах. В то же время значительная часть населения (около 30%) составляет группу с противоречивой системой ценностных ориентаций, для которых характерно амбивалентное сознание и не существует четкого ценностного самоопределения.

Тем не менее ценности и представления, восходящие к общинному быту и объединённые знаменитым принципом «соборности», всё же нужно считать выражением подлинной сущности украинского менталитета, как это делается в некоторых работах по философии украинской истории. Нельзя не заметить, что психология наших сограждан по-прежнему отражает социально-исторический опыт советского времени. Именно оттуда население Украины продолжает черпать представления о должном и справедливом; опираясь именно на этот опыт, строят модели ценностной самоидентификации.

Процесс подлинной самоидентификации требует полноценной, а не ограниченной системы координат. Декларативная же самоидентификация основывается преимущественно на том, что человек соотносит себя с чем-то (нацией, религией, культурой), несущим в себе позитив, то есть с тем, что

обобщенно можно назвать «даром». Например – «трудолюбивый народ, который красиво поет», или «богобоязненные люди, гостеприимные и дружелюбные», или «отважные благородные мужчины (казаки) и красивые умные женщины (роксоланы)». Однако настоящая самоидентификация – это полный объем национально-культурно-религиозных признаков, исторического опыта и системы ценностей, формировавшихся на протяжении веков, а то и тысячелетий. Иными словами, это – признание наследия прошлого в полном объеме, а также оценка настоящего и попытка определить перспективы на будущее в причинно-следственной связи с прошлым. «Полный объем» прошлого предполагает и признание негатива, поэтому обобщенно его можно назвать «бременем». Приятие «бремени» предусматривает и осознание ответственности за него. От этого нельзя ни избавиться, ни отказаться, как бы этого ни хотелось, ведь иначе не удастся создать общее видение будущего, без которого развитие практически невозможно. И даже если придумать нечто свое, этот «украинский эксклюзив» не воспримет окружающий мир, в котором нам придется жить. Самоидентификация не может также основываться исключительно на определении «врагов»: я – украинец, следовательно, ненавижу «москалей» или я – верующий, следовательно, не переношу атеистов. Куда сложнее определить свою идентичность в системе координат дружелюбия, например: мои друзья – русские-евреи-поляки, поскольку я, украинец, уважаю их, а они меня, признавая мои достоинства. Ведь врага себе можно определить в одностороннем порядке, а вот признание кого-то другом предполагает взаимность – то есть не только я говорю, что американец мне друг, но и американец должен сказать, что я ему друг.

Многовековая дискриминация по национальному признаку – с восточной ли стороны (как царскими шовинистами, так и сталинско-брежневскими интернационалистами), с западной ли (как гитлеровскими оккупационными властями, так и администрацией Второй Речи Посполитой) – привела к формированию у украинцев не только комплекса

неполноценности, но и панического, часто подсознательного страха. Лучше всего это иллюстрирует распространение таких понятий, как «местный» на бывшей под Россией территории или «тутейший» на западных землях, включая центры украинцев, проживающих ныне в Польше или Словакии. Оба этих слова являются своеобразным бегством от необходимости четко определить себя как украинца (а иногда и как еврея, гагауза, поляка, а в некоторых селах Галичины – и как русского. Не менее важна и проблема с самоопределением в культурно-языковой сфере. Самоидентификация с украинским языком – это история сплошных преследований, начиная от царского «Емского указа», отрицавшего существование украинского языка как такового, через «расстрелянное возрождение», то есть уничтожение украинских писателей и представителей интеллигенции чекистами, до преследований шестидесятников за одну только постановку вопроса: «Интернационализм или русификация?» Не исключено, что «сознательное» бегство к суржику – форма бегства от потребности языкового, а значит и национального самоопределения [12].

Последние парламентские и президентские выборы в Украине выборы закрепили политическое размежевание в Украине не только между сторонниками прозападной и пророссийской внешнеполитическими ориентациями, но и на основе различий в ценностно-культурных ориентациях населениях. Тесная связь предпочитаемого языка с культурной ориентацией, выявленная в различных социологических исследованиях, позволяет утверждать, что языковой фактор существенно влияет на формирование политических предпочтений населения регионов Украины.

Изучая специфику языковой ситуации, сложившейся в различных регионах Украины, следует указать на уже выявленные учёными факторы, влияющие на формирование политических предпочтений. Это многонациональный состав региона, степень урбанизации, расселение и мобильность национальностей, уровень образования, удельный вес межнациональных браков и др.

Действительно, интенсивная урбанизация украинцев исторически приводила к увеличению межнациональных контактов, к значительному росту части украинцев, владеющих русским языком как языком межнационального общения. Свою роль в этом сыграла также политика унификации, которую проводил центр, имея в виду упрощение управленческих задач, а также связанная с этим фактическая руссификация. Это привело к тому, что, согласно данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, проведённым в 2006 году, почти треть граждан Украины (36,4%) родным языком назвали русский [117, с. 482]. Согласно переписи населения 2001 года, общее количество тех, кто считает русский язык родным, составляет 29,6% населения страны, а если учесть число фактически пользующихся им в таком качестве, то число русскоязычных, согласно всеукраинским опросам, колеблется в пределах 46-54% всех граждан Украины.

Согласимся с мнением В. Городяненко, который в работе «Раскол общества: стремление политиков или закономерная реальность?» отмечает, что «попытки через языковое давление обеспечить доминирование запада над востоком вступают в вопиющее противоречие с обеспечением прав человека и, в целом, с процессом демократизации. Они только усиливают раскол в обществе...» [20, с. 5]. При этом значительная часть населения Украины считает придать русскому языку статус официального: 81% респондентов, родным языком которых является русский, и почти треть (31%) тех, кто родной язык назвал украинским. 51% населения предпочитают иметь дело с документацией на русском языке, поскольку не совсем хорошо понимают все необходимые детали официальных документов на украинском языке [20, с. 5]. Таким образом, одним из факторов, влияющих на политические предпочтения населения Украины, является предпочитаемый язык общения (на работе и в общественных местах). Данное обстоятельство привело к тому, что «языковая проблема» стала использоваться как разменная монета в политической борьбе. Согласимся с мнением И. Поповой, что вывести

языковую проблему из политической сферы можно только одним способом: «признать, что она существует и является по своей сути проблемой не политической, а цивилизационной». А это значит, что, по крайней мере, в преимущественно русскоязычных (юго-восточных) регионах должны быть созданы условия для овладения русским литературным языком и освоения русского культурного наследия не в меньшей степени, чем условия овладения украинским языком и украинской культурой.

Здесь следует учитывать тот исторический факт, что более 300 лет украинский народ не только поддерживал отношения с русским народом, но и находился в одной Российской империи и в одном военно-политическом союзе с Россией. Украинская культура ближе к русской, чем, допустим, к австро-венгерской, польской или немецкой. Дело даже не столько в проведении политики русификации, сколько в реальной культурно-языковой общности народов, породившей своеобразный феномен «русскоязычной» украинской культуры.

Согласно данным социологического мониторинга, реалиями социальной и повседневно-бытовой жизни является двуязычие. Свободно владеют русским языком столько же, сколько и украинским, однако имеют место региональные отличия. Если даже не брать те области, историческая судьба которых складывалась вне пределов России, а выделить регионы, которые в течение сотен лет были российскими провинциями, то различия существенны. Так, в Винницкой, Житомирской, Черкасской и Полтавской областях число свободно владеющих украинским языком превышало 90%, тогда как владеющих русским не набиралось и 70%. В Одесской, Луганской, Донецкой областях, например, число свободно владеющих украинским языком составляло 56-58% [117].

Как показали данные электоральной статистики 2006, 2007 годов, за Партию регионов, которая в своих предвыборных кампаниях выступала за предоставление русскому языку статуса государственного или местного

официального, получила больше голосов в тех регионах Восточной Украины, в которых было больше русскоязычных избирателей.

Несомненно, рыночные и демократические реформы в Украине влияют на заложенные в структуре национального менталитета базовые представления. Однако, к чему это в конечном счете приведёт, определить сложно. Пока с уверенностью можно сказать, что стремление сломать традиционные стереотипы и модели мышления, привить украинцам миропонимание, сводящее смысл жизни к материальному потреблению, на сегодня не удалась. Начиная с середины 90-х годов в общественном сознании идёт процесс восстановления шкалы ценностей, ставящей духовное выше материального.

По данным социологического исследования, проведенного в 2001 году в Одесской области социологической лабораторией Одесской национальной юридической академии, было выявлено, что первые пять мест в ценностной иерархии одесситов занимают экзистенциальные ценности.

Таблица 1

Ценностное сознание одесситов, %, [25]

Ранг	Ценность	% ответов
1	Здоровье	81,0
2	Семья	67,0
3	Благополучие	66,0
4	Работа	63,0
5	Социальная защищенность	39,0
6	Права человека	29,0
7	Личная безопасность	24,0
8	Культура	11,0
9	Мораль	11,0
10	Информация	9,0
11	Религия	8,3

12	Политика	6,3
13	Искусство	6,0
14	Образование	3,0

Результаты одесского исследования можно сравнить с результатами социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины в 1992-2010 годах [109].

Отвечая на вопрос о том, чего сегодня не хватает людям в первую очередь, 66% граждан Украины отметили, что им «не хватает соблюдения прав человека в Украине» (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Ценностное сознание население Украины, %, [117]

Ранг	Ценность	% ответов
1	Защита от снижения уровня жизни со стороны государства	85,0
2	Стабильность в государстве и обществе	78,0
3	Экологическая безопасность	75,0
4	Возможность питаться в соответствии со своими вкусами	73,0
5	Наличие руководителей, способных руководить государством	72,0
6	Уверенность, что ситуация в стране будет улучшаться	70,0
7	Защита от преступников	66,0
8	Соблюдение в стране прав человека	66,0
9	Необходимая медицинская помощь	61,0
10	Справедливая оценка заслуг человека перед обществом	55,0
11	Работа, которая отвечает личным требованиям	54,0
12	Юридическая помощь в защите своих прав и интересов	53,0
13	Здоровье	53,0
14	Политические идеалы, которые заслуживают поддержки	45,0

Как свидетельствуют результаты исследования, первые пять ценностей, названных населением Украины, являются экзистенциальными, то есть связанными с выживанием и устойчивым развитием общества в новых условиях. Ценности, которые являются прежде всего общественными (иметь престижное положение в обществе, знать несколько языков, быть знаменитым), имеют второстепенный характер. Однако, как отмечается А. Ручкой, с улучшением жизни людей в стране определённые политико-гражданские и самореализационные ценности, которые в настоящее время находятся на периферии «ценностной ментальности», актуализируются [104, с. 217].

Для того чтобы конкретизировать специфику жизненных ценностей населения Украины как компонентов национального менталитета проанализируем данные международного «Европейского социального исследования» (European Social Survey–ESS) – масштабного международного проекта, в котором принимали участие 24 страны Европы, в том числе и Украина. Сравнение жизненных ценностей населения Украины с населением других европейских стран проводилось на основе методики известного израильского исследователя Ш. Шварца и включало 10 «латентных мотивационных типов ценностей»:

1. Власть (Power). Социальный статус, престиж, контроль и доминирование над людьми и ресурсами.
2. Достижение (Achievement). Личный успех и его демонстрация через достижения и способности, соответствующие социальным стандартам.
3. Гедонизм (Hedonism). Собственное удовольствие и чувственное удовлетворение.
4. Стимуляция (Stimulation). Жизнь, насыщенная острыми ощущениями, новизной и сложными задачами.
5. Самостоятельность (Selfdirection). Независимость в мышлении и принятии решений, творчество, познание.

6. Универсализм (Universalism). Понимание, высокая оценка и защита благополучия всех людей, а также природы; толерантность.

7. Благожелательность (Benevolence). Сохранение и повышение благополучия людей, с которыми человек часто общается.

8. Традиция (Tradition). Уважение и принятие обычаев и идей, которые исходят от традиционной культуры и религии, приверженность им.

9. Конформность (Conformity). Избегание действий, склонностей и побуждений, которые могли бы расстроить других людей или причинить им вред, а также нарушить социальные требования и нормы.

10. Безопасность (Security). Безопасность, гармония и стабильность общества [19].

Как свидетельствуют данные исследования, ценности населения Украины имеют существенные отличия от ценностей остальных европейцев: ценности Безопасности, Традиции, Конформности и Власти выражены в Украине сильнее, а ценности Самостоятельности, Гедонизма, Стимуляции и Благожелательности – наоборот, слабее. То есть уже при самом грубом сопоставлении украинское население отличается более высокими значениями всех ценностей, относящихся к категории Сохранения, и менее высокими значениями ценностей, относящимися к Открытости и Изменениям. Кроме того, Украина опережает другие страны по одному из компонентов Самоутверждения, а именно по тому, где в фокусе – богатство и власть над людьми, но не демонстрация своих способностей.

Крайне высокую значимость украинское население придает тому компоненту достижительных ценностей, в котором непосредственно выражается успешность и ее социальное признание (по этой ценности Украина занимает первое место вместе с такими странами, как Австрия, Словения, Португалия, Германия и Польша), а крайне низкое значение – тому компоненту, в котором речь идет о способностях, то есть не о самом успехе, а о его личностных предпосылках (по этой ценности Украина

занимает последнее место вместе с такими странами, как Чехия, Финляндия, Эстония, Дания, Исландия, Франция и Германия). Таким образом, население Украины очень высоко ценит успех (результат) и более равнодушно к личным способностям человека, которые, казалось бы, можно рассматривать как условие, потенциал достижения успеха [18].

Общая конфигурация этих различий рисует образ национального менталитета украинца, для которого характерны высокая осторожность (или даже страх), потребность в защите со стороны сильного государства, консерватизм и страх социального осуждения. Соответственно, у этого человека сравнительно слабо выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности, ему не свойственна склонность к риску и стремление к веселью и удовольствиям. Вместе с тем этот человек стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию (но исходя из сказанного выше, можно заключить, что желаемые достижения не предполагают творчества и созидания нового). Сильная ориентация на индивидуальное самоутверждение снижает готовность этого человека заботиться даже о тех, кто его непосредственно окружает [19].

Необходимо отметить, что национальный менталитет украинцев имеет существенные региональные отличия. В современной научной литературе встречается несколько вариантов деления Украины на регионы по различным классификационным критериям – физико-географическим, социально-экономическим, культурно-историческим и культурно-лингвистическим. Так, на основе так называемого «языкового индекса украинцев» (процент украинцев, считающих родным языком украинский) В. А. Темненко выделяет три группы территорий: 1-я (14 областей, 21 млн. чел.) – с наиболее высоким уровнем распространения среди украинцев украинского языка (свыше 95%); 2-я (8 областей и город Киев, 20 млн. чел.) – со средним показателем языкового индекса (от 75% до 95%); 3-я (2 области и Автономная Республика Крым, 11 млн. чел.) – с наиболее низким индексом (от 50% до 65%). Если использовать культурно-исторический критерий регионализации Украины, то

можно выделить следующие регионы: Левобережье (в 1654 году Польша окончательно отказалась от этой части Украины-Руси), Слободская Украина (на неё никогда не распространялась власть ни Польши, ни украинских гетманов, так как это была территория России, которая заселялась беженцами с Украины-Руси, спасавшимися от польско-католического гнёта), часть Малороссии (территория Запорожской Сечи, в 1686 году окончательно перешла к России), Новороссия (присоединена к России в результате войн России в XVIII в с Турцией, под властью которой находилась эта территория), Правобережье (присоединена к России с конца XVIII вв. результате раздела Польши в 1793 и 1795 годов), Крымский полуостров (включён в состав СССР в 1954 году), Галиция (воссоединена с остальной территорией бывшего Киевского государства после 600 лет пребывания под властью Литвы и Польши в 1939 году), Северная Буковина (до 1939 г. Находилась под властью Молдавии, Австрии и Румынии), Закарпатье (до 1939 г. – 800 лет тому назад захваченная Венгрией, и после распада Австро-Венгрии в 1918 году попало под власть Чехи, а с 1939 года Венгрии, после победы СССР в 1945 году включена в состав СССР). При этом Крым, Левобережье, Правобережье, Малороссия, Новороссия, Слободская Украина могут быть отнесены к единой культурно-исторической зоне – Восточной, которая формировалась в составе Российского государства, а Галиция, Буковина, Закарпатье – Западную культурно-историческую зону.

Различные регионы Украины отличаются друг от друга не только историей, но и современным экономическим, культурным, социально-политическим положением, поэтому нельзя говорить о общеукраинском национальном менталитете. Он распадается на региональные менталитеты (в пространственном понимании) и на менталитеты социальных групп (в плане социальной дифференциации). Но и это может быть эффективно использовано в деле формирования личностных качеств, ибо многогранность и своеобразие различных регионов – основа силы и устойчивости Украины («Мы – разные, и все мы – дети Украины»). Именно

региональные и стратификационные (субкультурные) формы национального менталитета являются важнейшими и определяющими в поведении личности, так как личность в своей повседневной жизни сначала воспринимает себя как члена определённой части социальной структуры (профессиональной, демографической и др. групп), а потом – как житель конкретного региона, а только после этого – как представитель украинского народа.

В современной научной литературе активно дискутируется вопрос о влиянии национального менталитета на социально-экономические и социально-политические процессы, происходящие в современном украинском обществе. Ряд авторов считает, что специфические черты национального характера и менталитета украинцев обуславливают особенности осуществления социальных изменений в украинском обществе. Так, И. Полищук отмечает, что «в национальном менталитете украинцев не очень развиты достижительские ценности и такие черты характера, как целеустремленность и решительность. Больше всего украинцу присуща осторожность, инертность, медлительность, он не любит рисковать, живет по принципу «якось воно буде», долго взвешивает все «за» и «против», долго советуется и решения принимает половинчатые. Даже при наличии знаний, эрудиции, опыта нерешительность значительно снижает «коэффициент полезности» [95]. В целом, по мнению И. Полищука, Украине не хватает инициативных харизматичных личностей, а те, которые есть, обычно идут не в бизнесмены, а в чиновники.

Ещё одной чертой национального менталитета учёный считает консервативность, и отмечает, что «украинец не доверяет переменам, он стремится не найти что-то новое, а сохранить уже созданное. Это определяет его неумение, а может, и нежелание идти в ногу со временем» [95]. Даже в менталитете украинского политического класса наблюдается незаинтересованность в реформах – и это один из главных тормозов развития экономики.

Однако исследователи отмечают черты национального менталитета, которые способны вывести наше государство на уровень экономически развитых стран. Это, прежде всего, такая национальная черта, как хозяйственность. Как справедливо отмечает М. Семикина, в народных пословицах и поговорках понятия «хозяин», «хозяйка», «хозяйский ребенок» звучат не иначе, как похвала. У украинца в генах заложено все упорядочить, наладить, отремонтировать [105]. Другая позитивная черта украинского менталитета, по мнению М. Семикиной, – это особое мироощущение с витиевато-оптимистическим началом, образностью и стремлением все украшать. Это – мироощущение в стиле барокко. Оно присуще не только украинским архитекторам, художникам, писателям, но и каждому украинцу. Этот стиль мышления отличал и запорожских казаков, побеждавших благодаря не силе, рациональной тактике или «железной» дисциплине, а действиям, которых от них никто не ожидал. Живость, нестандартные ходы, несимметричные ответы – все это проявляется как в украинской экономике, так и в геополитике [105].

О таких чертах национального менталитета населения Украины, как амбивалентность, внутренняя противоречивость, неконфликтность свидетельствуют результаты социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, проводимого в 1992-2011 годах. Как свидетельствуют данные исследования, за последние двадцать лет в Украине состав групп сторонников разных путей политического реформирования общества оставался стабильным [117, с. 443]. Четко определенные политические предпочтения (поддерживают сторонников социализма или капитализма) имеют около 35% граждан. Почти каждый четвертый опрошенный (23,8% в 1994 году, 24,5% в 2010 году) готов поддерживать и тех, и других, только бы не конфликтовали; а также каждый четвертый украинец (20,1% в 1994 году, 24,4% в 2010 году) вообще не поддерживает никого или не может определиться, к кому и как ему относиться (21,2% в 1994 году, 18,2 в 2010 году) [117, с. 486].

Анализируя мнение респондентов о наилучшем пути развития Украины, можно отметить значительное уменьшение части населения, которая отдает предпочтение СНГ как модели организации для международного сотрудничества с участием Украины, и увеличение числа граждан Украины, которые считают, что страна должна развиваться по пути создания восточнославянского блока бывших советских республик (России, Белоруси, Украины).

Таблица 3

**Отношение населения Украины к выбору пути
развития страны, %, [117, 495].**

Отношение респондентов	1994	1996	1998	2000	2004	2008	2010
В первую очередь расширять связи в рамках СНГ	40.5	31.8	23.8	15.4	13.1	12.5	14.9
Развивать отношения преимущественно с Россией	16.6	14.4	5.0	4.1	11.4	10.5	13.1
Укреплять прежде всего восточнославянский блок (Украина, Россия, Белорусь)	–	–	23.7	22.8	34.3	29.8	26.8
Устанавливать связи прежде всего с развитыми странами Запада	12.6	15.9	12.8	16.5	14.4	17.7	14.1
Опирается прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя независимость	12.9	18.5	17.7	26.1	17.1	19.3	20.6
Затруднились ответить	9.5	12.2	9.3	10.1	8.2	7.1	7.8
Разные регионы Украины должны выбирать свой путь	4.1	4.5	5.0	3.5	–	2.3	2.0

Другое	3.7	2.6	2.5	1.5	1.3	0.7	0.8
Не ответили	0.2	–	0.2	–	0.2	0.1	0.1

Таким образом, за интеграцию с Россией выступает около 60% населения Украины, а за интеграцию с Европой от – 40% до 50%. Казалось бы украинскому обществу нужно выбрать «российский» путь развития, если это поддерживает большинство граждан. Однако, по результатам исследования, интеграцию Украины с Россией категорически не поддерживают целый ряд областей, то есть такой внешнеполитический выбор Украины может привести к реальному противостоянию (даже расколу) украинского общества, в тоже время принципиального неприятия европейского пути нет ни в одном регионе Украины. Поэтому важно учитывать особенности национального менталитета при выработке той или иной политики, особенно если речь идёт об определении вектора политического развития страны.

Какие же устойчивые ментальные особенности украинского народа могут быть использованы в процессе трансформационных изменений, происходящих в современном украинском обществе? Во-первых, индивидуализм, понимаемый не как эгоизм («моя хата с краю...»), а как способность самостоятельно решать проблемы, постоять за себя. Во-вторых, природный демократизм, который способствует возникновению различных форм самореализации на государственном и личностном уровнях. В-третьих, природная толерантность к ближнему, соседу и просто чужому. Издавна структура населения Украины являлась полиэтнической, и характерные черты представителей различных наций и национальностей отразились на украинском менталитете. Это взаимовлияние обуславливало специфическое, присущее только украинцам, решение таких проблем, как становление и развитие государственности, гражданского общества,

взаимоотношения государства и личности, понимание свободы и ответственности.

Важнейшим компонентом национального менталитета является национальная идея. Национальная идея была основой легитимности создания независимого государства Украина, которое ушло от тоталитаризма советского толка. В Чехии или, к примеру, в Польше национальная идея объединила уже существующее гражданское общество. В Украине на тот момент его еще не было, как, впрочем, нет в должной мере до сих пор.

На фоне поиска общеукраинской объединительной идеи и становления на ее основе стратегии развития украинской государственности в политических структурах явно различались две основные тенденции. С одной стороны, желание сохранить и укрепить свою самостоятельность и политический вес, а с другой – понимание жизненной необходимости союза, солидарности с более или менее родственными объединениями с целью повышения общего потенциала в борьбе за власть.

В политических мнениях и позициях установился определенный динамический баланс. Он нашел свое выражение в ряде объединительных символов, которые стали широко использоваться не только оппозиционно настроенным электоратом, но и всякими здравомыслящими политическими и общественными деятелями, в том числе и самым непосредственным образом причастными к истеблишменту. Речь идет о таких понятиях, как «патриотизм», «соборность», «духовное возрождение», «обеспечение благосостояния граждан Украины». При этом такое понятие, как «независимость страны», частично потеряло свою популярность на фоне всеохватывающего социального кризиса. Если в декабре 1991 года 92% населения страны поддержали независимость на референдуме, то в 1995–1999 годах идею независимости поддерживали 62-66% взрослого населения Украины. При этом стало очевидным, что «национальная идея» в политическом и идеологическом виде, без экономического содержания

(уровень благосостояния), в значительной мере не воспринимается не только неукраинскими этносами, но и частью украинцев.

Кроме этого, национальная идея должна охватывать и отображать цели и интересы всех слоев населения, граждан всех национальностей. В настоящее время национальная идея действительно не может не иметь государственнического характера, поскольку именно государство в демократическом обществе должно защищать интересы народа, граждан всех национальностей, которые живут на ее территории. Очень важно в национальной идее отразить желаемое для нас соотношение между национальным и общечеловеческим, поскольку украинский народ, защищая свои национальные ценности, должен развиваться как полноправный член международного содружества народов.

При этом национальная идея должна быть не великодержавной, не панукраинской, а именно национальной, приемлемой для всех народов, проживающих на территории Украины. Она должна исполнять роль генератора энергии, которая поддерживает жизнь и стимулирует развитие украинской нации.

В работе Е. Головахи и Н. Паниной «Национальная толерантность и проблемы развития национально-культурных автономий в Украине» определяются такие требования к составляющим национальной идее:

- предсказуемость и управляемость социальных процессов;
- гарантия безопасности демократического развития общества и жизни в нем каждой конкретной личности;
- создание условий для развития здорового интеллекта общества, его членов, стимулирования развития науки и образования;
- внедрение в государстве признанных демократическим мировым сообществом высококачественных стандартов в организации разных областей жизни;
- достижение высокой степени эффективности в удовлетворении интересов, прав и свобод представителей всех этнических групп;

- наличие в государстве демократической иерархии, которая бы полностью отменяла любую дискриминацию, предоставляла всем гражданам равные возможности для развития и реализации своих способностей [17].

Именно национальная идея должна выполнить функцию национальной интеграции и национальной самоидентификации. При этом важными являются такие моменты:

- крайне важно, чтобы украинская национальная идея отражала этнические особенности именно современного украинского общества;
- национальная идея должна отражать главные проблемы жизни народа, духовный мир украинской нации;
- национальная идея сама по себе никогда не может культивировать и пропагандировать шовинистские взгляды;
- национальную идею следует рассматривать как одно из важнейших средств соборности украинского общества;
- национальная идея должна способствовать самосознанию нации, стимулировать этот процесс в Украине;
- украинская национальная идея в ее демократической интерпретации должна рассматриваться как государственническая идея;
- современная украинская национальная идея должна совмещать в себе достижения украинского народа в разных сферах жизнедеятельности общества и общечеловеческие достижения и ценности;
- очень важным является вопрос соотношения современной украинской национальной идеи с национализмом в разных его проявлениях (теоретическом и практическом аспекте);
- необходимо четко определить место национальной идеи в системе (иерархии) ценностных приоритетов, поскольку она сравнивается с другими явлениями, которые играют ведущую роль в развитии общества, государства, личности;
- украинская национальная идея не должна упрощенно связываться с украинским мессианством;

- национальная идея вносит в жизнь нации определенную идеологическую упорядоченность, которая вовсе не отрицает существования разных взглядов на общественную жизнь. Она облегчает поиск ответа на ряд судьбоносных вопросов, а именно вопрос об исторической миссии украинского народа, его происхождения, конкретизирует основные ценности, с которыми связана судьба народа, которые он сам определяет для себя приоритетными [17].

Поскольку Украина является многонациональным государством эта особенность государства должна быть полностью отражена в современной украинской идее. В настоящее время, как никогда раньше, Украина нуждается в государственном сплочении именно на принципах этатизма с учетом процесса этнического ренессанса. Сегодня происходит формирование нового качества украинской нации – на принципе государственности, а не этничности. Украинское национальное государство должно придерживаться принципа национального интереса и национальных приоритетов в государственном, а не в этническом значении. В целом содержание современной украинской национальной идеи можно изложить в таких положениях:

- развитие национального наследия, понимания сегодняшних проблем и ориентация при их решении на мировые демократические стандарты;
  - защита прав и свобод человека и гражданина;
  - плюрализм и государственная поддержка форм собственности, что гарантируют настоящую свободу и благополучие личности;
  - семья – основная ячейка общества, которая вместе с государством отвечает за воспитание молодого поколения;
- развитие украинской науки, образования, национальной культуры, государственного языка с учетом интересов национальных меньшинств, которые проживают в Украине;

- использование позитивного мирового опыта относительно развития демократии, совершенствования форм и методов деятельности государственного аппарата и местного самоуправления;
- национальная толерантность, взаимоуважение, консолидация украинской политической нации, свободное развитие национальных меньшинств [17].

Важнейшее, на что должна быть направлена в настоящее время современная национальная идея – это содействие формированию в обществе социального согласия между разными слоями населения Украины. Существующий ныне раскол внутри украинской политической нации, который проходит почти по всем значимым параметрам, определяющим её единство и общенациональную идентичность (ценностно-мировоззренческим, культурно-языковым и межэтническим, политико-идеологическим, региональным, конфессиональным) не может содействовать развитию демократии, обеспечению эффективного осуществления прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции Украины. Социально-политические конфликты и отсутствие консолидации политических элит не способствуют процессу реформирования украинского общества. Поэтому национальная идея, безусловно, может и должна стать той силой, которая будет способствовать процессу консолидации украинской нации и формированию общенационального менталитета.

Применительно к сегодняшней Украине общенациональной способна стать идея превращения Украины в процветающую державу. Эта идея выражает интересы и ожидания подавляющего большинства населения страны, и ее при соответствующем политическом, организационном и идеологическом обеспечении могут поддержать не только обнищавшие массы, но и все слои населения страны.

В настоящее время дискуссии на тему «национальной идеи» продолжаются. В процессе перехода страны к новой модели общественного устройства, формирования современной рыночной экономики подавляющим

большинством общества остро осознается потребность в новой идеологии и общественной психологии, новой системе ценностей, которые могут сблизить людей для проведения эффективных социальных изменений в украинском обществе.

Выводы к разделу 3

В данном разделе показано, что поскольку национальный менталитет характеризуют ценности и нормы поведения, характерные в той или иной степени для представителей определённого народа (нации), важнейшими составляющими национального менталитета являются ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству, нормы и образцы социального взаимодействия, социальные стереотипы, организационные формы повседневной жизнедеятельности и др. Показано, что в национальном менталитете представлена та часть культуры, которая дает человеку возможность ориентироваться в экономической, политической и социокультурной сферах жизни, в современных общественных реалиях.

Отмечено, что рыночные и демократические реформы в Украине несомненно влияют на заложенные в структуре национального менталитета базовые представления, однако традиционные стереотипы, модели мышления и поведения населения Украины практически остаются неизменными. Как свидетельствуют результаты различных социологических исследований, в ядре «ценностной ментальности» населения Украины находятся традиционные ценности. Ценности, которые являются, прежде всего, постматериальными (иметь престижное положение в обществе, знать несколько языков, быть знаменитым и др.), имеют второстепенный характер, то есть в настоящее время находятся на периферии «ценностной ментальности» населения Украины. На основе данных Европейского социального исследования можно сделать вывод о том, что для национального менталитета украинца характерны высокая осторожность (или даже страх), потребность в защите со стороны сильного государства, консерватизм и страх социального осуждения. Соответственно, у этого

человека сравнительно слабо выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности, ему не свойственна склонность к риску и стремление к веселью и удовольствиям. Вместе с тем этот человек стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию (но исходя из сказанного выше, можно заключить, что желаемые достижения не предполагают творчества и созидания нового). Сильная ориентация на индивидуальное самоутверждение снижает готовность этого человека заботиться даже о тех, кто его непосредственно окружает.

Ценности рассматриваемые как структурные составляющие национального менталитета, являются, важнейшим компонентом индивидуальной организации человека, его нравственно-психологической и интеллектуальной деятельности. Подчёркнуто, что одной из духовных ценностей украинского народа, как основание его социального развития, в том числе и современного, можно назвать демократизм, который способствует возникновению различных форм самореализации на государственном и личностном уровнях. В Украине достаточно рано сформировалась идея народного суверенитета (права народа жить по собственным ему установившимся нормам и законам, быть в этом отношении автономным, независимым от других государств), которая была бы невозможна без гражданского (в понимании – общественного) сознания. Для украинского национального менталитета характерным также является то, что государство отождествляется с большой семьей. Отсюда вытекает понимание общенародного единства как духовного родства и стремление заменить бездушные правовые нормы нравственными ценностями. С этой точки зрения, характер отношения государства и индивида в Украине в отличие, на пример, от Запада определяется не столько соглашением подданных и государственной власти в соблюдении законов, сколько молчаливым сговором о безнаказанности при их нарушении. В украинском менталитете государственная власть часто ставится выше закона, что формирует такую политическую установку, как неверие в закон в качестве

воплощения справедливости и средства борьбы со злом. Примат государства над законом порождает, с одной стороны, правовой нигилизм и произвол, а с другой, – терпимость украинского народа. Для украинского гражданского правосознания характерно формальное признание принципов правового государства на фоне правового нигилизма и неправомерного общественного поведения.

Другой важнейшей традиционной ценностью в структуре украинского национального менталитета свобода. Для украинского национального менталитета характерно иррациональное понимание свободы, связанное с украинской духовной традицией. Свобода наделяется либо негативным смыслом как свобода «от чего-то» (от угнетения, собственности и т. д.), либо понимается как свобода «во имя чего-то», то есть во имя какой-то высокой цели, а не понимание свободы «для чего-то», характерное для западной духовной традиции. При этом коренным отличием от западной рациональной традиции является то, что свобода всех рассматривается в качестве гаранта свободы отдельного гражданина, а не наоборот, как это принято в Европе. В условиях социальных изменений современного украинского общества актуальной стаёт проблема соблюдения прав и свобод личности. На повседневном уровне свобода часто понимается как анархия и неподчинение закону, что связано с особенностями национального менталитета народа и правовым нигилизмом. В тоже время в украинском социуме присутствует понимание того, что обеспечение и соблюдение прав и свобод является задачей не только власти, но и каждого гражданина. В правовом государстве, с одной стороны, система правоохранительных органов должна обеспечивать соблюдение свобод граждан и являться инструментом разрешения общественных проблем, с другой стороны, любой гражданин должен знать и уважать право, уметь самостоятельно нести ответственность за собственную жизнь и благополучие. Кроме этого, проанализированы такие ментальные ценности украинского народа, как, индивидуализм, понимаемый не как эгоизм («моя хата с краю...»), а как способность самостоятельно решать

проблемы, постоять за себя, и природная толерантность к ближнему, соседу и просто чужому. Поэтому в условиях социальных изменений молодого независимого государства Украины *традиционные* духовные ценности украинского народа должны стать ориентирами его дальнейшего развития.

Обосновано, что фактором развития национального менталитета населения Украины является национальная идея. В настоящее время идёт поиск национальной идеи и становления на ее основе стратегии развития украинской государственности. Отмечено, что именно национальная идея должна выполнить функцию национальной интеграции и национальной идентификации. Она позволит многонациональному украинскому обществу осознать своё идейно-политическое и духовное единство, будет способствовать национальному и гражданскому согласию, веротерпимости, преемственности традиций, восстановлению чувства уверенности в завтрашнем дне.

Результаты данного раздела апробированы в следующих публикациях автора:

– Хоанг Тхи Кук Национальный менталитет как детерминанта трансформационных изменений: социально-философский аспект / Хоанг Тхи Кук // Наукове пізнання: методологія та технологія. — 2011. — 2(27) — С. 182-186.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет утверждать, что национальный менталитет – это записанный в материальных основах психики определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние народа, это та органическая целостность социально-психологических качеств и черт, присущих именно этому народу, этой общности и составляющим ее гражданам.

Частое употребление этого слова в современной лексике является завершением долгого пути, в течении которого категория «национальный менталитет» приобрела такой смысл, который отражает определенный образ мышления, общую духовную настроенность народа воспринимать мир определенным образом и действовать в нем.

По мнению автора, определение «национального менталитета» связано с имманентной этнокультурной целостностью, которая включает совокупность исторически сформированных установок и черт характера народа, ценностей, стереотипов и архетипов, которые имеют специфику поведенческого проявления. При этом, четко разграничиваются понятия «национальный менталитет» и «национальный характер». Отличие понятия «национальный менталитет» от понятия «национальный характер» состоит, в частности, в том, что в феномене национального менталитета проявляются прежде всего эмоционально-волевые компоненты, представления о национальных общностях, о самом себе, как представителе национально-этнической общности. Однако разграничение понятий не означает отсутствия между ними взаимодействия. Оба данных феномена имеют единую мировоззренчески-поведенческую, общность факторов, влияющих на их формирование: психо-генетические, или «глубинно-психические», природно-географические, социально-экономические, исторические и религиозные. Кроме этого, структурными элементами как национального характера, так и

национального менталитета, являются установки и стереотипы, которые формируются под влиянием базовых компонентов бессознательного, в частности, архетипов. Здесь также можно отметить, что существуют ментальные установки, действующие на уровне отдельного индивида, и есть так называемые социальные установки, связанные с той социальной средой, в которой живет и осуществляет свою деятельность человек. Именно здесь мы можем говорить о национальных установках, обусловленных жизнедеятельностью индивида в условиях его национального бытия.

В целом менталитет является исторически и социокультурно (этнически) обусловленным способом мышления, глубинным источником и уровнем коллективного сознания, включающим и бессознательное. Однако, несомненным является тот факт, что отдельные (частные или универсально-атрибутивные) проявления менталитета имеют свою специфику. Собственно, это и есть то, что может быть означено термином «национальный менталитет». Таким образом, национальный менталитет отражает устойчивый в определенное время в обществе, общераспространенный в той или иной группе людей мыслительный образ, систему представлений о различных явлениях и процессах общественной жизни, который имеет также специфику поведенческого проявления.

Анализ современной философской литературы по проблеме национального менталитета показал, что категория «национальный менталитет» не обрела статус философского понятия наряду с такими традиционными философскими категориями, как «ценность», «сознание» и др. Между тем, категория «национальный менталитет» обладает мощным методологическим потенциалом, и с помощью данного понятия, исследованию труднофиксируемых свойств социального духа можно придать более соответствующий природе объекта смысл. Поэтому к числу наиболее значимых концептуальных задач прогностического плана относится необходимость дальнейшей разработки данного понятия в категориальной системе философского знания.

Совместными усилиями философов необходимо выработать единую философскую концепцию национального менталитета, определить основные компоненты его структуры, так как понятие «национальный менталитет» весьма богато и насыщено. При этом, его плодотворное изучение будет возможно только при комплексном междисциплинарном подходе, используя положения и выводы как собственно философов, так и социологов, историков, этнографов и психологов.

Анализ основных понятий, которые являются необходимыми при исследовании национального менталитета как феномена социального мира в сфере духовности («ценность», «ценностные ориентации», «норма», «установка» и др.), позволил выявить, что данные понятия имеют стабильное пространство в структуре национального менталитета. Национальный менталитет – это самый сложный, многослойный, многомерный духовный феномен, в котором присутствуют как общераспространенные ценностные стереотипы; принятые нерелексивно шаблоны ожиданий, автоматизмы психики, так и ценностные представления, «верифицированные» личным опытом, собственные оценки, собственные ценностные суждения. Таким образом, является важным проведение специализированного анализа категориального смысла таких понятий как «ментальная установка», «ценностно-нормативный идеал», «стереотип», «смысл», «значение» и др., имеющих значимую смысловую нагрузку для последующей разработки понятия «национальный менталитет». Более того, необходимо уделить внимание определению значения и роли ценностей и ценностных ориентаций в функционировании и формировании национального менталитета. Особенно на современном этапе развития украинского общества, когда происходит колоссальная массовая ломка старых ценностей, стереотипов мышления и поведения, в интересах государства было бы целесообразно использовать особенности национального менталитета населения Украины, связанные с традиционными нравственными ценностями семьи и этноса в качестве «опоры» в украинском национальном возрождении.

Исполняя интегративную роль, обеспечивая единство некой общности, национальный менталитет при исследовании его структуры был определён как целостное, интегральное, синкретичное духовное образование. Интегрированию в нем подлежат общечеловеческие, универсальные, а не только индивидуально неповторимые моменты, и уникальность национального менталитета заключается не столько в его поэлементном содержании, сколько в специфическом соединении элементов и их значимости для граждан страны.

Структура национального менталитета включает в себя очень много разнообразных элементов и пластов, однако, универсальное, атрибутивное значение имеют, по крайней мере, пять основных, определяющих компонентов. Это – «архетипичный» компонент менталитета – система архетипов и компонентов коллективного бессознательного; когнитивный компонент – образ мира и способы мышления коллективного субъекта; ценностно-смысловой компонент – система ценностей, ценностных ориентаций, идеалов, значений, норм; эмоциональный компонент – оценки, настроения, эмоции, чувства; поведенческий компонент – мотивы и стереотипы поведения. Отмечено, что каждый из этих компонентов имеет бессознательный и сознательный уровни, и феномен национального менталитета обладает устойчивыми и неустойчивыми структурными состояниями. В данной связи отметим, что ряд положений и выводов работы могут быть полезны при исследовании проблемы структуры национального менталитета и способов организации его элементов, стимулировать дальнейшее изучение этих вопросов.

При анализе совокупного многообразия условий, фактов, обстоятельств, которые формируют национальный менталитет было установлено, что важную роль в формировании менталитета играют следующие факторы: расовые; географические, связанные с природной средой и способом выживания в ней; исторические (геополитические); социально – психические (общественные), связанные с социальной

структурой и общественным строем; культурноморфические, связанные с взаимовлиянием этнотипа и культуры на формирование друг друга; религиозные.

Рассмотрение проблем национального менталитета как детерминанты трансформационных изменений позволяет сделать следующие общие выводы. Во-первых, чем глубже мы познаем природу национального менталитета, тем очевиднее становится, какая огромная сумма проблем нашей духовной жизни все еще остается слабо исследованной. А ведь уже сегодня ясно, что не только весь ход отечественной истории, ее глубочайшие изломы и повороты не могут быть правильно поняты и объяснены без учета национального менталитета, но и все противоречия и сложности в процессе трансформации современного украинского общества. Как свидетельствует мировой и отечественный опыт реформирования общества, эта проблема является весьма сложной, но от этого не менее важной, ведь судьба начатых трансформаций во многом будет зависеть от качественных изменений в национальном менталитете. История уже показала, что решения, принятые, пусть даже на государственном уровне, но без учета национальных особенностей народов, населяющих страну, не приводят и не могут привести к положительным результатам, каких бы областей общественной жизни они не касались.

Во-вторых, национальный менталитет населения Украины – весьма своеобразное явление, существенно отличающее украинцев не только от многих славян, но и русских и белорусов. Это с непререкаемой определенностью уже проявилось во всем ходе истории и все сильнее сказывается сегодня. А в условиях полиэтничности населения Украины знание особенностей менталитета всех национальностей может помочь не только при разработке политической, экономической, социальной и других программ реформирования общества, но также и при прогнозировании поведения различных национальных общностей в конкретных социально-экономических и политических ситуациях.

В-третьих, для успешного реформирования всех сфер жизнедеятельности современного украинского общества важно сформулировать стратегию развития страны, которая бы предполагала как реализованию преобразований в русле современных глобальных процессов, так и учитывала национальный менталитет, идентичность, традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андрусів С. Ім'я гелленів. Про національний характер українців / Андрусів С. // Дзвін. — 1993. — № 10-12. — С. 110-115.
2. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. И начала XX / Н. Бердяев // О России и русской философской культуре. — М. : Мысль , 1990. — 260 с.
3. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. — М. : Наука , 1990. — 227 с.
4. Боринштейн Е. Р. Показатели национального характера / Е. Р. Боринштейн // Грани. — 2002. — № 3(23). — С. 93-102.
5. Боринштейн Е. Р. Особливості соціокультурної трансформації сучасного українського суспільства / Е. Р. Боринштейн. — Одеса : Астропринт , 2004. — 400 с.
6. Боринштейн Є. Р. Духовність, мораль і освіта як складові нової соціокультурної реальності / Є. Р. Боринштейн // Наукове пізнання. — № 2(14). — 2004. — С. 23-29.
7. Боринштейн Е. Р. Социальные изменения и проблема разделения труда / Е. Р. Боринштейн // Грани. — № 3(29). — 2003. — С. 105-109.
8. Боринштейн Е. Р. Личность: её языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. — Одесса : Астропринт , 2001. — 168 с.
9. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. — М. : Наука , 2000 (переиздание 1963). — 320 с.
10. Білорус О. Глобальні трансформації і розвиток України в період незалежності / О. Білорус // Політична думка. — 2001. — № 3. — С. 9-13.
11. Біляцький С. Під ковдрою демократії. Соціально-економічні аспекти нової епохи в контексті українського шляху оновлення і розвитку / С. Біляцький // Наука і суспільство. — 2006. — № 3-4. — С. 5-14.

12. Візниця Ю. В. Національна ментальність та риси її українського виміру / Ю. В. Візниця // Український соціум. — 2010. — № 2(33). — С. 13-19.
13. Ватин И. В. Человеческая субъективность / И. В. Ватин. — Ростов : Изд-во Ростовского ун-та , 1984. — 280 с.
14. Виноградов Г. М. Особливості процесу генези і розвитку дуалістичного (бінарного) характеру українського менталітету / Г. М. Виноградов // Політика и власть. — 1993. — Ч. 2. — С. 9-10.
15. Вяткіна Н. Теорія ментальностей з погляду онтології / Н. Вяткіна // Проблеми теорії ментальності / М.В. Попович. — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 53-74.
16. Гнатенко П. И. Национальный характер / П. И. Гнатенко. — Днепропетровск : ДГУ , 1994 — 135с.
17. Головаха Є. Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг / Є. Головаха, Н. Паніна. — Київ , 2008. — 85 с.
18. Головаха Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005-2007-2009 / Є. Головаха, А. Горбачик. — К. : Інститут соціології НАН України , 2010. — 118 с.
19. Головаха Є. І. Україна та Європа: результати міжнародного порівняльного соціологічного дослідження / Є. І. Головаха, А. П. Горбачик, Н. В. Паніна. — Київ , 2006. — 142 с.
20. Городяненко В. Г. Раскол общества: стремление политиков или закономерная реальность? / В. Г. Городяненко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових прац. — Харків : Видавничий центр Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна , 2006. — С. 6-8.
21. Гершунский Б. С. Россия и США на пороге третьего тысячелетия: Опыт экспертного исследования российского и американского менталитетов / В. С. Гершунский. — М. : Флинта , 1999. — 327 с.

22. Горозия В. Е. Отчужденный мир и проблема социализации человека (Философский, социоло-психологический анализ) / В. Е. Горозия // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. — Спб. : Петрополис, 2001. — С. 68-86.
23. Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции / А. Я. Гуревич // Послесловие к книге Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада». — М. : Прогресс-Академия, 1992. — 356 с.
24. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. — М. : Индрик, 1993. — 256 с.
25. Гілко В. І. Соціальні орієнтири державної політики. Діагностика соціального розвитку Одеського регіону / В. І. Гілко, Л. І. Кормич, Е. А. Гансова. — Одеса : ОРІДУ НАДУ, 2005. — 376 с.
26. Гудков Л. Негативная идентичность / Л. Гудков // Статьи 1997-2002 годов. — М. : Новое литературное обозрение, ВЦИОМ, 2004. — 816 с.
27. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилёв. — М. : Мысль, 1989. — 764 с. — (Першотвір).
28. Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р. А. Додонов. — Запорожье : РА «Тандем-У», 1998. — 340 с.
29. Донченко О. Концепція соціальної психіки суспільства / О. Донченко // Філософська і соціологічна думка. — 1994. — № 1-2. — С. 118-157.
30. Донченко Е. Архетип психосоциальной эволюции с точки зрения политического менеджмента / Е. Донченко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 2. — С. 51-65.
31. Донцов А. И. Психология коллектива: Методологические проблемы исследования / А. И. Донцов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 245 с.
32. Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм / М. А. Дрюк // Вопросы философии. — 2004. — № 10. — С. 102-113.

33. Дуйкер Г. Особенности национального характера / Г. Дуйкер, П. Фрийд. — М. : Мир , 1997. — 127 с.
34. Екадумов А. И. Культурно-национальная идентичность и процесс глобализации / А. И. Екадумов // Философия и социальные науки. — 2011. — №1. — С. 27-33
35. Зиновьев А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус / А. Зиновьев. — М. : 1991. — 320 с.
36. Иванов Д. В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений / Д. В. Иванов. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та , 2002. — 212 с.
37. Иванова Т. В. Ментальность, культура, искусство / Т. В. Иванова // ОНС. — 2002. — № 6. — С. 168-177.
38. Іванілов О. Реалізація принципу альтернативності у розбудові української державності / О. Іванілов // Політичний менеджмент. — 2006. — № 5. — С. 74-82.
39. Іскакова Г. Політичні процеси на пострадянському просторі: тенденції, протиріччя, перспективи / Г. Іскакова // Політичний менеджмент. — 2007. — № 3. — С. 128-134.
40. История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. М. Михина ; кол.авт. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории и Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М. : [б. и.]. 1996. — 254с.
41. Кавалеров А. А. Цінність у соціокультурній трансформації / А. А. Кавалеров. — Одеса : Астропринт , 2001. — 224 с.
42. Кавалеров А. А. Ціннісні орієнтації та їх класифікація / А. А. Кавалеров // Наукове пізнання: методологія та технологія. — 2000. — №1-2. — С. 36-44.
43. Катаєв С. Л. Сучасне українське суспільство: Навч. посібник / С. Л. Катаєв. — К. : Центр навчальної літератури , 2006. — 200 с.

44. Катречко С. Л. К онтологии сознания через рефлексию // *Философия сознания в XX веке: проблемы и решения* / С. Л. Катречко. — Иваново : Изд-во ИВГУ , 1994. — 156с.
45. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : Высшая школа экономики , 2000. — 608 с.
46. Кизима В. «Незалежність від» чи «незалежність для»? Маргінальна сутність ментальності України / В. Кизима // *Віче*. — 1993. — № 9. — С.114-126.
47. Климова С. Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен / С. Г. Климова / *Человек*. — 1995. — №3. — С.35-40.
48. Колмаков В. Ю. Семантика менталитета. – [Электронный режим] – Режим доступа: [www.arctogaia.ru /laboratory/people/kolmakov/semantica.htm](http://www.arctogaia.ru/laboratory/people/kolmakov/semantica.htm)
49. Костомаров Н. И. Две русские народности / Н. И. Костомаров. — К. : Майдан , 1991. — 120 с. — (Першотвір).
50. Колодій А. Ф. Проблеми і перспективи розвитку громадянського суспільства в сучасній Україні / А. Ф. Колодій // *Розвиток демократії в Україні: Матеріали міжнародної наукової конференції*. — К. : Центр Освітніх Ініціатив , 2001. — С. 513-551.
51. Крапивенский С. Э. Социальная философия / С. Э. Крапивенский. — Волгоград : Волгоградский гос. университет , 1996. — 420 с.
52. Кримський С. Архетипи української ментальності / С. Кримський // *Проблеми теорії ментальності* — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 273-301.
53. Козлова О. Н. Управляемость социальной жизни: от быта к бытию / О. Н. Козлова // *Социально-гуманитарные знания*. — 2002. — № 1. — С.128-138
54. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз ; [пер. с англ. Н. Розов, Ю. Вертгейм]. — Новосибирск : Сибирский Хронограф , 2002. — 1280 с.

55. Конт О. Дух позитивной философии / О. Конт ; пер. с фр. И. А. Шапиро; с предисл. М. М. Ковалевского. — Ростов-на-Дону : Феникс , 2003. — 256 с. — (Першотвір).

56. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. — М. : ЧеРо , 2003 — 320 с.

57. Коростелина К. В. Культурные детерминанты межэтнических отношений / К. В. Коростелина // Ученые записки таврического Национального университета. — 2001. — Вып. №12(51), №2. — [Электронный ресурс] — Режим доступа : www.Crimea.Edu/Internet/Education/Notes/Edition12/Тom2/N01214.htm

58. Кримський С. Б. Концептуальний лад аналізу перехідного суспільства / С. Б. Кримський // Наукові записки НАУКМА. — 1999. — Т. 8. — С. 4-10. — (Філософія і право).

59. Кримський С. Архетипи української ментальності / С. Кримський // Проблеми теорії ментальності / М. В. Попович. — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 273-301.

60. Культура и развитие человека: очерк философско-методологических проблем / Отв. ред. В. П. Иванов. — К. : Наукова думка , 1989. — 320 с.

61. Лапин Н. И. Проблема социокультурной реформации России: тенденции и препятствия / Н. И. Лапин // Вопросы философии. — 1996. — №5. — с. 21-31.

62. Лапин Н. И. Ценности в кризисном социуме / Н. И. Лапин // Ценности социальных групп и кризис общества. — 1991. — С. 4-21.

63. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н. М. Лебедева. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://mnoogoknig.ru/bookbox_105647.html

64. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон ; пер. с фран. — Спб. : Макет , 1995. — (Першотвір).

65. Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Изб. психол. Произведения. — М. : Педагогика , 1983. — 227 с.

66. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. — 1996. — № 4. — С. 15-26.

67. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Русский гуманитарный интернет-университет, 2002. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/leontiev_cennostnie_predstavleniya

68. Лисеенко Е. В. Политическая ментальность в контексте модернизационных процессов в Украине: социокультурное содержание и особенности проявления / Е. В. Лисеенко // Грани. — 2002. — № 5 (31). — С.127-131.

69. Лисеенко Е. В. Социокультурные составляющие модернизации украинского общества на рубеже XX-XXI столетия: изменение духовных ценностей / Е. В. Лисеенко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». — 2005. — № 652. — С. 118-122.

70. Лисеенко Е. В. Динамика ценностных ориентаций украинцев как составляющая модернизации общества / Е. В. Лисеенко // Вісник Одеського національного університету. — Том 13. — Випуск 5. Соціологія і політичні науки. — Одеса : Астропринт, 2008. — С. 121-127.

71. Лосский Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. — М. : ИС РПЦ, 2005. — 220 с. — (Першотвір).

72. Липинский В. Письма к братьям-хлеборобов / В. Липинский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.umka.com.ua/rus/catalogue/history/collection-vyacheslav-lypynsky-2-books.html>

73. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. — М. : Аспект-Пресс, 1997. — 230 с.

74. Лысый И. Менталитет и духовная культура украинцев / И. Лысый // Философская и социологическая мысль. — 1995. — № 11-12. — С. 37-59.

75. Макаровський І. Національна ідея, політична ідеологія і питання державотворення / І. Макаровський. — Івано-Франківськ, 1996. — 47 с.
76. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. — 1990. — № 10. — С. 3-19.
77. Маслоу А. Психология бытия / А. Маслоу ; пер. с англ. О. О. Чистякова. Рефл-бук, Ваклер, 1997. — 356 с.
78. Медвідь Ф. Українська національна ідея як детермінанта державотворчих процесів / Ф. Медвідь // Політичний менеджмент. — 2005. — № 1. — С. 35-43.
79. Медведчук В. Сучасна українська національна ідея і питання державотворення / В. Медведчук. — К. : Україна, 1997. — 170 с.
80. Медушевский А. Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа / А. Н. Медушевский // Вопросы философии. — 1999. — № 12. — С. 3-21.
81. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления. — М. : Прогресс-Пайо, 1989. — С. 454-463.
82. Михальченко Н. И. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? / Н. И. Михальченко. — К. : Институт социологии НАНУ, 2001. — 440 с.
83. Миронов Б. Н. Историк и социология / Б. Н. Миронов. — М. : Наука, 1995. — 320 с.
84. Національна культура в сучасній Україні. — К. : Асоціація «Україна», 1995. — 335 с.
85. Нікульченко О. Н. Соціальна основа ціннісно-культурної переорієнтації українського суспільства / О. Н. Нікульченко // Нива знань. Альманах. — Дніпропетровськ, 1998. — С. 43-44.
86. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [www. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/New_Dict/276.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/New_Dict/276.php)

87. Омелянчик В. Логічні та метафізичні засади теорії поняття «український менталітет» / В. Омелянчик // Проблеми теорії ментальності / М. В. Попович. — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 128-144.

88. Писаренко Ю. До питання про українську ментальність та її витoki / Ю. Писаренко // Проблеми теорії ментальності — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 302-323.

89. Платон. Государство. Законы. Политика / сост. Е. И. Темнова. — М. : Мысль , 1998. — 798 с. — (Першотвір).

90. Поплавская Т. Н. Исследование менталитета: личность и национальная культура / Т. Н. Поплавская // Философия. Менталитет. Образование: материалы международной научно-теоретической конференции 12-14 октября 1994 г. — Одесса, 1994. — С. 34-36.

91. Поплавская Т. Н. Менталитет личности в общественно-историческом процессе / Т. Н. Поплавская // Современный кризис общества и пути его преодоления: материалы международной научно-теоретической конференции 27-28 апреля 1995. — Запорожье , 1995. — С. 20-22.

92. Поплавская Т. Н. О природе сознания в современной физике и философии / Т. Н. Поплавская // Перспективи. — 2002. — № 4(20). — С. 35-41.

93. Поплавская Т. Н. Онтология как метод исследования сознания / Т. Н. Поплавская // Перспективы. — 2005. — № 2(30). — С. 37-43.

94. Победа Н. А. Возрождение духовности как предмет социологического анализа / Н. А. Победа // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб наукових праць. — Харків , 2000. — С. 43-52.

95. Поліщук І. Ментальність українства: політичний аспект / І. Поліщук // Людина і політика. — № 1. — 2001. — С. 86-100.

96. Попова И. М. Системный подход в социологии и проблема ценностей / Ирина Марковна Попова: Memoria / Сост. : М. Б. Кунявский, Е. В. Лисеенко, О. Р. Лычковская. — Одесса : Астропринт , 2011. — С. 68-83.

97. Попович М. В. Теорія ментальності / М. В. Попович // Проблеми теорії ментальності / М. В. Попович. — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 3-30.
98. Попович М. Українська національна ментальність / М. В. Попович // Проблеми теорії ментальності / М. В. Попович. — Київ : Наукова думка , 2006. — С. 232-272.
99. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; [Пер. с англ]. — М. : Прогресс , 1986. — 432 с.
100. Пушкарев Л. Н. Понятие менталитет в современной зарубежной истории / Л. Н. Пушкарев // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. — М. : Институт российской истории РАН , 1999. — С. 17-21.
101. Рибачук М. Ф. Національне відродження і релігія / М. Ф. Рибачук, О. І. Уткін, М. І. Кирюшко. — К. : Академія Україна , 1995. — 257 с.
102. Ручка А. А. Социальные ценности и нормы / А. А. Ручка. — К. : Наукова думка , 1976. — 260 с.
103. Ручка А. А. Особенности системной трансформации современного украинского общества / А. А. Ручка // Современное общество. — Х., 1994. — № 4(6). — С. 6-15.
104. Ручка А. Ціннісна ментальність українського соціуму в першій декаді нового століття / А. Ручка // Українське суспільство 1992-2009. Динаміка соціальних змін / В. М. Ворона, М. О. Шульга. — К. : Інститут соціології НАН України , 2009. — 560 с.
105. Семикина М. Украинский менталитет: слагаемое успеха или тормоз на пути к рынку? / М. Семикина // Украина-центр. — 1995. — № 3. — С. 7-21.
106. Солдатова Г. У. Психология личности. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/388172/>
107. Сознание // Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. — М. : Политиздат , 1982. — С. 312

108. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с. — (Першотвір).
109. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. — М. : изд-во «Одиссей», 1996. — 608 с.
110. Суїменко Е. І. Культурне життя України в період соціально-економічних перетворень / Е. І. Суїменко, О. М. Семашко // Національна культура в сучасній Україні. — К. : Асоціація «Україна», 1995. — С. 24-31.
111. Суспільна трансформація: концептуалізація, тенденції, український досвід / За ред. В. В. Танчера, В. П. Спепаненка. — К. : Ін-т соціології НАНУ, 2004. — 244 с.
112. Табачковський В. Г. Людина. Екзистенція. Історія. / В. Г. Табачковський. — К. : 1996. — 420 с.
113. Тертычка В. К вопросу об исторических корнях своеобразия восприятия украинцев / В. Тертычка // Политика и власть. — Запорожье, 1993. — Ч.2. — С 19-20.
114. Тарасенко В. І. Проблема соціальної ідентифікації українського суспільства (соціотехнологічна парадигма) / В. І. Тарасенко, О. О. Іваненко. — К. : Інститут соціології НАН України, 2004. — 576 с.
115. Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки / Д. Н. Узнадзе. — Тбилиси, 1961. — 413 с.
116. Українське суспільство 1992–2007: Динаміка соціальних змін / В. М. Ворона, М. О. Шульга. — К. : Інститут соціології НАН України, 2007. — 544 с.
117. Українське суспільство 1992-2010. Соціологічний моніторинг / За ред. д.екон.н. В. Ворони, д. соц.н. М. Шульги. — К. : Інститут соціології НАН України, 2010. — 636 с.
118. Українське суспільство на порозі третього тисячоліття: Колективна

монографія/ М. О. Шульга. — К. : Інститут соціології НАН України , 1999. — Додаток. — С. 675-686.

109. Усенко О. Г. К вопросу определения понятия «менталитет» / О. Г. Усенко // Русская история. Проблемы менталитета. — М. , 1994. — 170 с.

110. Українська діаспора. — Київ-Чикаго, 1993. — 76 с.

111. Філософія політики : Хрестоматія: у 4 т. / В. П. Андрущенко, М. І. Бойченко, В. С. Бакіров, Л. В. Губернський. — К. : Знання України , 2003. — Т.1. — 364с.

112. Філософія політики: Підручник / В. П. Андрущенко, В. С. Бакіров, М. І. Бойченко, Л. В. Губернський. — К. : Знання України , 2003. — 400 с.

113. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М. : Сов. Энциклопедия , 1983. — 840 с.

114. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл ; пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. — М. : Прогресс , 1990. — 340 с.

115. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; перевод с нем. Г. Ф. Швейника. — М. : АСТ , 2011. — 288 с. — (Першотвір).

116. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / З. Фрейд ; пер. с нем. [состав., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский]. — М. : Просвещение , 1989. — 448 с.

117. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляева и др. — М. : Academia, 1995. — 256 с.

118. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибикина. — СПб. —2007. — 326 с.

119. Чижевский Д. Философия Г. Сковороды / Д. Чижевский ; под ред. Л. Ушкалова. — Харьков , 2004. — 272 с.

120. Чижевский Д. Избранное: В 3 т. / Д. Чижевский ; сост., вступ. ст. В. В. Янцена ; коммент. В. В. Янцена и др. — М. : Русский путь , 2008. — Т. 1: Материалы к биографии: (1894-1977). — 848 с.
121. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; [Пер. с англ., под ред. В. А. Ядова]. — М. : Аспект-Пресс , 1996. — 223 с.
122. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6-17.
123. Шульга Н. А. Дрейф на обочину. Двадцать лет общественных изменений в Украине / Н. А. Шульга. — К. : ТОВ «Друкарня Бізнесполіграф» , 2011. — 448 с.
124. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон ; пер. с англ. — СПб., 2000. — 320 с.
125. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг , пер. А. М. Руткевича. — М. : Ренессанс, 1991. — 270 с.
126. Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Юнг // Архетип и символ ; пер. А. М. Руткевича. — М. : Ренессанс , 1991. — С. 97-128.
127. Хоанг Тхи Кук Национальный менталитет и духовные ценности украинского народа / Хоанг Тхи Кук // Наукове пізнання: методологія та технологія. — 2011. — 1 (26). — С. 48-53.
128. Хоанг Тхи Кук. Национальный менталитет: социально-философский аспект исследования // Хоанг Тхи Кук / Перспективы. — № 2(46). — Одесса, 2009. — С. 166-170.
129. Хоанг Тхи Кук Национальный менталитет как социально-культурный феномен / Хоанг Тхи Кук // Перспективи: соціально-політичний журнал. — 2011. — 1 (48). — С. 88-96.
130. Хоанг Тхи Кук Национальный менталитет как дететминанта трансформационных изменений: социально-философский аспект / Хоанг Тхи Кук // Наукове пізнання: методологія та технологія. — 2011. — 2(27) — С. 182-186.

131. Ядов В. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www.http://www.polit.ru/article/2010/02/16/yadov/](http://www.polit.ru/article/2010/02/16/yadov/)

132. Artan S. & Medin D. Knowledge and action: Cultural models of nature and resources management in Mesoamerica. In M. Z. Bazerman & D. Messick (Eds.), *Environment, ethics, and behavior: The psychology of environmental valuation and degradation* (pp. 171–208). San Francisco: New Lexington Press. — 1997.

133. Cambridge international dictionary of English. — Cambridge UP. — 1995. — P. 886, 887.

134. Desjarlais R., Eisenberg L., Good B. & Kleinman A. *World mental health: problems and priorities in low-income countries*. New York : Oxford University Press. — 1995.

135. Edelmann R. J., Asendorpf J., Contarello A., Georgas J., Villanueva C., & Zammuner, V. Self-reported verbal and non verbal strategies for coping with embarrassment in five European cultures. *Social science Information*, 26, 868-883. — 1987.

136. Fiske A. P. The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of sociality. *Psychological review*, 99, 689-723. — 1992.

137. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in Forty-three Societies* / R. Inglehart — Princeton University Press, 1997. — 453 p.

138. Inglehart R. The Renaissance of Political Culture / R. Inglehart // *American Political Science Review*. — 1988. — Vol. 82. — P. 1203-1230.

139. Geertz C. «From the native's point of view»: On the nature of anthropological understanding. In R. A. Shweder & R. A. LeVine (Eds.), *Culture theory*. — Cambridge: Cambridge University Press. — 1984- pp. 123-136.

140. Heine S., Lehman D. R. Culture, dissonance, and self-affirmation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 23. — 1997. — pp.389-400.

141. Heisler M. O. Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts/Toronto, 1990. pp. 21- 52.
142. Kemper T. D. A social interactional theory of emotions. New York: Wiley. 1978.
143. Lloyd G. E. R. Demystifying mentalities. New York Cambridge university Press. — 1990.
144. Rokeach M. The nature of human values / M. Rokeach. — N.-Y. London, 1973. — 208 p.
145. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics: in 4 vols. / P. A. Sorokin. — N.Y. : American Book Company, 1937-1941. — Vol. 1 — 775 p.
146. Soviet Studies, Vol. 44. — 1992. — № 2. — 253 p.
147. Williams, Michael, Vietnamese Resistance Mentality. — 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/791
148. Seeman M. On the Meaning of Alienation // American Sociological Review. — 1959. — Vol.24. — P. 783-791.